

Фонда Ли

«САГА Зеленой Кости — лучшее фэнтези,
что я читала за последние десять лет».

ШЕННОН ЧАКРАБОРТУ

НЕФРИТОВОЕ

НАСЛЕДИЕ

СЕМЬЯ — ЭТО ДОЛГ
МАГИЯ — ЭТО ВЛАСТЬ
ЧЕСТЬ — ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Сага Зеленой Кости

Фонда Ли

Нефритовое наследие

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

Ли Ф.

Нефритовое наследие / Ф. Ли — «Эксмо», 2021 — (Сага Зеленой Кости)

ISBN 978-5-04-166575-3

В старые времена только бойцы кланов Зеленой Кости обладали таинственным магическим нефритом. Но теперь о нем известно во всем мире. Каждый хочет получить доступ к сверхъестественным способностям, начиная от членов правительства, спортсменов, врачей и киноактеров — и заканчивая наемниками и обычными преступниками. Борьба за контроль над нефритом становится все масштабней и смертоносней — это значит, что старые времена ушли и образ жизни кланов больше никогда не будет прежним. «Сага Зеленой Кости — лучшее фэнтези, что я читала за последние десять лет». — Шеннон Чакраборти «Кровь, верность и жизнь как обретаются, так и теряются в мощном финале саги». — Library Journal «Фонда Ли умело балансирует между конфликтом и развитием героя как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества, придавая этой масштабной истории вес, поскольку каждое решение и выбор может изменить мир. Как оправдывая, так и опровергая ожидания на каждом шагу, автор ведет свой актерский состав к заслуженной концовке». — Publishers Weekly «"НЕФРИТОВОЕ НАСЛЕДИЕ" превосходно, и именно оно должно быть заключительной книгой в большой трилогии. Масштаб, характеры персонажей, культурные и технологические изменения с течением времени, разница между поколениями, экшен, трагедия и комедия создают потрясающую и величественную историю, которая полностью основана на жизни людей». — Кейт Эллиот «Сериял Фонды Ли является столпом эпического фэнтези и семейной драмы». — Library Journal «Мгновенно захватывающая история о крови, чести, семье и магии, приправленная неожиданно тонко чувствующими героями». — NPR

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-166575-3

© Ли Ф., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	43
Глава 8	46
Глава 9	55
Глава 10	63
Глава 11	71
Глава 12	77
Глава 13	80
Глава 14	85
Первая интерлюдия	90
Глава 15	91
Глава 16	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Фонда Ли

Нефритовое наследие

Глава 1

Будущее без кланов

Отель и казино «Двойная ставка» – неподходящее место для зарождения революции. В качестве цели оно годилось лишь по той причине, что Беро здесь работал и знал, как пройти мимо охраны. Пока Жанлун дрожал от холода в самую промозглую зиму за многие десятилетия, яркие огни в сверкающем игорном зале не гасли круглые сутки, и в закрома Равнинного клана стекались деньги от азартных игроков и туристов. Но не сегодня.

За десять минут до полудня Беро толкал по игорному залу в сторону лифта багажную тележку с тремя чемоданами. В лифте пылко спорили три бизнесмена.

– Горные предложили мне выплачивать на пятнадцать процентов меньше дани. От Коулов такого не дождешься, – проворчал лысый в синем костюме. – Но при этом они ожидают, что я буду конкурировать с иностранными сетевыми магазинами, которые появляются как грибы после дождя из-за сделок, заключенных Равнинными.

Его коллега поморщился:

– Так что же, вы предпочли бы платить дань Айт Маде?

– Айт – убийца и жаждет крови, ну и что с того? Все они такие. Она поступила так, как должна была, чтобы сохранить Горный клан, – сказал загорелый бизнесмен. – По крайней мере, на первое место она ставит интересы Кекона, и теперь, когда она наконец-то объявила наследника, я думаю, что...

Дверь лифта, уже начавшая закрываться, снова открылась, и вошли два иностранца, заняв оставшееся от тележки Беро пространство. Одежда на них была неприметная, но они не выглядели как туристы. Три бизнесмена умолкли и оглядели незнакомцев с вежливой подозрительностью. В последнее время Жанлун кишел иностранными шпионами, вынюхивающими корпоративные и правительственные секреты.

Лифт опустился на парковку, и дверь с тихим писком открылась. Когда все пассажиры вышли, Беро выкатил тележку вместе с ее содержимым на парковку и посмотрел на часы. Зеленые кости Равнинного клана не спускали глаз с прибыльных игорных домов на шоссе Бедняка, но этот район патрулировало не так уж много людей. Эйтен, бывший Кулак, который и дал Беро работу в «Двойной ставке», сегодня отсутствовал. Беро несколько месяцев отслеживал смены охранников и знал, что ровно в полдень поблизости не будет ни одного другого нефритового бойца клана. Конечно, как только начнется заварушка, они быстро появятся, так что главное – скорость.

Рядом с Беро припарковался фургон. С переднего сиденья спрыгнул Тадино, Отоньо и Гурихо вылезли из задних дверей. Трое выходцев из Оортоко не особенно нравились Беро, с их иностранным акцентом и уродливыми югутанскими шмотками, в особенности Тадино, обладатель узкого, как у терьера, лица, да и голос его скорее напоминал лай. И все же из всех знакомых Беро лишь эти трое ненавидели Зеленых костей так же пылко, как и Беро, и так же страстно желали их уничтожить.

– Нас даже не остановили и не задали ни одного вопроса, – твякнул Тадино. А даже если бы и остановили, в фургоне не было оружия или чего-либо подозрительного.

Беро сбросил на пол чемоданы с тележки и открыл их. Гурихо, Отоньо и Тадино вытащили содержимое: противогазы, баллончики с краской, монтировки, пистолеты и гранаты со слезоточивым газом.

Когда они были полностью готовы, своим служебным ключом Беро открыл дверь на лестницу рядом с лифтами. На верхней площадке он отпер еще одну дверь, впустив их в покрытый ковром коридор, ведущий на кухню казино.

Тадино ухмыльнулся и натянул противогаз. Гурихо и Отоньо похлопали друг друга по спине и последовали его примеру. Гурихо немного замешкался, чтобы затолкать под маску свою длинную бороду. Не оглянувшись на Беро, они помчались по коридору. Отоньо бросил одну гранату со слезоточивым газом на кухню, а Тадино швырнул другую в игорный зал, где она начала с шипением испускать газ. Послышались крики, кашель и натужное дыхание, а потом топот ног, и Беро прислонился к двери на лестницу, постаравшись стать невидимкой. Прогремел выстрел, заверещала сигнализация, перекрывая треск мебели и звон разбитого стекла, металлический лязг пожарных выходов и резкий свист вращающихся дверей казино – задыхающиеся посетители «Двойной ставки» в панике устремились наружу, на шоссе Бедняка, покинув сумрачный и теплый уют игорных залов.

Беро закрыл нос и рот банданой и выглянул за угол. Он по-прежнему слышал жуткий грохот, но трудно было рассмотреть что-либо в дыму. В глубине души ему хотелось находиться в гуще заварушки вместе с остальными – выстрелить в воздух, треснуть монтировкой по стеклянному бару, разбить мебель и стены. Конечно, все сломанное починят, но это дорого обойдется Равнинным. Унизит их и послужит уроком. Беро нахмурился. Да у него больше смелости и кровь гуще, чем у кого бы то ни было. На его счету такое, от чего эти оортокцы просто обделались бы.

Беро втянул голову обратно на лестничную площадку и закрыл дверь. Что и кому он докажет, сунувшись туда? Если появятся Зеленые кости, они переломают идиотам ноги, это в лучшем случае. Беро достаточно настрадался и приучился ценить свои конечности. Когда-то он и сам владел нефритом, а «сияния» у него было столько, что он купался в деньгах, но то давно в прошлом. Он ненавидел кланы, однако нуждался в работе.

Дверь с грохотом распахнулась, и на лестницу, покачиваясь и тяжело дыша, вышли трое его подельников с безумными горящими глазами и взмокшими от пота волосами. Беро поспешил вместе с ними обратно на парковку. Он выскочил первым и пригнулся за углом, когда из ближайшего лифта высыпала кучка растерянных горничных и поваров. Как только они ушли, Беро нажал на кнопку аварийной остановки лифта, чтобы тот больше не поднялся, и выпустил приятелей с лестницы. Они сорвали маски и побросали их в чемоданы.

– Залягте на дно недели на две, а потом встретимся в «Хурме», – напомнил им Гурихо, пока они залезали обратно в фургон.

Машина тронулась, и Беро остался на парковке в одиночестве.

Беро подкатил три чемодана с их отвратительным содержимым к мусорному баку и выкинул. Затем убедился, что его униформа чистая и не мятая, и вышел с парковки на свой обычный обеденный перерыв. Полчаса спустя, когда он вернулся, перед «Двойной ставкой» стояли две полицейские машины и одна пожарная, а вокруг расхаживали три Зеленые кости из Равнинного клана, сердито осматривая ущерб. Одинокое постояльцы отеля ежились на тротуаре в ожидании, когда их впустят обратно. Беро сунул руки в карманы и подождал вместе с остальными, пряча улыбку при взгляде на фразу, намалеванную на всю высоту стеклянных дверей казино: «Будущее без кланов!».

Глава 2

Предательство

шестой год, первый месяц

Коул Хилошудон внимательно изучал обедающих с ним шестерых бизнесменов и надеялся, что не придется убивать ни одного из них. Они собрались в самом большом приватном зале ресторана «Двойная удача», и на столе осталось еще много блюд, однако у Хило не было аппетита. Он без колебаний отнял бы жизнь у врага, но это были люди из его же клана, он знал их и в прошлом относился к ним по-дружески. Равнинные нуждались в каждом лояльном человеке.

– Как здоровье вашей жены, Коул-цзен? – спросил Фонарщик Фуинь Кан, и за столом повисла неловкая пауза.

На лице Хило осталась улыбка, но, когда он посмотрел в лицо сидящему напротив мужчине, взгляд его был ледяным.

– Выздоровление требует времени, но ей уже лучше. Спасибо, что спросили.

– Приятно это слышать, – сказал Фуинь. – Нет ничего важнее, чем здоровье и безопасность наших родных. Да озарят боги Равнинный клан сиянием своей милости.

Он приподнял бокал с хоцзи в сторону Хило, и остальные бизнесмены последовали его примеру.

Фуинь не был типичным Фонарщиком без нефрита. Он носил два нефритовых кольца, нефритовые гвоздики в ушах и резную нефритовую застёжку на ремне. Бывший Кулак, он покинул боевой отряд Равнинных пятнадцать лет назад и занялся семейным бизнесом – торговлей. Несмотря на вежливую озабоченность Фуиня, Хило Почуял его нефритовую ауру – густое и перекатывающееся облако, ошетилившееся явными подозрениями и обидой.

Хило оттолкнул тарелку и откинулся на спинку стула, пока официанты уносили пустые блюда и подливали чай. Хило не смотрел на сидящую рядом Шаэ, но Чуял напряжение в ее ауре. Она тоже ела мало. Разговор явно не клеился.

– Я пригласил всех вас, потому что Шелест рассказала мне о ваших тревогах, которые вы хотели напрямую обсудить с Колоссом, – сказал Хило. – Вы все – уважаемые и ценные Фонарщики клана, и, конечно, я готов ответить на ваши вопросы и решить проблемы, прежде чем возникнет серьезное непонимание.

Первым заговорил не Фуинь, а лысый мужчина рядом с ним, господин Тино. В клане он был с давних времен и дружил еще с покойным дедом Хило.

– Коул-цзен, – сказал Тино, – учитывая состояние экономики и конкуренцию, причем не только со стороны Горного клана, но и иностранных компаний, мы уже несколько раз просили Шелеста снизить размер дани. Вы, конечно же, помните, что Равнинные увеличили размер дани, чтобы сражаться на войне кланов, но с тех пор прошло уже шесть лет, а дань так и не снизили.

– Война кланов еще не закончена, пусть даже и не ведется в открытую, – напомнил Хило. – Горные по-прежнему намерены нас покорить, рано или поздно. Мы держим дань на разумном уровне и на эти деньги усиливаем клан, как считает нужным Шелест.

При этих словах Шаэ подалась вперед и сказала:

– Если мы хотим одолеть врагов, то должны нарастить возможности Равнинных. Мы модернизируем технологии, расширяем Академию Коула Ду, чтобы выпускать больше Зеленых костей, и отстраиваем наши зарубежные представительства и предприятия.

Помощник Шелеста Вун Папидонва немедленно передал ей папку. Шаэ открыла ее и начала доставать стопку листов.

– Могу показать бюджет клана на ближайший год и куда именно направляются средства от дани...

Третий Фонарщик, дочерна загорелый господин Эхо, нетерпеливо отмахнулся:

– Я не сомневаюсь, что вы тратите деньги. Проблема в том, как вы их тратите. Равнинные развивают бизнес в Эспении, а это обязательно навредит нашей стране в будущем. – Он старался не смотреть на Шелеста – у Фонарщика уже были трения с Шаэ. – Чуждые обычаи влияют на молодежь. Вот почему в нашем обществе стало больше преступлений и проблем. К примеру, случай в казино «Двойная ставка» на прошлой неделе. Просто позор! А хулиганов так и не поймали.

В ответ на его назидательный тон Хило прищурился:

– Если вы желаете обвинить кого-либо в преступлениях, вспомните о том, сколько бандитов-баруканов привезли в страну Горные, чтобы усилить свои ряды. Но давайте ближе к делу. Я знаю, что Горные пытаются подорвать нашу мощь, предлагая вам пониженную дань, и вам вдруг стало казаться, что несправедливо выплачивать дань в обычном размере, если можно платить меньше.

Установившаяся неловкая пауза послужила достаточно красноречивым подтверждением его слов.

Два Фонарщика тщательно избегали его взгляда.

Однако Фуинь Кан не отвернулся.

– Смена клана была бы тяжелым и трагичным решением, – сказал он. И действительно, такое решение не только повлияло бы на финансовое состояние Фонарщика, ему пришлось бы сменить место жительства, а детям ходить в другую школу боевых искусств, изменились бы все его социальные связи, друзья и враги. – Нам не хотелось бы заходить так далеко, вот почему мы и пришли к вам в надежде на урегулирование проблемы.

Остальные Фонарщики одобрительно заерзали. Фуинь позволил другим высказаться первыми, но, очевидно, именно он был зачинщиком, как и подозревал Хило. Все это плохо кончится. Хило в этом не сомневался, но тем не менее твердо объявил:

– Мы не можем сейчас снизить дань. Даю вам слово Колосса, как только наш бизнес за границей окрепнет, мы поделимся прибылью со всем кланом. В ближайшие пять лет Шелест будет постепенно понижать дань.

Он понятия не имел, разумно ли это с финансовой стороны, но звучало неплохо. Поскольку аура Шаэ не налилась гневом, Хило сделал вывод, что она справится.

Фуинь покачал головой.

– Это трудно назвать компромиссом. Мы все единодушны в том, что будет справедливо, если Равнинные предложат то же, что и Горные. И мы твердо убеждены, что нужно изменить стратегию клана. И вместо расширения бизнеса за границей сосредоточиться на защите наших интересов дома.

Нефритовая аура Шаэ дрогнула от испуга, но ее голос был тверд:

– Если мы уменьшим дань и при этом откажемся от самого быстрорастущего источника дохода, клан лишится сразу двух денежных потоков. Мы подрубим сук, на котором сидим.

Два Фонарщика что-то пробормотали, но Фуинь взмахнул руками:

– У Горных дела идут прекрасно. Хотите сказать, что Равнинные не могут с ними тягаться? В таком случае вы не можете нас винить, если мы решим вместе бороться за лучшее будущее.

Эти слова не звучали как угроза, но именно ею и были. Фуинь собрал несколько недовольных Фонарщиков и теперь намекал, что, если Равнинные не согласятся с их коллективными требованиями, они все вместе перейдут в Горный клан. Даже Шаэ не ожидала подобного шантажа и явно не находила слов.

Хило переполняли холодная злость и разочарование.

– Фуинь-цзен, – сказал он, сосредоточив все внимание на бывшем Кулаке и игнорируя остальных, – зачем вы пришли сюда с просьбой ко мне, если уже переметнулись к Горным? А этих людей вы пытаетесь перетянуть вместе с собой по приказу Айт Мады?

Лицо Фуиня застыло.

– О чем это вы?

– Вы уже несколько месяцев платите дань Горному клану. Могу показать вам доказательства, которые собрал Маик Тар, или, может, сами признаетесь и перестанете лгать мне в лицо? – Хило говорил спокойно, но с нескрываемой ледяной угрозой. – А вы ведь не просто Фонарщик, как другие. Вы – Зеленая кость, предавшая клятву клану.

Над столом повисла мертвая тишина. Едва слышный гул из других залов «Двойной удачи», доносившийся из-за закрытых дверей, казался какофонией. Остальные Фонарщики отпрянули, их лица побелели, а Фуинь медленно встал:

– Вы обвиняете меня в предательстве клана? Я был уже Кулаком первого ранга, когда вы еще были сопливым мальчишкой в Академии. Это вы всех нас предали, Коул Хилошудон.

Обида, которую Хило почувствовал в ауре Фуиня, всколыхнулась бурей, и тщательно выверенный налет вежливости исчез.

– Мой отец с нуля создал процветающее дело с помощью клана и трудясь не покладая рук. Благодарю богов, что его уже нет в живых и он не увидит, как его компанию вытесняют с рынка, и все потому, что вы открыли страну для иностранцев, прямо как раздвигающая ноги шлюха. – Голос Фуиня задрожал и налился гневом. – Мой сын так вами восхищался и во всем хотел быть похожим на вас. Ему было всего двадцать, он лишь полгода пробыл Пальцем, когда его убили ни за что ни про что, из-за клановой войны, которая никогда бы не началась при вашем брате или деде. И вам хватает наглости ожидать от меня преданности? Нет, Коул-цзен, вы не Колосс, а щенок, а ваша сестра лижет эспенские сапоги. Я ничего вам не должен.

Хило молчал невероятно долгое для него время. Он Чувял глухие удары сердца и сдерживаемое дыхание, в особенности у Шаэ, но все это казалось таким далеким по сравнению с нарастающим в руках и голове напряжением.

– Фуинь-цзен, – наконец сказал он, – как я вижу, вы возненавидели меня из-за перенесенных страданий, но совершенно напрасно позволили Айт Маде себя использовать. – Он встал, оказавшись лицом к лицу с Фонарщиком. – Если вы чувствовали себя таким несчастным, то могли бы поговорить со мной в любое время. Если ваше ожесточение вызвано проблемами в бизнесе или вы не можете простить мне гибель сына, вы могли бы только попросить, и ушли бы достойно, а может, даже основали бы собственный маленький клан в другой части страны. И ради прошлых заслуг и жертв вашей семьи я бы вам это позволил. Вам не пришлось бы переходить к Горным, не пришлось бы заманивать с собой других, пытаться навредить Равнинным, чтобы выбраться из этой переделки.

Фуинь выпрямился. Он был выше Колосса и в свои сорок с лишним находился в прекрасной физической форме, тренируясь с молодыми Зелеными костями.

– Хотите сказать, что мне пришлось бы вымаливать разрешение покинуть город, в котором я родился, и жить как жалкий изгой? Вы ждете, что я теперь отрежу ухо и буду унижаться, умоляя сохранить мне жизнь? Никогда. – Его лицо окаменело, выражая чудовищную решимость. – Коул Хилошудон, Колосс Равнинного клана, я вызываю вас на дуэль на чистых клинках.

По комнате пронесся ошеломленный ропот. Никто уже много лет не решался бросить вызов Коулу Хило.

– Назовите место и... – начал Фуинь.

– Я отказываюсь. – От слов Хило воздух словно заледенел. На лице Колосса отразился его приснопамятный гнев. – Вы предатель и не заслуживаете дуэли. Я вам сочувствую из-за гибели

сына и проблем в бизнесе, но многие из нас пережили чудовищные трагедии и не нарушают клятвы братству.

Фуинь на мгновение смутился. Даже Шаэ и Вун посмотрели на Хило с удивлением. Как всем было известно, Коул Хилошудон никогда не отвергал личный вызов. Не веря своим ушам, Фуинь качнулся на каблуках.

– Трус, – выплюнул он.

– Я Колосс Клана, – сказал Хило. – Глупо было бы не считать вас сильным бойцом, Фуинь-цзен. Может, у вас и нет больше причин цепляться за жизнь, но я не могу рисковать, любое ранение помешает мне выполнять свои обязанности перед семьей и кланом. – Хило нахмурился, сообразив, что объясняет отказ не столько Фуиню, сколько самому себе. – Если вы хотите остаться в живых, отдайте все свое имущество клану и примите наказание – изгнание с Кекона. А если нет, я разрешу вам умереть с клинком в руках. Это все.

Хило еще говорил, когда двери в зал раздвинулись и вошли Цзуэн Ню, Штырь Равнинных, Маик Тар и Йин Ро. По приказу Хило Зеленые кости ожидали внизу, пока не Почуют угрозу со стороны присутствующих за столом. Эхо и Тино в ужасе вытаращили глаза и отпрянули от Фуиня, словно он вдруг превратился в бомбу с тикающим часовым механизмом. Когда Фуинь остался в одиночестве, его глаза забегали, а руки затряслись. Цзуэн, Маик и Йин обогнули большой стол с двух сторон, направляясь к Фуиню. Другие Фонарщики не осмелились покинуть свои стулья.

Шаэ начала вставать, и ее аура оцетинилась тревогой. Ведь именно Шелест вызвала Фонарщиков на этот обед, чтобы, предположительно, уладить проблемы, а он вот-вот превратится в казнь.

– Хило, – прошептала она достаточно громко, чтобы все услышали. – Так не делается. Давай...

Ее предложение так никто и не услышал. Фуинь резко выхватил спрятанный за поясом пистолет и открыл огонь.

Тар отреагировал мгновенно, подняв перед Колоссом волну Отражения, так что очередь прошла потолок обеденного зала и разбила два светильника. Вун схватил Шаэ за руку и загородил ее своим телом. Цзуэн и Йин повалили двух других Фонарщиков на пол. Фуинь Кан бросил пистолет, с Легкостью перемахнул через стол и направил изогнутый боевой нож к горлу Хило.

Отражая атаку, Хило с Легкостью запрыгнул на стол, схватил Фуиня за локоть и с силой врезал ему в солнечное сплетение. Еще летящий вперед Фуинь потерял равновесие и Легкость, его ноги коснулись стола. Бывший Кулак пошатнулся, но все же Сконцентрировался и нанес смертоносный удар, который чуть не пробил Броню Хило. Колосс дернулся, резко уклонился и потянул соперника за собой. Когда тот полетел на край стола, его нога задела тарелку с остывающим супом. Из-под ног полетели тарелки, стаканы и еда.

Много лет назад, когда Хило был еще подростком и учился в Академии, он тренировался в Легкости и равновесии со спарринг-партнерами на тонких планках и ходящих ходуном платформах. В то время это упражнение казалось ему глупостью. Драки проходят на асфальте и бетоне, а не на перекинутых через водопад бревнах, как в кино. Стоя на столе, он за долю секунды вспомнил, как наставники твердили ему: ни одна Зеленая кость не может быть уверена, что будет драться в идеальных условиях, как бы хорошо ни готовилась. И теперь, когда они сплелись воедино и балансировали на краю стола, Хило схватил Фуиня левой рукой за затылок, словно рельбольный мяч, который он собирался бросить на поле. Мелькнувший в его правой руке нож погрузился Фуиню в горло. Схватив Фонарщика за волосы, Хило толкнул его лицом на стол, и, когда посреди звона разбитых тарелок Фуинь рухнул на колени и нож еще глубже вошел ему в шею, Хило со всей Силой дернул нож вверх, рассекая трахею.

Секунду Фуинь дергался, уронив со стола еще несколько тарелок, а потом затих, и кровь под его подбородком растеклась темной лужицей на красной скатерти, смешавшись с пролитым супом и ошметками других блюд. Хило спрыгнул со стола. Все это заняло меньше минуты, и в ушах у него еще шумело после выстрелов в таком тесном пространстве. Когда он заговорил с оставшимися пятью Фонарщиками, которые поднимались с пола, то не был уверен, кричит он или говорит нормально.

– Кто-нибудь еще настолько же сломлен горем или недоволен и хочет поддержать требования Фуиня?

Фонарщики покорно встали. Господин Эхо взглянул на тело Фуиня и громко сглотнул, а потом поднес сомкнутые ладони ко лбу и склонился перед Колоссом в глубоком поклоне:

– Коул-цзен, мне стыдно признаться, но я присоединился к Фуиню из эгоизма и жадности. Я ничего не знал о его гнусном предательстве. Я благодарен вам и полностью поддерживаю ваше предложение о постепенном снижении дани.

– Я тоже, Коул-цзен, – быстро вставил господин Тино, отряхивая брюки. – Простите за то, что был таким глупцом. Я думал, Фуинь выступает за всех нас, но теперь понимаю, как я ошибся, доверившись ему. Нам повезло, что вы его раскусили.

Остальные Фонарщики пристыженно кивали, выражая преданность клану.

Хило подавил желание надавать им затрещин и потребовать немедленно отрезать уши, чтобы заслужить прощение. Но он знал, что у бизнесменов кишка тонка, а теперь, когда они увидели труп Фуиня на столе, Хило уже достиг цели. Нет смысла продолжать их запугивать, разве что получить удовольствие. Хило с отвращением отвернулся.

– Уведите их отсюда, – велел он Кулакам.

Йин Ро вывела униженных Фонарщиков из ресторана. Они и рады были уйти, напоследок бросив в дверях быстрые и нервные взгляды на Хило. Кто-то из них, возможно, встревожится и перепугается настолько, что и впрямь пришлет ухо в коробке, но Хило было плевать. Он считал, что никогда не стоит полагаться на Фонарщиков, не носящих нефрит. Они ожидают помощи от своего клана, а сами находятся под защитой кодекса айшо, думая лишь о деньгах, и с легкостью могут переметнуться ради выживания и прибыли. Не стоит винить Айт в том, что она всеми силами пытается их переманить.

– Пойду поговорю с господином Унем и успокою всех, – сказал Цзуэн.

Выстрелы и шум схватки наверняка всполошили клиентов «Двойной удачи» и встревожили старика-владельца. Когда Штырь вышел, Тар обнял Хило за плечи.

– Ты слишком быстро его уложил, Хило-цзен, – сказал он с шутливой обидой. – Я, как никак, твой помощник, мог бы дать мне возможность завоевать хоть часть его нефрита.

Хило с кислой миной глянул на распростертое тело Фуиня, не улыбнувшись шурина в ответ.

– Забери нефрит в пользу клана, – велел он. – У меня нет желания его носить, ведь его сын погиб за Равнинных, когда я был Штырем.

Он направился к двери.

Шаэ, чья нефритовая аура недовольно пощелкивала, преградила брату дорогу.

– Ты что, собираешься вот так уйти, не сказав больше ни слова? – возмутилась она.

От ее тона Хило гневно раздул ноздри.

– А что еще ты хочешь от меня услышать? Ты сказала, что нужно встретиться с недовольными Фонарщиками и обсудить их проблемы. Теперь-то они всем довольны, верно?

– А тебе не кажется, что сначала стоило обсудить это со мной, если ты собирался казнить Фуиня на глазах у остальных? Почему ты не сказал, что у тебя есть доказательства его измены?

– Потому что у меня их и не было, – огрызнулся он. – Просто интуиция. А когда я увидел его реакцию, то убедился в том, что она меня не подвела. Он затаил на нас обиду, неудивительно, что Айт им занялась. Он наверняка собирался умереть и прихватить меня с собой.

Как ни крути, Хило принял предательство бывшего Кулака близко к сердцу. Обвинения Фуиня звенели в его голове, и ему хотелось поскорее выйти из ресторана, оказаться подальше от трупа. Он попытался протиснуться мимо Шаэ, но она снова преградила ему путь.

– Так нельзя, Хило, – не унималась она. – Казнь предателя на время приструнит людей, но не разрешит проблем, которые настроили этих Фонарщиков против нас. Мы не обсудили проблемы, как положено Колоссу и Шелесту.

Хило наклонился к сестре и прошипел сквозь зубы:

– Хочешь говорить со мной как положено Шелесту? Так и веди себя как Шелест. Ответь, каким образом Горным удастся переманивать наших бизнесменов пониженной данью, которую они не могут себе позволить? Скажи, как нам помешать им и победить. А если не можешь, так избавь меня от своих нравочений.

Шаэ уже открыла рот для ответа, но снова закрыла так резко, что Хило услышал, как стукнули ее зубы. Шаэ хмуро посмотрела на него, и ее лицо вспыхнуло от досады. Маячивший поблизости Вун положил руку ей на плечо и оттащил назад, чтобы Хило смог наконец-то уйти.

Цзуэн еще успокаивал встревоженного господина Уня, тем самым избавив Хило от встречи с заламывающим руки ресторатором, утирающим пот со лба. Во время краткой заварушки обычная толпа обедающих посетителей схлынула, возможно, испугавшись, что драка выплеснется в другие залы «Двойной удачи», или переполошившись после нападения анархистов на казино «Двойная ставка» на прошлой неделе. Но некоторые еще шатались поблизости. При виде Хило они пробормотали уважительные приветствия, касаясь ладонями лба, но при этом украдкой заглядывали в зал, на труп, выворачивая шеи с нездоровым любопытством, какое вызывают автомобильные аварии или горящие здания. К вечеру по Жанлуну разнесутся слухи о том, что случилось с предателем Фуинем Каном.

Хило вышел на улицу и сел за руль «Княгини Сигны». У него было собственное парковочное место перед «Двойной удачей», которое он занимал каждый раз, когда здесь обедал. Тар вышел вслед за ним и облокотился на открытое окно со стороны пассажирского сиденья.

– Куда едешь? – спросил помощник Колосса с легким раздражением, вызванным не то заботой, не то неудовольствием от того, что его не позвали.

– Хочу прокатиться, развеяться, – ответил Хило, вставляя ключ в зажигание. – Помоги Цзуэну и Йин здесь закончить. – Были времена, когда Хило побоялся бы оставить Маика Тара и Йин Ро вдвоем разруливать дела клана, учитывая их страстные отношения в шаге от любви до ненависти, но сейчас у них был мирный период. – И подготовься к поездке в Порт-Масси. Там будет холодно, возьми теплую одежду. У тебя есть все необходимое? Билеты, паспорт и все остальное?

– Конечно, – ответил его шурина.

– Вернусь домой через пару часов.

Слегка озадаченный, Тар остался на парковке, и Хило бросил на него прощальный взгляд в зеркало заднего вида.

* * *

Полчаса Хило ехал куда глаза глядят. В Жанлуне начали появляться новогодние украшения, но яркие цвета потускнели на фоне серого неба без солнца. Люди радовались тому, что в горах выпал снег.

Хило невзначай оказался в Доках и остановился напротив мужского клуба «Божественная сирень». За последние годы в Жанлуне многое изменилось, но только не «Божественная сирень». «Хороший бизнес, которому не угрожают ни новые веяния, ни иностранная конкуренция», – хмуро подумал Хило. Швейцар забрал его машину, а на пороге его поприветствовала отработанной фальшивой улыбкой владелица клуба и Фонарщица клана, госпожа Суго.

Конечно, она никогда не выказывала ему неуважения и старалась во всем угодить, но определенно не радовалась нерегулярным и неожиданным визитам Колосса.

– Коул-цзен, – сказала госпожа Суго после приветствия и проводила его в пахнущую розами комнату с диваном. – Как приятно снова вас видеть. Мне послать за Суми или за Виной?

Хило покачал головой:

– Нет, за кем-нибудь другим.

Нарисованная улыбка госпожи Суго дернулась, но осталась на месте.

– Могу ли я спросить, Коул-цзен, только чтобы лучше вас обслужить, вам чем-то не понравились девушки, с которыми вы проводили время?

– Они шлюхи, – ответил Хило, совершенно беззлобно, просто устало. Он бросил пиджак на спинку дивана и налил себе стакан лимонной воды из кувшина на столе. – Только не присылайте ко мне никого, с кем имел дело мой брат. Мне противно даже подумать о таком.

Госпожа Суго поджала губы, скрыв раздражение поклоном, и удалилась, закрыв за собой дверь. Хило плюхнулся на диван, прикрыл глаза и потер веки пальцами. Раньше он не понимал, почему Лан сюда приходил – наверное, его брат был отчаянно одинок. Теперь ему оставалось лишь пожалеть себя, ведь он оказался в таком же положении. Вот уже шесть лет он был Колоссом Равнинных. Дольше Лана. Они с братом не были похожи, но, возможно, положение Колосса одинаково влияет на каждого человека – делает его одиноким и усталым, пока в конце концов не добьет, быстро или медленно.

Хило не мог не задуматься над тем, ощущает ли Айт Мада, убившая столько людей из собственного клана, такое же глубокое разочарование и боль, как и он, или она просто от рождения настолько жестокосердна, что ничего не чувствует. После безуспешного покушения на убийство Айт, предпринятого семьей Фен из Горного клана, Хило уже не удивлялся, что враги пользуются любым недовольством или слабостью Равнинных. И все же Шаэ была права, как ни больно это признавать. Предательство Фуиня – не единичный случай, а его смерть не разрешит гораздо более серьезную проблему. Не сумев убить Хило, Горные теперь сделали ставку на экономическую подрывную кампанию против Равнинных.

Послышался деликатный стук в дверь. Хило встал с дивана и открыл. За дверью стояла смуглая, миловидная девушка, гораздо интереснее той, что обслуживала его в последний визит, три месяца назад. Она держала черный поднос с бутылкой хоцзи и двумя чашками, на глиняном блюде лежало то же самое финиковое печенье.

– Коул-дзен, – просительным тоном сказала она, но твердые нотки в голосе подразумевали, что госпожа Суго и другие девушки подготовили ее к тому, чего ожидать. – Можно войти?

Хило придержал для нее дверь. Девушка поставила поднос на низкий столик перед диваном, опустилась на колени и отдернула край рукава, потом открыла бутылку хоцзи и налила две порции в маленькие чашки. Хоцзи было выдержанное, со сложным и сильным ароматом.

Выпив, Хило приказал:

– Ступай в постель.

– Коул-цзен, – повторила девушка умиротворяющим тоном, – нам некуда спешить. Вы можете остаться на всю ночь. Почему бы вам не отдохнуть? Позвольте доставить вам удовольствие. Вы ведь можете ненадолго забыть про обязательства Колосса. Давайте еще выпьем, и вы расскажете, как провели день.

Хило мрачно скривил губы:

– Дома меня ждут жена и дети. Мне не нужны разговоры. – Он встал. – Если ты не против, это не займет много времени.

Девушка уставилась на него. Она уже открыла рот, словно хотела снова попытаться его уговорить, но потом с гневом передумала. Больше не пытаясь притворяться, она опрокинула в себя порцию хоцзи, проглотив ее залпом, затем встала и развязала поясок шелкового халата. Тот упал на пол неряшливой грудой. Обнажившись, девушка легла на кровать, и полный него-

дования взгляд показался Хило более привлекательным, чем фальшивая улыбка, – по крайней мере он был искренним. Кожа у нее была гладкой, а на плоском животе, около пупка, виднелась родинка.

Хило разделся. При виде крови на рукавах его рубашки глаза девушки округлились. Свой нож Хило отстегнул и положил на столик рядом с подносом. А увидев его голый торс, девушка еще шире распахнула глаза – на ключицах, груди и сосках поблескивал нефрит.

– Не прикасайся к камням, и ничего страшного с тобой не случится, – сказал он, прочитав в ее глазах тревогу. Хило взял из ящика ночного столика пачку презервативов. – Повернись и встань на четвереньки.

Когда он закончил, девушка встала и пошла в ванную, а Хило оделся, забрал пиджак и нож и съел два финиковых печенья с подноса. На ночном столике он оставил щедрые чаевые. Больше всего девушки зарабатывали на постоянных клиентах, которые покупали им подарки и платили за обслуживание в любое удобное им время. Поскольку он не собирался встречаться с этой женщиной еще раз, Хило посчитал справедливым компенсировать ей напрасно потраченное время.

Внизу госпожа Суго с каменной улыбкой пожелала Хило доброй ночи. Ее раздражение было вполне объяснимо. «Божественная сирень» – заведение высшего класса, девушки играют на музыкальных инструментах, декламируют стихи и сопровождают клиентов на торжественные приемы. А Хило пользовался клубом как дешевым борделем. «Княгиня» ожидала его перед дверью. Швейцар не стал парковать машину в другом месте, с прошлых посещений зная, что хозяин не задержится надолго. Хило обошел вокруг своего дорогого автомобиля и наклонился, заглянув под него. С тех пор как с помощью подложенной в машину бомбы убили Маика Кена, его шурина и бывшего Штыря, Хило стал особенно осторожен по отношению к семейным машинам и водителям в поисках угроз, которые не мог Почуять.

– Ты выпускал из вида машину хоть на секунду? – строго спросил Хило.

Швейцар поклялся жизнью, что нет. Довольный тем, что к его машине не прикасались, Хило сел за руль, повернул ключ в зажигании и поехал домой.

* * *

Домой он вошел незадолго до ужина. Его мать и домработница Кьянла болтали на кухне, откуда выплывал аромат жареных овощей. Рано научившийся читать Нико лежал на диване. Он лишь поднял голову и бросил: «Привет, дядя», а потом снова вернулся к книжке с комиксами, зато Рю и Цзяя подбежали к нему поздороваться, наперебой рассказывая новости и стараясь привлечь внимание. Хило поцеловал сына в макушку и позволил дочери вскарабкаться себе на закорки, а потом отнес ее вверх по лестнице.

– Пап, покажи свой новый нефрит! – попросил Рю, семена вслед за отцом.

На верхней площадке лестницы Хило повернулся и посмотрел на мальчика:

– О каком новом нефрите речь?

– О том, который ты выиграл, – напирал Рю, встав на цыпочки и обхватив Хило за пояс. – Дядя Тар сказал, что сегодня ты кого-то убил, члена клана, но он оказался плохим. Где твой новый нефрит?

Из горла Хило вырвался тихий рык недовольства. Видимо, его шурина прибыл домой раньше и уже заполнил детские головы упрощенной версией событий. Тар всегда был честен со своими племянниками относительно реальной жизни Зеленых костей и считал, что им следует знать – их отец еще и лидер крупного и могущественного клана, вот почему он часто занят и отсутствует дома. У него есть враги, которые хотят его убить, а иногда ему приходится убивать первым – ради того, чтобы каждый вечер возвращаться домой и укладывать детей спать.

Не то чтобы Хило не был согласен с Таром, но ему не хотелось забивать голову Рю рассказами о Зеленых костях. Из-за этого мальчик мог утратить веру в себя, осознав свою ущербность. Рю был каменноглазым и никогда не сможет носить нефрит или занять сколь-либо значимую позицию в Равнинном клане. Хило печалило, что сын не станет нефритовым воином, но все же он испытывал и своего рода облегчение оттого, что у одного из его детей будет простая и более безопасная жизнь.

– У меня нет нового нефрита, – сурово ответил Хило. – У меня достаточно зелени, следует приберечь имеющийся нефрит на будущее, нам и так везет. И хватит верить всему, что говорит тебе дядя Тар. – Хило нагнулся и поставил Цзаю на пол, а потом с нежностью потрепал обоих детей по головам. – Спускайтесь, скоро будем ужинать.

Когда дети умчались, Хило выпрямился и толкнул дверь спальни. Вен отдыхала на кровати, прислонившись к груде подушек. Она выглядела истощенной, как всегда после физиотерапевтических процедур. Ей приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы заново научиться делать простейшие движения – ходить, перемещать чашку из одной руки в другую или стоять без поддержки. Это опустошало ее и физически, и эмоционально.

Несколько секунд Хило постоял в дверях, а затем подошел и сел на край кровати. Он положил руку на вытянутую ногу жены.

– Как все сегодня прошло?

– Не особенно ужасно, – отозвалась Вен. – Я смогла... д-дотронуться до пальцев ног и... встать, и даже не упала. – Она устало улыбнулась. – Почти п-победа.

Каждый день у Хило разрывалось сердце, когда он видел Вен такой слабой и немощной, слышал, с каким трудом она разговаривает. Временами он просто выходил из комнаты, не в силах смотреть, как она разражается слезами от беспомощности, неспособности сделать простейшие вещи, например, закончить вслух предложение, идеально сформулированное мысленно. Но сейчас Вен хотя бы стало лучше по сравнению с тем, что было год назад, когда она совсем не могла пошевелить половиной тела и почти не говорила. Тогда Хило даже не был уверен, что не затронут рассудок, и, к стыду своему, несколько раз в отчаянии задумывался о том, не было бы гуманнее для них обоих, если бы Анден не сумел вернуть ее к жизни.

Вен всегда была грациозна, хорошо и уверенно говорила, несмотря на всю свою мягкость, и обладала решимостью и волей. Хило любил ее больше всего на свете. А теперь не понимал, что чувствует. Порой при взгляде на жену он ощущал всепоглощающее безумное желание обнять ее, заняться с ней любовью и защитить во что бы то ни стало. Но чаще внутри у него бушевала ледяная ярость и оупляющая боль. Вен ослушалась его, действовала втайне от него и подвергла себя опасности, чуть не оставила его вдовцом, а детей сиротами. Он изо всех сил старался уберечь ее, дать все, что она пожелает, быть хорошим мужем, а Вен причинила ему столько боли.

– Шаэ... сегодня... зайдет? – спросила Вен.

– Нет, – отрезал Хило.

– Ты должен... п... п... п... – Хило видел, как она пытается ухватить нужное слово и вытолкнуть из горла, как застрявший кусок еды. – Попроси ее... заходить чаще.

Хило встал, так и не ответив. Вен протянула к нему руку, но он отпрянул. Он видел боль в ее глазах. Наверное, теперь Вен уже привыкла к колебаниям в его чувствах. Временами Хило ненавидел себя за это, но в глубине души ему хотелось наказать Вен, причинить ей столько же боли, сколько она принесла ему.

– Ужин готов, – бросил Хило через плечо, покидая спальню. – Если ты не в настроении спускаться, я попрошу Кьянлу принести тебе тарелку сюда.

Глава 3

Невозможно прочесть по облакам

После того как брат вышел, Шаэ резко опустилась на стул, самый дальний от тела Фуиня Кана, и прижала ладони ко лбу. Она твердила себе, что не виновата в таком завершении обеда – с ножами и кровопролитием, но все равно не верила в самоуспокоительные заверения.

Она же, как-никак, Шелест и должна быть на шаг впереди всех остальных. Шелест читает по облакам, как утверждает народная мудрость. А сегодня чутье Хило оказалось острее ее суждений. Это ее уязвило. А правда в том, что торговля с Эспенией, которую она продвигала, приносила Равнинным прибыль, но вынуждала кеконскую промышленность конкурировать с иностранцами. Шаэ внесла свой вклад в затруднения Фуиня и не могла винить его в таком поведении. Ее обязанность – обеспечивать преданность Фонарщиков Равнинного клана, чтобы брату не пришлось их казнить.

Вун сел рядом и положил руку ей на колено. Слава богам, он не был ранен во время схватки. Глава ее администрации редко действовал необдуманно, но хотя Шаэ носила больше нефрита, чем он, Вун машинально попытался защитить ее, когда Фуинь вытащил оружие. Шаэ не знала, стоит ли поблагодарить его или отчитать, чтобы больше не подвергал свою жизнь опасности подобным образом.

– Шаэ-цзен, ты поступила правильно, пытаюсь достичь компромисса, – тихо сказал Тень Шелеста. – Это Фуинь спровоцировал перестрелку, вероятно, за приличное вознаграждение.

Шаэ мрачно кивнула:

– Айт Мада – любительница подобных ловушек. – Если бы Равнинные согласились с требованиями Фонарщиков, это привело бы клан к финансовому краху. Если не наказывать их за переход к другому клану, крах наступит еще быстрее. Шаэ подняла голову. По крайней мере сейчас, после смерти Фуиня и разоблачения его предательства, у них появились варианты получше. – Нужно действовать быстро, чтобы активы Фуиня остались в клане, прежде чем на них попытаются предъявить права Горные. Даже сейчас можно извлечь что-нибудь из его бизнеса.

Глава ее администрации тотчас кивнул.

– К счастью, Колосс не согласился на дуэль. – Победитель дуэли на чистых клинках мог забрать нефрит противника, но не имел права прикасаться к имуществу его семьи. – Можем выкупить бизнес у его наследников и распродать по частям и со скидкой другим Фонарщикам, которые просили о смягчении дани. Это их умиротворит. На этой неделе я лично переговорю с самыми крупными бизнесменами.

Это станет четким посланием из офиса Шелеста: предатель мертв и все достояние его семьи уйдет преданным членам клана.

– Спасибо, Папи-цзен. – Шаэ накрыла его ладонь своей. – Не знаю, что бы я без тебя делала.

Она почувствовала, что ее плечи слегка расслабились, хотя резкие слова Хило по-прежнему давили на грудь тяжким бременем. Брат уже не впервые ее отчитывал, но когда в прошлом их отношения были настолько же плохими, она на два года уехала в другую страну. А теперь ей все равно придется работать с Хило, чтобы управлять кланом, смирившись с обвинениями брата и попытками ее избегать. Она не могла даже заявить, что этого не заслужила. Шаэ действовала втайне от Колосса, не подчинилась ему, послала Андена и Вен в Порт-Масси, чтобы совершить убийство, из-за которого они оба чуть не погибли.

И Хило был прав еще кое в чем: Шаэ не знала, каким образом Айт удастся одерживать верх и как ей помешать.

Персонал ресторана закрыл зону рядом с обеденным залом. Тар и Йин вынесли тело Фуиня через заднюю дверь, не потревожив других посетителей, и господин Унь вернулся вместе с Цзуэном, чтобы оценить ущерб, нанесенный стенам и светильникам, который ему возместят за счет клана. Официанты уже убрали залитую кровью скатерть и рассыпанную еду.

– Нужно вернуться в офис, – сказала Шаэ, заставив себя встать. – Хами наверняка нас уже ждет.

* * *

Хами Тумашон сильно изменился с тех пор, как Шаэ видела его в последний раз. Проведя три с половиной года за границей, он слегка располнел и приобрел некоторые эспенские привычки: носил спортивную рубашку под пиджаком от костюма и прихлебывал из огромной дорожной кружки кофе с мускатным орехом. Но сильнее всего бросилось в глаза, что он не надел нефрит, и в отсутствие привычной и твердой нефритовой ауры Хами казался версией самого себя из параллельной реальности.

Много лет назад Шаэ тоже снимала свой нефрит, потом надела обратно, а затем в жесткой схватке потеряла почти весь. Она задумалась, не изменилась ли в самом деле реальность в каждой из этих болезненных поворотных точек ее жизни. Возможно, в каком-то параллельном мире другая Шаэ продолжает идти иным путем, и та женщина, которой она стала сейчас, показалась бы ее знакомым приводящей в замешательство копией.

Пока Шаэ с Вуном сидели в «Двойной удаче», в главном конференц-зале подали обед, чтобы персонал мог отпраздновать триумфальное возвращение Хами в Жанлун. Бывший Главный Барышник увеличил отделение в Порт-Масси до двадцати человек, и недавно они переехали в новый, более крупный офис в центре города. Прибыль от эспенских активов возросла до впечатляющих восьми процентов общей прибыли клана, это не считая увеличения подконтрольного бизнеса Равнинных на Кеконе по импорту и экспорту. Казнь человека из-за реакции на эту единственную удачу клана выглядела горькой иронией.

– Терун Бин работает как вол, а его ум остр, как боевой нож. У него отлично получается, – объявил Хами, устраиваясь напротив Шаэ в ее кабинете.

Теруну Бину предстояло сменить Хами. В свои двадцать восемь лет он уже стал старшим и очень успешным Барышником, но, к сожалению, плохо переносил нефрит – возможно, потому, что на четверть был абукейцем, хотя не выглядел полукровкой, и об этом мало кто знал. Он получил образование не в школе боевых искусств, а в обычной, хотя и элитной, и заработал лишь один нефритовый камешек, тренируясь частным образом. По предложению Вуна Шаэ повысила Теруна, послав его в Порт-Масси, где отсутствие зелени не подорвет его репутацию, а через два года Хами назначил его своим заместителем.

– Вы даже превзошли мои ожидания, – сказала Шаэ. – Терун великолепен.

Она подала знак секретарше, чтобы принесла чай. Ее нервы были еще напряжены, и она обрадовалась, что без нефрита Хами не Почует, как дрожит ее аура. Вун наверняка Чуял, но никогда не подал бы вида.

Что в Хами совершенно не изменилось, так это его прямота.

– Проблема в том, что нефрит в Эспении по-прежнему вне закона. Эту проблему Теруну разрешить не под силу, как бы он ни старался и каким бы умным ни был. Пока дело обстоит подобным образом, наш бизнес там под угрозой и может утянуть клан на дно.

Вун сидел между ними, справа от Шаэ.

– Наш бизнес в Эспении никак не связан с операциями с нефритом, которыми занимается Штырь клана, и мы приняли меры предосторожности, чтобы разделить их юридически.

– Все эти дополнительные усилия дорого обходятся клану, – указал Хами. – Я нанял нескольких Барышников из Жанлуна для работы в Порт-Масси, но некоторые отвергли пред-

ложение, потому что их родные, Зеленые кости, не желали расставаться с нефритом ради переезда в Эспению. И проблема касается не только офиса Шелеста. Многие кеконские компании, которые платят нам дань, хотели бы расширить бизнес за рубежом, но персоналу слишком сложно путешествовать туда-сюда, ведь каждой Зеленой кости нужно получать визу и заполнять кучу бумаг на нефрит, и даже в этом случае им не разрешается находиться в Эспении больше двадцати дней в году.

Шаэ вздохнула. Она понимала, что это серьезная проблема.

– Мы наняли новых юристов, чтобы они занялись этим, и ищем пути, как ускорить процесс.

– И многие ли из студентов, которые уехали учиться в Эспению за счет клана, Зеленые кости? – напирал Хами. – Думаю, что нет. Какая семья захочет отправить сына или дочь в Академию Коула Душурона на восемь лет, овладевать нефритовыми дисциплинами, чтобы потом они уехали туда, где носить нефрит – преступление? А мы ведь хотим спонсировать именно Зеленых костей. Только они по-настоящему преданны клану и, вернувшись с иностранным образованием, будут приносить нам пользу. – Хами громко вздохнул. – Этот бессмысленный и невежественный эспенский закон создает слишком много затруднений для нашего бизнеса.

Шаэ обняла ладонями теплую чашку, которую поставила перед ней секретарша.

Она была расстроена, хотя и не удивлена словами Хами. Однако бывший Главный Барышник еще не закончил.

– Все может усложниться еще сильнее, Коул-цзен, – сказал он, громко отхлебнув кофе из своей кружки. – Ходят слухи, что закон снова изменят и на эспенские компании, ведущие дела с теми, кого эспенское правительство называет «криминальными организациями», наложат огромные штрафы. Раз гражданским запрещено владеть нефритом, а кланы Зеленых костей обладают и распределяют нефрит, Равнинных могут объявить «криминальной организацией», что не только помешает другим компаниям иметь с нами дело, но и, в худшем варианте, нам вообще запретят заниматься бизнесом в Эспении.

Вун недоверчиво вскинул голову:

– Эспенское правительство само покупает нефрит на Кеконе для своей армии. Если нас объявят преступниками из-за тысячелетних традиций, то не будет ли тогда их собственное правительство действовать противозаконно?

Хами поднял руки.

– Это же Эспения, – заявил он. – Эти лицемеры творят что хотят. Для них деньги и хитроумные законы – как для нас нефритовые дисциплины, что-то вроде боевого искусства. Когда я там жил, то слышал историю об одном эспенском землевладельце. Сотни лет назад он объявил всех, кто брал воду из реки, преступниками и повесил всех самых уважаемых людей города. Может, это всего лишь легенда, но я в нее верю.

В дверь Шаэ постучали. Секретарша Вуна приоткрыла дверь и сунула внутрь голову, с извинениями кланаясь.

– Прошу прощения, что прерываю, Вун-цзен, но звонит ваша жена. Я сказала ей, что вы на совещании с Шелестом, но она настаивала на разговоре.

Лицо Вуна напряглось от смущения и нехарактерного для него раздражения.

– Если не произошло никакой катастрофы, скажите ей, что я перезвоню. – Когда секретарша разочарованно попятилась и закрыла дверь, Вун обратился к Шаэ и Хами: – Прошу прощения.

– Нет нужды извиняться, – встревоженно посмотрела на помощника Шаэ.

Отразившееся на краткий миг волнение исчезло с лица Вуна, он снова стал прежним, но Шаэ так хорошо знала его нефритовую ауру, что Почуяла слабый статический гул беспокойства.

– В любом случае мы уже заканчиваем, – сказала она, поворачиваясь к Хами. – Вы правильно сделали, что рассказали об этом. Согласна, это серьезная проблема, которой нам стоит заняться в будущем, хотя на сегодняшний день она нам не по зубам. А пока что, как вам кажется, у вас есть все необходимое для возвращения в Жанлун и работы на новой должности, Хами-цзен? – Она по привычке добавила уважительный суффикс «цзен», как для Зеленой кости, хотя он больше и не носил нефрит. Осознав свою ошибку, Шаэ немного неловко добавила: – Конечно, вам решать, надевать ли нефрит снова.

Она как никто другой понимала, что это личный выбор, который может оказаться труднее, чем представляют люди.

Хами задумчиво сморщил губы.

– Думаю, я его надену, хотя и не сразу. Мне нужно время, чтобы разобраться с семейными делами и вернуться к обычной рутине, прежде чем я снова буду готов носить нефрит. – Семья Хами переехала в новый дом, а его старшему сыну в следующем месяце предстояло поступить в Академию Коула Душурона в качестве первокурсника. – К тому же мне предстоит регулярно ездить в Порт-Масси, и, чтобы избежать бюрократической волокиты, о которой мы говорили, чем меньше на мне будет зелени, тем лучше с чисто практической точки зрения.

Начиная с сегодняшнего дня, Хами стал Облаком, заняв должность, которую только что создала Шаэ. Ее бывшие однокурсники по бизнес-школе в Белфорте назвали бы его руководителем внешнеэкономического отдела. Хами и его новые подчиненные будут налаживать связи и координацию между офисом в Жанлуэ и отделением клана в Порт-Масси, а также искать дополнительные возможности для расширения бизнеса за рубежом, что сейчас казалось Шаэ даже более важным.

– Вы были правы, Коул-цзен, – признался Хами. – Вдалеке от дома привыкаешь жить без нефрита, а когда приезжаешь обратно, возникает странное чувство. В каком-то смысле проще обходиться без нефрита. Как только я снова его надену, то стану другим человеком. – Он фыркнул и самоуничижительно хлопнул себя по заметно округлившемуся животу. – После стольких лет без зелени придется несколько месяцев приходить в форму и возвращать нефритовые способности.

– Вы в любом случае бесценны для клана, Хами-цзен, – сказала Шаэ, на сей раз намеренно присоединив суффикс. – Я рада, что вы вернулись.

– Я тебе еще нужен, Шаэ-цзен? – спросил Вун, когда ушел Хами. – Если нет, я займусь активами Фуиня, как мы договаривались.

– Только не забудь сначала позвонить жене, – напомнила Шаэ, когда он встал, однако шуточный комментарий не вызвал даже намека на улыбку. – Папи-цзен... – обеспокоенно спросила она, – все в порядке? На этой неделе ты сам не свой.

Шаэ не хотелось затрагивать эту тему, но Тень Шелеста выглядел утомленным, а его обычно чисто выбритый подбородок потемнел от щетины.

Вун поморщился и задумчиво потер щеку ладонью. Его аура пошла рябью недовольства.

– Прости, Шаэ-цзен. Знаю, я был немного рассеян в последнее время. Постараюсь исправиться.

– Я не собиралась тебя критиковать, – быстро ответила Шаэ. Если Вун в чем-то и ошибся, она этого не заметила, а она работала с ним уже больше шести лет. – Я спрашиваю лишь как друг. Если ты не хочешь об этом говорить, ничего страшного.

Она внезапно забеспокоилась, что говорит слишком неуклюже – слова звучали недостаточно участливо, как будто она извиняется.

Вун поколебался, но затем тихо признал:

– У Кийи был очередной выкидыш. – Он отвел глаза, словно стыдясь того, что поделился личной бедой. – Для нее это очень тяжело. Для нас обоих.

Шаэ безуспешно пыталась подобрать нужные слова.

– Сочувствую, Папи-цзен. Я могу чем-то помочь? Может, тебе нужен отпуск?

Глава ее администрации покачал головой:

– Мы уже через это проходили, и я знаю – что бы я ни сказал или ни сделал, она не почувствует себя лучше. А на работе я могу принести пользу тебе и клану. Просто Кийя звонит мне в офис по нескольку раз в день, иногда она очень злится. Она не понимает, что... – Он поморщился и осекся.

Шаэ сжала в руках пустую чашку, а затем поставила ее, пока не успела ненароком сломать. Вун без усталости трудился ради нее. Она полагалась на него больше, чем на кого бы то ни было, он не только претворял в жизнь ее планы, но и давал советы, а порой и оспаривал решения. Она понимала, как тяжело жене Вуна: она видит его совсем редко и получает гораздо меньше внимания, чем заслуживает, потому что ее муж постоянно находится рядом с другой женщиной, пусть эта женщина и Шелест клана.

Шаэ так хотелось сказать что-нибудь искреннее и ободряющее, но ей неловко было говорить о Кийе. Она подозревала, что жена Вуна ее недолюбливает. Шаэ сжала руку Вуна, понадеявшись, что он воспримет это как жест понимания.

Рука Вуна под ее ладонью напряглась. Он снова опустился на стул, подался вперед, положив локти на колени, и пару секунд изучал пол, а потом неохотно встретился с Шаэ взглядом. Когда Вун был чем-то озабочен или погружался в размышления, справа на его лбу появлялась морщинка, которую Шаэ часто хотелось разгладить пальцем.

– Шаэ-цзен... Эта работа... не очень подходит для семейной жизни. Шелест всегда думает о клане и всегда стоит на первом месте для его Тени. – Его крепкая нефритовая аура безрадостно дрогнула. – Мне не хотелось об этом говорить вот так, но, если откладывать разговор, легче не станет. Думаю, мне пора подыскать себе другую работу.

Шаэ заставила себя кивнуть:

– Конечно, понимаю. – Слова казались деревянными. Она не сумела притвориться, что рада просьбе Вуна. – Я не поняла, что тебе нужны перемены, прости меня. Ты попросил об этом несколько лет назад, а в результате проработал куда дольше, чем я имела право просить.

Вун покраснел:

– Это было... при других обстоятельствах. И дело не в том, что я хотел бы уйти, Шаэ-цзен. Просто так лучше для моего брака. Если бы я думал только о себе, об этом и речи бы не шло.

Шаэ с трудом заставила себя ободряюще улыбнуться.

– Давай вместе подумаем, какая роль для тебя подойдет, Папи-цзен. Что бы ты ни выбрал, я тебя поддержу. Надеюсь только, что ты можешь потерпеть еще немножко, пока мы не найдем человека тебе на замену на посту Тени Шелеста.

– Конечно, до этого я не уйду. – Получив от Шаэ согласие, Вун с облегчением расслабился, хотя в его взгляде осталась тревога. – Спасибо за понимание, Шаэ-цзен.

Он снова встал и помедлил, как будто хотел добавить что-то еще. Но потом лишь изнуренно улыбнулся и вышел из кабинета, предоставив Шаэ слушать гул из соседних кабинетов и коридоров и гадать, как такое возможно – находиться в окружении сотен человек и чувствовать себя настолько одинокой.

Глава 4

Заграничная поездка помощника Колосса

Маику Тару нравилось, когда дела не оставляют ему свободного времени, даже если это значило, что придется пересечь полмира и оказаться на борту лодки в заливе Виттинг, в разгар эспенской зимы. Но выполнение конкретной задачи – достать фальшивый паспорт и другие документы, собрать информацию, переговорить с нужными людьми, спланировать операцию, найти лодку и оборудование – не позволяло ему слишком много пить и падать духом. А в самом конце подготовки его ждал прилив адреналина в предвкушении и резкий всплеск жестокого удовольствия. Хило-цзен доверял ему больше, чем кому бы то ни было, и поручал трудные и кровавые задания, которые никто другой не сумел бы выполнить так безжалостно, эффективно и скрытно. Эта мысль скрашивала даже самые мрачные минуты Тара.

Тару сказали, что в оживленные летние месяцы гавань Порт-Масси кишит туристическими лодками и частными яхтами, которые ходят вверх и вниз по реке Камрес, но поздним зимним вечером поблизости не было ни одного другого судна. Тар потопал ногами и подышал на сложенные ладони, проклиная идиотский холод, а потом взглянул на смутные очертания пирса, проступающие вдалеке. Когда берег уже почти скрылся из вида, Тар крикнул находящемуся в рубке Сэмми:

– Уже достаточно далеко. Глуши мотор!

Моторка мягко качнулась в темноте. Пригнув голову и держась за поручень, Тар спустился вниз. Каюту освещали два оранжевых потолочных фонаря, пол был застелен черным полиэтиленом и тряпками. В центре стоял алюминиевый стул, а к нему был привязан человек. Когда Тар впервые увидел Уиллума Римса по прозвищу Тоший, тот носил угольно-серый костюм и фетровую шляпу с полями и сидел рядом с Боссом Кромнером в особняке Торика. Теперь на нем не было рубашки, и тонкие темные волосы на груди приподнимались от мурашек, на физиономии чернели синяки, а во рту торчал кляп. Обувь и носки с него сняли, и от холода он поджал пальцы ног.

– Как тут дела? – поинтересовался Тар.

У большого металлического таза стоял на коленях Кино, маленькой лопаткой помешивая быстросохнущий цемент. Он плюхнулся на задницу и вытер лоб рукой в перчатке.

– На такой холодрыге застывает куда дольше, – сказал он.

– В кладовке есть обогреватель. Можно его включить.

Тар сам достал обогреватель и включил. Ночь прошла бы скорее, будь в его распоряжении больше рук, но он взял с собой только Сэмми и Кино. Чем меньше людей, тем лучше, он не мог доверять эспенским Зеленым костям так же безоговорочно, как своим людям в Жанлуэ. Он предпочел бы взять с собой Доуна и Тийна, но оказалось не так-то просто сварганить один комплект фальшивых документов, к тому же ради минимизации рисков и сохранения хороших отношений с Дауком Лосуньином, местным Колоссом, Коулу Хило не хотелось, чтобы выглядело так, будто Равнинные пытаются командовать и в Порт-Масси.

Римс оглядел каюту с холодной яростью, не выказывая ни малейшего удивления.

– Кеконские гниды.

Тар встал перед ним и смерил презрительным взглядом.

– Ты знаешь, почему тут очутился? – спросил он по-эспенски.

Тар плохо говорил на этом языке, но уже не впервые приезжал в Эспению. Он сопровождал Колосса в его первый визит сюда, больше трех лет назад. С тех пор он несколько раз возвращался как представитель Равнинных, чтобы обучить местных Зеленых костей и сделать кое-какую работу для клана. Он быстро схватывал. Да и много говорить не требовалось.

Тощий Римс раскрыл ладони. Его запястья были привязаны к подлокотникам кресла.

– Я собственноручно отправил в реку немало людей, – мрачно признал он. – Клянусь богом, многие скажут, что я и сам заслуживаю такого же конца. – Он с отвращением оглядел Тара. – Хотя не думал, что это сделаете вы, кеки. Вы беситесь из-за Рона Торо, но чтобы лично марать руки?

– Рон Торо – веская причина, это да, – ответил Тар.

Сэмми и Кино были друзьями и протеже Рона в кеконском землячестве в Эспении, они годами были свидетелями, как Бригады притесняют кеконцев квартала Южный капкан, и первыми прибыли на место убийства Рона. Вот почему сейчас они находились здесь, с одобрения Даука Лосуна, чтобы свершить правосудие. Но Римс не ошибся – как новый Босс Южной Бригады, он был слишком осторожен и имел слишком хорошую охрану, чтобы даже Зеленые кости могли застать его врасплох без помощи изнутри.

– Вы, спенни, все такие, даже друг другу не можете доверять.

Помешивающий цемент Кино повернулся и ткнул лопаткой в сторону пленника.

– Другие Боссы не будут горевать, когда ты исчезнешь, Тощий, – сказал он на беглом эспенском. – Малыш Джо Гассон и Слаттер давно вычислили, что именно ты помог засадить Кромнера в тюрьму, а когда полиция устроила облаву, ты подставил всех, убив Рона и чуть не убив двух кеконцев, твои бывшие коллеги сами готовы от тебя избавиться и заключить с нами мир.

– Говнюки ничего не видят дальше своего носа. Вот так выдать своего, когда это вас, мерзких кеков с вашими гнусными камнями, нужно стереть с лица земли. – Он плюнул на пол. Пальцы его ног побелели от холода. – Ну, давайте же, приступайте.

Тар покачал головой:

– Ты убил Рона Торо. И нажил врагов среди своих. Но это еще не все. Я здесь не поэтому. – Тар снял куртку и отбросил ее в сторону. Теперь в катере стало теплее. Тар закатал рукава и вытащил из скрытых ножен на поясе кривой нож. – Ты чуть не задушил мою сестру. Теперь она не может нормально ходить и разговаривать. Ты ведь не знаешь, кто она такая и кто я, верно? Но это неважно. Тебе нужно знать только одно – это личная месть Равнинного клана.

Тощий Римс всю сознательную жизнь провел в Бригаде, и все бандиты Порт-Масси считали его крепким орешком, но Тар Почуял набухающий в нем животный страх, когда взгляд Римса скользнул от изогнутого клинка к лицу Зеленой кости, на котором читалась печать безумия.

– Кино, поднимись на палубу к Сэмми, – велел Тар, перейдя на кеконский. – Я позову, когда ты понадобишься.

Молодой человек помедлил.

– Маик-цзен, – неуверенно произнес он, облизав пересохшие губы. – Даук Лосун сказал, что нужно действовать быстро и аккуратно, как всегда поступал Рон-цзен...

Тар резко повернул голову, и безумный блеск его расширенных зрачков и нож в руке убедили Кино беспрекословно повиноваться. Он положил лопатку, снял рукавицы и накинул на металлический таз мокрую тряпку, чтобы цемент не застыл. Потом быстро поднялся по трапу на палубу, лишь один раз опасливо покосившись назад.

Тар снова повернулся к мужчине в кресле. Тот больше не был Уиллумом Римсом, а был лишь безымянным врагом клана, состоящим из трясущейся головы и вздымающейся от тяжелого дыхания груди. У клана было множество врагов, и порой они сливались в голове Тара в одну неразличимую массу, ведь в конечном счете у них была одна общая и ужасная черта, так что какая разница, кто есть кто. Они не имели права калечить и убивать могущественных Зеленых костей. Тех, кто стоит выше них, людей вроде Маика Кена. Но они перешли черту и могли повторить это снова. Они виновны в той внутренней дыре, которая образовалась в груди Тара, когда он узнал, что больше никогда не сможет поговорить с братом. И как только человек

в кресле закричал, Тару показалось, что он слышит собственные крики, и в них утонули все остальные чувства.

Глава 5

Внешнее впечатление

шестой год, четвертый месяц

Во время новогодней недели расписание Коулов было забито праздничными мероприятиями, и самое важное из них – банкет и вечеринка для высшего эшелона Равнинных. Должно было присутствовать все руководство клана – старшие Кулаки и Барышники, самые значительные Фонарщики, связанные с кланом правительственные чиновники и публичные фигуры. Уже за несколько недель Вен составляла списки гостей, заказывала блюда, музыкантов, декор и организовывала охрану. Хило велел ей передать эту работу персоналу поместья и нанять дополнительных помощников, чтобы она не переутомлялась, но Вен была решительно настроена лично за всем присматривать. Вдруг что-то пойдет не так, а клан не мог позволить себе показать слабость.

Вечером накануне приема пришла ее невестка Лина, чтобы помочь ей одеться, уложить волосы и сделать макияж. После смерти Кена Лина переехала из поместья Коулов ближе к своей большой семье, а Цзуэн Нью переселился в дом Штыря, но Лина и Вен остались близкими подругами. Вен услышала нарастающий гул со двора – начали прибывать гости.

Выглянув в окно на верхнем этаже, она увидела разворачивающиеся на кругу дорогие машины, одну за другой, из которых выходили мужчины в костюмах и женщины в вечерних платьях.

– Прекрасно выглядишь в зеленом, – сказала Лина, застегивая пуговицы на платье Вен. Вероятно, она заметила напряжение в плечах и шее Вен и поджатые в тревожном ожидании губы.

В комнату вошел одетый в смокинг Хило.

– Ты уверена, что хочешь пойти? – спросил он.

В суматохе последних недель они почти не разговаривали. Вен часто уже спала, когда Хило приходил домой. А в другие вечера он ложился в постель, не тревожа ее, и вставал еще до того, как Вен просыпалась. Теперь он пристально рассматривал Вен, впервые за несколько месяцев. Выражение его лица смягчилось.

– В этом нет необходимости. Ничего страшного, если ты не пойдешь.

Вен слабо улыбнулась:

– Ты же знаешь... что это не так.

Порой Вен было трудно облечь мысли в слова или гладко и правильно их произнести, но она слушала новости и разговоры в клане. Предательство и публичная казнь Фонарщика и Зеленой кости были из ряда вон выходящими явлениями и вызвали много споров, а недавнее нападение на казино «Двойная ставка» привело к опасениям, что во время праздников враждебные к кланам экстремисты вновь причинят неприятности. В обоих случаях Равнинным пришлось уйти в оборону, оберегая самые главные активы. Для клана это была не лучшая позиция, ведь все боялись, что Кекон станет новой горячей точкой в глобальном конфликте между Эспенией и Югутаном. Тем временем Горный клан, казалось, греб деньги лопатой, а его члены были вполне довольны тем, что Айт Мада назначила наследником своего племянника-подростка. Враги Равнинных с размахом праздновали Новый год.

Вен подошла к Хило, и он подал ей руку. Вен оперлась на его руку, поддерживая равновесие. Рядом с мужем и без туфель на каблуках, которые она теперь не носила, Вен чувствовала себя коротышкой.

– Просто не... дай мне упасть, – сказала она.

Сегодня важно было не ударить в грязь лицом. Семья Коулов должна показать свою сплоченность и силу. И как жене Колосса Вен следовало сыграть роль хозяйки. Ее отсутствие послужило бы доказательством ее слабости. Хило ничего не ответил, только терпеливо шел рядом, пока они спускались по лестнице. Вен прислонилась более сильным левым боком к перилам и сперва наступала слабой правой ногой, шагок за шагом.

– Сегодня... годовщина нашей свадьбы. Помнишь? – спросила она, остановившись, чтобы правильно выговорить слова.

Они поженились в канун Нового года, за день до того, как Хило, рискуя жизнью, отправился спасать клан.

– Конечно, – сказал он не без теплоты, но, услышав односложный ответ, Вен прикусила губу.

Ее муж редко бывал откровенно жесток, и длились такие моменты недолго – холодный взгляд, язвительная фраза, вспышка гнева в ответ на любое напоминание о ее былой нечестности, из-за которой она чуть не погибла. Каждая такая вспышка разъедала Вен душу, но куда хуже было то, что Хило явно от нее отдалился. Так долго гревшись в лучах его любви, в отсутствие его обожания Вен чувствовала себя как будто посреди лишенной жизни нескончаемой зимы.

Вен предполагала, что такое в конце концов случится: Хило узнает, как давно и как глубоко она погрузилась в дела клана, за спиной мужа и против его желания, воспользовавшись своим положением каменноглазой, чтобы с риском для жизни перевозить нефрит. Конечно, он разозлился бы, но Вен рассчитывала, что все объяснит, поговорит с Хило по душам, успокоит его, и он поймет, как понимал всегда.

Однако такая возможность не представилась. Когда ей больше всего нужно было поговорить с Хило, у нее едва получалось складывать слова, приходилось прикладывать неимоверные усилия, чтобы хотя бы внятно произнести одну фразу. А Хило... Если бы только он разозлился, выплеснул свою обиду на ее предательство, его чувства сгорели и притупились бы. Но он был так потрясен тем, что Вен чуть не погибла и теперь нуждалась в заботе, что не мог себе этого позволить.

У подножия лестницы Вен остановилась, чтобы перевести дыхание и подготовиться. Хило положил руку ей на талию, и Вен передохнула, опершись на нее. А потом они вдвоем вышли во двор, чтобы встретиться с кланом.

Как только они оказались снаружи, последовала волна поднятых ко лбам рук в приветствии и возгласы: «Коул-цзен! Кровь за Колосса!» Вен сглотнула и с трудом изобразила приветливую улыбку, обращенную к морю лиц, важным людям из всех ветвей клана, которые впервые за полтора года увидели ее рядом с Колоссом. Она крепче сжала руку Хило, но потом одернула себя, чтобы не выглядело так, будто она цепляется за мужа, боясь потерять равновесие.

Хило поднял другую руку в ответном приветствии и громко обратился к собравшимся:

– Братья и сестры, сегодня я приказываю вам как Колосс не выпускать из рук самые лучшие блюда и прикончить бочонки с хоцзи!

Последовал смех, и какой-то Кулак, вероятно, уже приложившийся к выпивке, радостно выкрикнул:

– Я готов умереть за клан!

Вен мельком заметила, как Шаэ, одетая в строгое алое платье, которое очень ей шло, закатила глаза и сделала глоток вина из бокала.

Обычно они прошли бы по украшенному к празднику двору, здороваясь с гостями и принимая их поклоны, но сегодня Хило повел Вен к главному столу и помог сесть на стул. Он занял место рядом и остался там, пока группками подходили гости, чтобы с ним поговорить. Всем казалось, что он в хорошем настроении, внимателен и ухмыляется своей обычной кривобокой улыбкой.

Вен благодарила за пожелания, кивала и улыбалась, предпочитая поменьше говорить. Каждый раз, открывая рот, она боялась, что совершит ошибку. Она привыкла к почти идеальной памяти на имена и лица, которая помогала ей в любых ситуациях на публике, но сейчас и этого лишилась. Нужно просто через это пройти, твердила она себе.

Стоявшая в начале месяца холодная погода закончилась, но для начала весны все равно было необычно прохладно. Женщины накинули на голые плечи шали, а расставленные повсюду газовые фонари излучали тепло и отбрасывали мерцающие тени от установленных над столами красных тентов. Детей привела бабушка прямо перед тем, как подали ужин, – Нико и Рю оделись в костюмчики с галстуками, а Цзя была в желтом платье и белых чулках, которые она уже умудрилась запачкать на коленках. Она выбежала впереди братьев и попыталась вскарабкаться Вен на колени, а оттуда на стол.

– Цзя-се, сядь как положено, – пожурела ее Вен, стараясь обуздать дочь, и вздохнула с облегчением, когда Лина забрала малышку поиграть на качелях в саду вместе с ее маленьким двоюродным братом Цамом.

– Хорошо выглядите, госпожа Коул, – сказала жена Вуна, садясь рядом, пока ее муж разговаривал с группой старших Барышников. – Молю богов подарить вам в этом году здоровье.

– Спасибо... Кийя, – ответила Вен, обрадовавшись, что не забыла имя. Она произносила слова медленно, но четко. – Желаю... и вам того же.

На мгновение улыбка женщины дрогнула, но затем снова вернулась на место, и Кийя кивнула в сторону Хило, который гулял с Нико и Рю и с гордостью позволял гостям сюсюкать с ними и болтать. Он вручил мальчикам по пакетику с монетками-леденцами и велел раздать конфеты другим детям.

– У вас чудесные дети, – сказала Кийя с грустной улыбкой. – Вы можете гордиться будущим клана.

Вен задумалась, много ли Вун рассказывает жене о делах клана, знает ли она о финансовых затруднениях Равнинных.

– Будущее... клана, – напомнила она, показав на собравшихся гостей, – это нечто гораздо большее.

Любой, кто смотрел на сегодняшних многочисленных и хорошо одетых гостей, на столы, ломящиеся от изысканных блюд и хоцзи, на блеск сотен нефритовых ожерелий и браслетов, решил бы, что Равнинный клан непобедим. Так и было задумано. Искусство производить впечатление – как сделать из маленькой комнаты большую, а недостатки дома превратить в достоинства. Этим вечером благодаря ее усилиям Равнинный клан казался слишком богатым и могущественным, чтобы мог пасть. В реальности все было куда сложнее. Вен видела в газетах фотографии с намалеванным на стеклянных дверях «Двойной удачи» лозунгом. Хотя Вен знала, что никто не посмеет напасть на такое скопление Зеленых костей, тем более во время праздника, она то и дело посматривала на охранников, несущих вахту у кирпичных стен и чугунных ворот поместья. Однако никто ничего не гарантировал – ни охранники, ни враги клана.

Подошла Шаэ, чтобы занять свое место во главе стола, а официанты начали выносить главное блюдо. Кийя резко встала.

– Пойду лучше заберу мужа, и займем свои места, – объявила она, настойчиво потянула Вуна Папи за руку и увела.

Цзуэн Нью и его жена сели рядом с Хило. Недавно вернувшийся из Эспении Тар пришел вместе со своей возлюбленной Йин Ро. Похоже, оба выпили несколько бокалов хоцзи еще до начала вечеринки и громко смеялись, повиснув друг на друге. Анден тихонько сел рядом с Вен, с облегчением вздохнул и улыбнулся ей:

– Я рад, что сию рядом с тобой, Вен.

Вен тоже была рада сидеть рядом с Анденом. Только он один понимал, через что она прошла в ту ужасную ночь в Порт-Масси. Он признался, что порой тоже просыпается по ночам от кошмарного сна, в котором не может дышать. Вен была обязана Андену жизнью, но он был самым неприятным молодым человеком из тех, кого она знала. Когда она запинаясь или искажала слова, он никогда не смотрел на нее с жалостью или нетерпением. И все напряжение, которое она испытывала при разговоре с другими гостями, исчезло, а стоило Вен расслабиться, как пропали и ее затруднения.

– Как дела в медицинской школе? – спросила она.

– Приходится много работать, – уныло поведаль он, но больше жаловаться не стал.

Вен попыталась его приободрить:

– Я слышала, первый год самый трудный.

Анден кивнул:

– На первом курсе приходится изучать много нового, к тому же нужно научиться рассматривать нефритовые способности совсем с другой стороны. Надеюсь, в следующем году будет попроще. – Он заметил, что Вен размышляет, зачерпнуть ли половник супа, и сам налил в ее тарелку суп из морепродуктов. – Иногда я сомневаюсь, что оно того стоило, – признался он, – но если и здесь у меня ничего не выйдет, от меня вообще не будет никакого прока.

– Не говори так, Анден, – сурово ответила Вен. – Вспомни, чего ты добился, даже когда жил без... без... нефрита в чужой стране. В детстве все уверяли тебя, что главное твое достоинство – нефритовые способности, хотя на самом деле все дело в том, какой ты. Твои брат и сестра тоже это понимают, даже если завтра ты бросишь медицинскую школу.

Она так старалась донести свою мысль, что даже не заметила, как произнесла несколько предложений почти без запинки.

Анден вспыхнул и стал усердно макать лежащую на тарелке креветку в лужицу чесночного соуса.

– Спасибо за эти слова, – ответил он через мгновение. – Надеюсь, что так и есть.

– Конечно, так и есть.

Вен понимала, почему Анден сегодня так не уверен в себе. Его место во главе стола подтвердило всем присутствующим, что Колосс вернул изгнанного кузена в семью, но главные воины и богатейшие бизнесмены клана все равно смотрели на него с жалостью и скептицизмом. Видимо, как и на нее, решила Вен. «Столько невезения в самой верхушке клана», – наверняка перешептываются они.

Как ни в чем не бывало Хило отдавал распоряжения, и казалось, что снедь приносят быстрее, чем ее успевают поглощать. Столы были уставлены блюдами с жареными пороссятами, рыбой в имбирном бульоне, побегамии горошка с чесноком и жареным осьминогом. Прошедший год с кипучей энергией провозжала группа барабанщиков, специально нанятых по этому поводу, а Кулаки, сидящие за двумя соседними столами, затеяли полупьяную игру-состязание. Нико, Рю и Цзая подошли к родителям, чтобы обнять их и пожелать спокойной ночи, прежде чем мать Хило увела их в дом и уложила. Перед глазами Вен все слегка расплывалось, туман усталости проникал в каждую мышцу и в каждую мысль.

Она заметила, что Цзуэн и его жена уже некоторое время назад вышли из-за стола, а сейчас Штырь вновь появился, встал за спиной Вен и наклонился, чтобы поговорить с Хило.

– Коул-цзен. Моя жена пошла укладывать детей спать, но тут же вернулась, чтобы передать новости, которые услышала по радио. – Он говорил Колоссу на ухо, но вынужден был повысить голос, чтобы перекричать треск фейерверков, и потому Вен прекрасно его слышала. – Два часа назад эспенский истребитель сбил югутанский разведывательный самолет. Тот упал неподалеку от военно-морской базы. Пилот выжил и успешно приземлился, но покончил с собой, прежде чем его захватили в плен. Югутанское и эспенское правительства бросаются обвинениями по поводу этого инцидента, угрожая начать войну в Амарическом океане.

Пока Цзуэн говорил, выражение лица Хило не сильно изменилось, но Вен заметила, как через несколько секунд вместо веселого блеска его глаза стали излучать злость и потрясение, как будто огонек сменился с красного на оранжевый, а потом на синий.

– Только этого не хватало, – пробормотал он сквозь зубы.

– Завтра Королевский совет собирается на чрезвычайную сессию. – Цзуэн оглядел царящее вокруг веселье. Барабаны начали отбивать секунды до полуночи, официанты открыли еще один бочонок с хоцзи. Даже Шаэ, похоже, от души наслаждалась праздником. – Сообщить нашим людям? – спросил Штырь.

На скулах Хило вздулись желваки.

– Нет, – сказал он. – Они и так очень скоро узнают. Пусть все встретят Новый год в хорошем настроении. – А потом мрачно процедил: – Возможно, это наш единственный шанс попросить у богов удачи, а она нам понадобится.

– Тогда я по-тихому переговорю только со старшими Кулаками, – предложил Цзуэн. – Чтобы они поддерживали порядок на нашей территории, если народ начнет паниковать, опасаясь вторжения.

Штырь ушел, и Вен потянулась к руке мужа. Она собиралась сказать: «Ты должен сегодня же поговорить и с Шаэ. Офису Шелеста следует выстроить общую линию поведения вместе с нашими сторонниками в Королевском совете, прежде чем кто-либо сделает заявление». Но вместо этого она сбила локтем полную чашку с чаем, расплескав его на колени. Когда она открыла рот, то не выдала ни звука, словно слова затолкали обратно в грудь. Вен лишь беспомощно посмотрела на мужа.

Хило промокнул салфеткой чай, уже впитавшийся в их одежду.

– Ты устала.

Он встал и помог Вен подняться. Она оперлась на мужа, и они вместе вернулись в дом. Никто не обратил на них внимания. Почти все гости переместились на лужайку в ожидании городского праздничного салюта. Хило помог Вен подняться по лестнице и лечь в постель. Расстегивая ее изысканное платье и накрывая Вен одеялом, он был нежен, но в его жестах не чувствовалось ни страсти, ни желания.

Глаза Вен защипало от жалости к самой себе и унижения. Она вспомнила, как несколько лет назад, когда они были так молоды, она целый день лихорадочно предвкушала встречу с Хило. И вот он появлялся, молодой Кулак, которого распирало от гордости за полученный в заварушке или дуэли новенький нефрит. Вен позволяла ему похвастаться победами, пока раздевала его, прикасаясь губами к новым камням на теле. А потом они предавались безумию секса, снова и снова. Насколько восхитительной была эротическая власть, которой обладала Вен.

А теперь Хило даже не пытался скрыть, что время от времени прибегает к услугам проституток, хотя и не говорил об этом в открытую. Вен чуяла запах духов от его одежды и находила в его карманах спичечные коробки и мятные пастилки из мужского клуба «Божественная сирень». Вен могла смириться с тем, что Хило платит за удовлетворение своих потребностей, пока она поправляется, но ей было слишком больно осознавать, что они утратили способность находить утешение друг в друге. В те редкие минуты, когда они занимались любовью, Хило был не похож на себя и либо обращался с ней слишком бережно, словно боясь навредить, либо быстро делал свое дело, как с дешевой шлюхой.

Хило погасил лампу на ночном столике и сел на краешек кровати, уставившись в окно на контуры ночного города. Над крышами Зала мудрости и ярусами конической башни Триумфального дворца взрывались первые фейерверки. Вспышки света на краткий миг подсветили темный профиль Хило, придав резкость чертам, этот облик был совсем не похож на лицо, в которое Вен когда-то влюбилась. Снаружи загрохотали барабаны, и гости радостно взревели, приветствуя наступление Нового года.

Когда Вен было шестнадцать, она заточила кухонный нож и порезала шины на велосипеде брата. Она так и не призналась Кену, который избил за это соседского мальчишку. После этого Коул Хило каждый день приезжал к ним домой, чтобы забрать Кена и Тара, когда они втроем отправлялись прошвырнуться по городу – троица молодых Кулаков, только что из Академии, жаждущих завоевать нефрит и репутацию. Каждый день Вен подходила к «Княгине» попрощаться с братьями и поприветствовать их по возвращении. Однажды Хило засмеялся, увидев, как она ждет под дождем. Он назвал ее самой доброй и преданной сестрой на свете, сказав, что его собственная сестра ни за что этого не сделала бы.

К своей досаде, Вен пришлось признать, что в то время она была по уши влюбленным подростком, но ее усилия хотя бы не прошли даром. Судьбу может изменить такая мелочь, как испорченный велосипед, а каменноглазая может склонить чашу весов в клановой войне. Сейчас Вен пыталась найти ту единственную фразу, которая снова привлечет к ней Хило, как в те времена, когда он опускал окно машины и с ухмылкой наклонялся над сиденьем. Но она слишком устала для этого.

– Я должен вернуться, – сказал Хило.

Вен повернулась на бок. Она почувствовала, как матрас спружинил, когда Хило поднялся, а потом отблеск от салюта на миг залил светом уже пустую комнату.

Глава 6

Перемена ветра

Через шесть дней состоялось специальное собрание акционеров Кеконского нефритового альянса. После взаимных политических оскорблений и военных угроз с обеих сторон дипломатический кризис между Эспенией и Югутаном все-таки не вылился в открытую войну, но по Жанлуну и другим кеконским городам пронеслась волна паники, народ сметал продукты и предметы первой необходимости, вместо того чтобы праздновать и веселиться. Кланов Зелёных костей вышли на улицы, чтобы предотвратить преступления и мародерство в своих кварталах, но тревоги быстро улеглись. Впервые после мировой войны кеконский народ столкнулся с угрозой вторжения. Даже лидеры кланов, ненавидящие друг друга, поняли, что им необходимо встретиться.

Рано утром Шаэ пришла в главный особняк поместья. Дети смотрели мультфильмы, а Кьянла убиралась после завтрака.

– Тетя Шаэ, мы смотрим «Воины-укротители», – сообщил Рю и потащил ее за собой на диван.

Показывали анимационный сериал про Зелёных костей, стражей короля из вымышленной династии эпохи Трёх царств, которые не только обладали супермощными нефритовыми способностями, но и скакали в сражение на огромных волшебных животных. На ковре перед телевизором были разбросаны фигурки персонажей сериала.

По призыву племянника Шаэ села на диван.

– Где твой папа?

Рю пожал плечами, а Нико ответил, внезапно забеспокоившись:

– Думаешь, он хочет развестись с мамой?

Вопрос шестилетнего мальчика, возникший, казалось бы, на пустом месте, застал Шаэ врасплох, но прежде, чем она успела придумать ответ, Рю прыгнул на брата и начал колотить его по плечам и животу:

– Не говори так! Они не разводятся, тупая ты псина!

Хихикая от любопытства, Цзяя тоже засеменила к ним.

Нико нетерпеливо отодвинул брата, но не дал сдачи, и Шаэ развела их по разные стороны дивана.

– Рю, нельзя называть брата псиной, – побранила она мальчика.

У подножия лестницы появился Хило и, быстро оглядев сцену, сказал:

– Выключите телевизор, вам пора в школу.

Он шагнул к двери. Шаэ последовала за ним.

Водитель повез их в «Княгине» в центр города. Хило закурил сигарету и опустил стекло у заднего сиденья.

Шаэ пришлось нарушить тягостное молчание, которое устанавливалось всякий раз, когда она оставалась наедине с братом.

– Мальчики волнуются насчет вас с Вен.

– Нико вечно беспокоится, – ответил Хило. – В жизни не встречал такого ребенка.

– Потому что ему не все равно, – сказала Шаэ. Мальчик часто казался рассеянным, погруженным в себя, но когда что-то произносил, становилось ясно, что он слышит много разговоров взрослых. – Он знает, что сейчас ты относишься к Вен по-другому.

– Нормально я к ней отношусь, – огрызнулся Хило. – Я всегда о ней заботился.

Шаэ хотелось влечь брату пощечину. Шаэ и Хило причинили друг другу немало боли, и Шаэ умела отражать вспышки его гнева, однако жена брата – совсем другое дело. Вен была

самой решительной и сильной женщиной на свете, но нуждалась в любви Хило, как в кислороде.

– Если хочешь обвинить во всем меня – давай. Но разве Вен еще недостаточно наказана? Все, что она сделала, было ради тебя и клана. Неужели ты хотя бы не можешь сказать ей, что это понимаешь?

Хило фыркнул и яростно затушил сигарету в пепельнице.

– Не тебе давать советы насчет семейных отношений, Шаэ. Я скорее начну учиться летать у черепахи. Что насчет тебя и Вуна, а?

Внезапная перемена темы застала Шаэ врасплох, как резкий удар саблей в дуэли.

– Что насчет меня и Вуна? – повторила она, внутренне съежившись, как будто пыталась защититься. – Мы просто коллеги и друзья.

Хило жестоко рассмеялся.

– Ты думаешь, только я не произношу очевидного? Вун умен в других делах, но не понимаю, зачем он так мучается, работая с тобой. Ты должна была давно сказать ему, что на самом деле чувствуешь, или уволить.

Шаэ почувствовала, как пылают щеки. Она и забыла, что сама начала этот разговор о Вен.

– Не все разбрасываются своими чувствами, как шрапнелью, Хило! – воскликнула она. – Мы с Вуном профессионалы, а кроме того, на следующей неделе он займет другую должность.

– И почему, по-твоему, он об этом попросил? – сказал Хило. Но прежде чем Шаэ успела ответить, «Княгиня» затормозила у места назначения. – Ладно, забудь. Просто постарайся не растрепать Айт Маде и всем другим Колоссам, в каком болоте мы оказались.

Хило распахнул дверцу и вылез из машины, а Шаэ осталось только кипеть от злости из-за того, что последнее слово оказалось за ним. Она с усилием выдохнула и двинулась следом за братом.

Штаб-квартира Кеконского нефритового альянса находилась в трехэтажном офисном здании в Финансовом квартале, отсюда было рукой подать до офиса клана на Корабельной улице на востоке и храма Божественного возвращения в двух кварталах к западу.

Тяжелые контуры бетонного здания были воплощением правительственной бюрократии и постоянно напоминали Шаэ, что при всем культурном, экономическом и духовном значении нефрита для его производства и продажи требовались усилия многих тысяч человек, которые день за днем трудились в тесных офисах. У поста охраны они с Хило отдали боевые ножи двум Зеленым костям в кепках и кушаках клана Щит Хаэдо. Потом в молчании поднялись на лифте на верхний этаж. Шаэ Почуяла, как аура брата низким рокотом гудит от недовольства. Он и в лучшие времена терпеть не мог заседания КНА.

Когда они вошли в зал заседаний, там уже находилась Айт Мада. Она разговаривала с Колоссом клана Единство шести рук, главного союзника Горных. Айт даже не подняла головы, чтобы взглянуть на своих давних врагов, но ее плотная красная аура тут же вспыхнула, стоило Шаэ и Хило занять места. За массивным круглым столом стояли таблички с именами представителей пятнадцати кланов Зеленых костей, входящих в Кеконский нефритовый альянс.

Рассадка предполагала, что все кланы Зеленых костей в этой комнате равны, все разделяют ответственность за производство и поставки нефрита в стране. Тем не менее Горные и Равнинные, крупнейшие кланы страны, сидели точно друг напротив друга, а представители кланов поменьше – ближе или дальше от них по каждой стороне, в зависимости от того, чьи они союзники. Создатель этой комнаты оптимистично пытался внушить собравшимся, что они сотрудничают на равных, но недооценил склонность кеконцев на каждом шагу подчеркивать свой статус и принадлежность к клану, мрачно подумала Шаэ. У стен молча стояли четверо монахов-дейтистов в традиционных зеленых рясах, олицетворяя связь с Небесами и обеспечивая должное поведение представителей кланов даже в самых конфликтных ситуациях.

Хило сел и кивнул в ответ на приветствия лидеров кланов-союзников – Каменного кубка и клана Цзо Сан. Шаэ опустилась на стул рядом и старательно занялась бумагами, хотя в этом и не было необходимости, однако ее взгляд все равно невольно притягивала Айт Мада, лишившаяся части левого уха. У Шаэ на животе начал зудеть старый шрам. Колосс Горных посмотрела на Шаэ. На одну леденящую секунду их взгляды скрестились. А потом Айт Мада снова вернулась к своему разговору.

Обычно слева от Айт сидел Иве Калундо, Шелест Горного клана, но сегодня его место занимал широкоплечий мужчина с густыми волосами с проседью и румяным лицом. Он носил нефритовый браслет на левой руке и гвоздик в правом ухе, его обширная нефритовая аура была густой и вязкой. Шаэ он показался смутно знакомым. Кто же он? Почему пришел вместо Иве? Если Айт заменила Шелеста, Шаэ знала бы об этом.

– Он из Кобенов, – вполголоса пояснил Хило, явно заметив ее смятение. – Дядя ее племянника со стороны матери.

То есть дядя Кобена Ато, четырнадцатилетнего подопечного и предполагаемого наследника Айт Мады. Недавно мальчик поменял имя на Айт Ато, и его семья, несомненно, решила закрепить успех. Теперь Шаэ припомнила, что недавно читала в журнале статью о семье Кобенов, но удивилась, что Хило узнал одного из них. Потом ее осенило: ведь несколько лет назад Хило приказал убить одного из Кобенов, чтобы посеять подозрения и вражду внутри Горных, и, конечно, он изучал эту семью.

Значит ли присутствие Кобена, что Айт еще больше сблизилась с племянником и его родней?

Возможно, после того как ее столько лет терзали вопросами о преемнике, она решила показать широкой публике, что и в самом деле задумывается о будущем клана.

Хило и Шаэ прибыли последними. Через несколько минут все расселись, тяжелые двери закрыли. Панорамные окна, занимавшие всю стену, выходили на юг, из них лился поток света, но воздух был вязким из-за нефритовой энергии. КНА проводил заседания раз в квартал, но большинство Колоссов посещали только ежегодные голосования, на которых определяли бюджет и квоты для производства, экспорта и распределения нефрита. Остальные вопросы решали Шелесты. Лидеры всех кланов собрались по первому требованию лишь при таких необычных обстоятельствах.

За столом сидели не только Зеленые кости. Хотя главными акционерами были кланы, Альянсом управляли государственные чиновники, и на собраниях всегда присутствовали директора от правительства со своими помощниками. Один из чиновников, исполнительный директор и председатель совета директоров КНА Цанто Пан встал.

– Спасибо, что все вы прервали праздничную неделю и пришли, – начал он. – Да осенят боги своей милостью все ваши кланы.

Это решительно невозможно, поскольку благоволение богов к Горным станет катастрофой для Равнинных и наоборот, подумала Шаэ, но попридержала язык.

– Как вы все уже знаете, Королевский совет выпустил заявление, которое поддержали все кланы Зеленых костей в стране, – сказал Цанто.

Кеконское правительство строго осудило Югутан за то, что тот направил самолеты-разведчики к острову Эуман, который, безусловно, является территорией Кекона, несмотря на длительное присутствие там иностранных военных. Правительство настаивало на том, что напряженность между двумя державами следует снизить дипломатическим путем, но заверяло, что любые попытки той или другой стороны вторгнуться или поставить Кекон под контроль немедленно натолкнутся на яростное сопротивление. «Хотя Кекон стремится к миру, мы остаемся нацией воинов, в отличие от всех остальных государств, – заявил из Зала мудрости канцлер Гуим, сторонник Горного клана. – На протяжении нашей долгой и гордой истории мы пролили реки крови за свою независимость. И можем сделать это снова, если понадобится».

Эспенское правительство было недовольно резким тоном официального заявления, которое, по словам Хило, было не чем иным, как «многоречивым и разукрашенным способом сказать: «Нас тошнит от вас обоих».

– Мы поддерживаем слова канцлера, но паническая реакция народа, которую все мы наблюдали в последние дни, показывает, что нам следует сделать нечто большее, не ограничиваясь только словами. Так что я передаю слово генералу Рону Ясугону, главному военному советнику Королевского совета, пусть он говорит с вами напрямую.

Рону встал и прикоснулся сложенными ладонями ко лбу, приветствуя всех Зеленых костей. На рукаве его формы виднелись золотые генеральские лычки, а стальной ремешок часов был украшен нефритом. Шаэ уже встречалась с генералом и считала его достойным человеком с тяжелой работой, который давным-давно обменял свой статус в Горном клане на карьеру в маленькой и недооцененной кеконской армии.

– На этой неделе кеконскому народу пришлось столкнуться лицом к лицу с реальностью, на которую командование армии указывало годами. – Произнося эти слова, Рону замер как по стойке смирно. – Мы – маленькая страна, зажата между двумя тиграми. Несмотря на всю внешнюю уверенность канцлера Гуима в том, что мы способны противостоять внешней агрессии, на самом деле наши скромные силы обороны будут очень быстро и с легкостью сметены. Эспения и Югутан с каждым годом наращивают военные расходы, а мы продолжаем обращаться с армией как с чем-то не стоящим внимания. Вчера я стоял перед Королевским советом и убеждал его срочно провести закон о дополнительном финансировании, которое обеспечит необходимое обмундирование, обучение и людей, чтобы поскорее увеличить готовность войск.

– Мы все равно не угонимся за более крупными странами, – возразил Сангун Йен, пожилой, но пронзительный Колосс клана Цзо Сан. – Безопасность нашей страны всегда зависела от гражданского населения – тренированных нефритовых воинов, готовых взять в руки оружие и сражаться. Это дело Зеленых костей.

– Почти сто лет назад древние традиции пали под натиском превосходящих сил, и в результате страна на десятилетия оказалась оккупирована шотарцами, – напомнил Рону.

– В то время у нас был слабый и трусливый король и слишком много мелких, разобщенных кланов, – парировал Сангун. – Это был мрачный период нашей истории, и тем не менее мы изгнали захватчиков. Разве сегодня хоть одна страна, даже такая огромная и могущественная, как Югутан, рискнет вторгнуться на Кекон, как бы она ни бряцала оружием? У них и в Оортоко дела идут неважно, а там живут одни слабаки. Не стоит ударяться в панику из-за всей этой суматохи с самолетом-разведчиком.

Сын Сангуна, Шелест клана Цзо Сан, одобрительно закивал, как и еще несколько Зеленых костей. Шаэ читала, что многие политики и военные считают Кекон жизненно важным полигоном для эспенцев в Амарическом океане, а значит, он представляет собой логичную цель для вторжения Югутана, просто цена вторжения будет слишком высокой.

– Пусть кланы стали крупнее и сильнее, – сказал генерал Рону, – но и мир сильно изменился по сравнению с временами наших дедов. Теперь мы не единственное государство, имеющее в своем распоряжении нефритовых бойцов. Республика Эспения обеспечивает нефритом солдат своих элитных подразделений – тем самым нефритом, которым торгует КНА. А с черного рынка нефрит поступает в Югутан и к его союзникам. Сейчас разрабатывается улучшенная формула СН-1, и наркотик будет наносить меньший вред здоровью. Эспенцы называют его СН-2, и, несомненно, это вещество просочится и в остальной мир.

Шаэ заметила, что сидящий напротив мужчина из семьи Кобенов кивает так энергично, как будто хочет вскочить с места и выразить одобрение.

Нефритовая аура Рону ощерилась и загустела по краям. Он заговорил еще решительнее:

– Конфликт в Оортоко был первым из многих стычек между Эспенией и Югутаном с союзниками. Кекон не сумеет уклониться от участия в Вялотекущей войне. Но, в отличие от

прошлых времен, нам стоит подготовиться к сражениям с солдатами, носящими нефрит, как и мы.

Мрачное пророчество генерала вызвало приглушенный шепот собравшихся за столом. Кеконцы безропотно получали прибыль от экспорта нефрита через КНА, но тем не менее им претила мысль, что нефрит будут носить представители других народов. Они привыкли считать, что стоят выше всех остальных, что иностранцам ради обладания нефритом приходится с риском для жизни принимать вызывающие привыкание препараты.

Рону понял, что задел их за живое. Он поднял руку и «закусил удила».

– Королевский совет может выделить дополнительное финансирование, но только кланы Зеленых костей способны снабдить нас нефритом и бойцами. Я прошу вас, как акционеров КНА и Колоссов, проявить щедрость к кеконской армии. Сейчас мы получаем менее четырех процентов от ежегодно добываемого нефрита. Увеличьте это количество до шести с половиной процентов, начиная с текущего года. И снимите давнее ограничение, позвольте выпускникам школ боевых искусств записываться в армию сразу после выпуска.

Приглушенный ропот голосов на сей раз сопровождался вспышками вздувшихся нефритовых аур. Это было смелое требование, доселе неслыханное. В этом случае крохотная кеконская армия по статусу приблизилась бы к кланам Зеленых костей.

– Шесть с половиной процентов всего нефрита – это больше, чем получают многие кланы, сидящие за этим столом. Больше, чем получают крупнейшие больницы и образовательные центры, – возмутился Колосс клана Каменная чаша. – У кого, по-вашему, мы должны забрать этот нефрит, чтобы отдать его армии?

– Меня больше беспокоит план по рекрутам, – вставил Дарн Сошу, Колосс клана Черный хвост. – Выпускники традиционно приносят клятву верности клану. Год или два в качестве Пальца – самый лучший путь для молодого человека.

Теперь многие закивали в знак согласия, хотя Шаэ понимала – спор идет не о традициях и не о пользе для молодежи. Кланов всегда забирали всех талантливых нефритовых бойцов сразу после выпуска из школ, пополняя свои ряды, исключение делалось только для благородной профессии врачей, учителей и монашества.

Генерал Рону застыл, расправив плечи, с написанной на лице решимостью и явно приготовился возразить.

– К сожалению, эта традиция – часть проблемы, Дарн-цзен, – сказал он. – Рекруты из Зеленых костей поступают в армию с разным количеством нефрита – полученным при выпуске, в наследство от семей или завоеванным в клане. Они воспитаны в традициях клана и приносят их в свои подразделения. Считают, что могут носить нефрит как им вздумается и выиграть еще больше, бросая вызов товарищам. Их трудно обучить так, чтобы они ставили интересы армии выше клана, ценили товарищество выше, чем личную доблесть. Я говорю как человек, который когда-то и сам через это прошел. Честно говоря, после обучения в крупнейших кланах Зеленые кости великолепны в драках, но очень плохие солдаты. Когда двадцать лет назад я записался в армию, родственники и другие Зеленые кости смотрели на меня с неодобрением, – продолжил Рону. – Все твердили, что для Кулака среднего ранга это понижение. За два десятилетия такое отношение почти не изменилось. Прошу вас с этим покончить. Разрешив выпускникам школ боевых искусств записываться в армию до погружения в традиции кланов, вы покажете, что служить стране в военной форме не менее благородно и почетно, чем принести клятву клану.

Шаэ быстро записала в блокноте: «Нужно посчитать, во что это обойдется клану, и с боевой, и с финансовой стороны. Предлагаю отложить голосование до следующего квартального заседания».

Она подвинула блокнот к Хило. Тот взглянул на записку, но в это время заговорил Колосс клана Единство шести рук:

– Генерал Рону предлагает серьезно изменить наши традиции, нам нужно время, чтобы все как следует обдумать. Пусть лидеры каждого клана и его союзники обсудят предложения, и мы вернемся к этому вопросу где-нибудь через месяц.

Председатель совета директоров Цанто начал подниматься:

– Звучит разум...

– Сейчас самое подходящее время для того, чтобы действовать решительно и заверить народ в том, что мы едины, – на полуслове прервала его Айт Мада. Все повернули головы в ее сторону. – Я полностью согласна с генералом Рону, кеконской армии нужно выделить больше нефрита, больше людей и выказывать больше уважения.

До сих пор ни Айт Мада, ни Коул Хило не проронили ни слова. Мнение Колоссов двух крупнейших кланов главенствовало во всех решениях, принимаемых в этом зале. Обычно эксперты, чиновники и лидеры мелких кланов выступали первыми, если хотели как-то повлиять на Айт или Коула. Никого не удивило бы, если бы ни один из них так и не высказался на заседании. Никто не ожидал, что Айт Мадаши так быстро примет решение.

– Поскольку мой Шелест сейчас за пределами страны по важным делам клана и не смог сегодня присутствовать, я привела с собой Кобена Йиро, – сказала Айт Мада. – Кобен-цзен – успешный бизнесмен, владеющий несколькими радиостанциями, у него есть родственники в армии, так что он лучше, чем кто-либо из нас, разбирается в тревогах простых кеконцев и солдат в это непростое время.

С разрешения Колосса Кобен ринулся в разговор, словно выпущенный на волю скакун.

– Я польщен, что могу рассказать о своей точке зрения моему Колоссу и КНА, – произнес он низким и зычным голосом. – Кобены – большая семья среднего класса, в которой есть как Зеленые кости, так и обычные люди. Как трудолюбивые кеконцы и патриоты, мы заботимся о безопасности своих семей, имущества и культурных традиций. Случившееся в канун Нового года всколыхнуло ненависть к Югутану, но присутствие в стране эспенских военных затянулось слишком надолго, а им мы тоже не можем доверять. В конечном счете мы можем полагаться только на себя. – Распалившись, Кобен ткнул пальцем в воздух. – Вот почему люди ждут быстрых решительных действий от кланов Зеленых костей, которым они доверяют.

Айт слегка махнула рукой, успокаивая взбудораженного Кобена, который явно собирался продолжить речь, но осекся и тут же сел на место.

– Мы должны подать Королевскому совету пример решительных действий, – непререкаемым тоном объявила Айт. – Как Колосс Горного клана, я за то, чтобы увеличить поставки нефрита вооруженным силам, если он будет справедливо распределяться, и согласна с тем, что Зеленые кости имеют право выбрать службу в армии сразу после выпуска. – Она помолчала и добавила, как будто эта мысль только что пришла ей в голову: – Конечно, если согласятся другие Колоссы. Такие значительные коррективы мы можем внести только единодушно.

Никто ей не ответил. Даже генерал Рону, похоже, был потрясен безоговорочной и немедленной поддержкой Айт Мадаши. Теперь все повернулись к Хило, сидящему напротив соперницы. Шаэ быстро нацарапала на бумажке, лежащей между ними: «Тяни резину».

– Нет. – Ответ Хило обрушился на присутствующих, словно огромный булыжник в тихий ручей. – Я согласен дать Рону нефрит, который он попросил. Мы можем забрать нефрит у храмов. Сколько нефрита на самом деле нужно монахам для разговора с богами? А остальное возьмем из государственной казны. Но я не разрешу выпускникам Академии Коула Душурона приносить клятвы никому, кроме клана. Если хотите изменить порядки в школе Храм Ви Лон, дело ваше.

Айт Мада не пропустила удар.

– Коул-цзен, в такие времена мы должны действовать слаженно и без эгоизма, – сказала она хорошо поставленным тоном праведницы. – Было бы справедливо, если бы два клана, обладающие самым большим количеством нефрита и людей, отдали часть того, чем владеют.

– Армия – это рука, а кланы – хребет страны. – Хило прищурился, не сводя взгляда с другого конца стола. – И не у каждого клана есть лишние ресурсы, ведь не все нанимают баруканов и получают барыши на черном рынке.

Густое покрывало нефритовых аур заметно подрагивало по мере того, как внимание всех собравшихся перемещалось с одного Колосса к другому.

– Беспочвенные обвинения не помешают вашим Фонарщикам мудрее выбирать сторону и не скроют, что вы лишаете страну того, в чем она так нуждается, Коул-цзен. – С написанным на лице сожалением Айт повернулась к генералу Рону, ее аура полыхнула жаром. – К сожалению, не все Колоссы способны поставить интересы страны на первое место, – обратилась она ко всем присутствующим. – Похоже, КНА не поддержит ваши похвальные усилия по реформе армии, генерал. Если только Равнинные не передумают.

Теперь Шаэ поняла, почему Айт так быстро и без колебаний согласилась на просьбу Рону. Горные могли позволить себе лишиться нескольких Пальцев в пользу армии. Равнинные – нет. Любая потеря бойцов означала, что клан не сможет защитить собственность от преступников и подстрекателей, не сумеет удержать границы территории против Горных, которые в последнее время увеличили численность. Равнинные уже отставали в финансовом плане, и любая потеря доверия со стороны Фонарщиков приведет к краху.

Айт знала, что Равнинные наложат вето на предложение Рону, так что оно в любом случае не прошло бы. Она воспользовалась возможностью показать себя и Кобенов как лидеров, которые во главу угла ставят интересы Кекона, и в очередной раз выставила Равнинных как эгоистичный и лишенный патриотизма клан. Старый и надежный способ нанести удар, от которого она не собиралась отказываться.

Шаэ опустила руку под стол и с хрустом разломала ручку на мелкие пластиковые кусочки.

Ее выводили из себя изощренные ловушки Айт и возмущало поведение Хило. Тот замечал опасность быстрее, чем она, как случилось в «Двойной удаче» с Фуинем Каном, но сдержанность и дипломатия – не его конек.

– Коул-цзен, – начал генерал Рону, – на каких условиях вы можете поменять...

– Вам не нужен наплыв выпускников из школ боевых искусств, – сказал Хило. – У иностранцев меньше нефрита и хилые солдаты, они просто делают хорошую мину при плохой игре. И не говорите мне, что не способны выжать больше из имеющихся денег и нефрита.

Никто, даже Айт Мада, не посмел бы возразить Хило, когда он говорил в подобном решительном тоне. Генерал Рону неловко умолк, как младший Палец, которого поставил на место старший Кулак.

– Дискуссия, безусловно, получилась непростая, – смело вскочил на ноги Цанто Пан, пытаясь ослабить напряжение и предотвратить эскалацию конфликта. – Думаю, ее нужно продолжить на следующем заседании, после того как все мы рассмотрим различные варианты и поймем, как лучше поддержать генерала Рону, ведь мы согласны с тем, что его требования правомерны, хотя и спорим о том, как их выполнить.

Никто не стал возражать, когда Цанто поблагодарил Рону и завершил собрание. Хило тут же встал и вышел из зала, не проронив ни слова.

Шаэ затолкала бумаги в сумку. Поспешив к двери, она услышала зычный голос Кобена Йиро, дружелюбно болтающего с союзниками Горного клана. Она нагнала Хило в коридоре, схватила его за локоть и развернула к себе.

– Я же просила не отказываться сразу, – прошипела она. – Ты не дал нам времени выдвинуть контрпредложение. Горные повернут все против нас. Они-то уж позаботятся о том, чтобы пресса нас растерзала.

Лицо Хило исказилось от злости.

– Пусть меня лучше растерзает пресса, чем я погибну на самом деле, когда схема Айт возымеет действие. – Он посмотрел на выходящих в коридор людей, наклонился ближе и про-

шептал Шаэ в самое ухо: – Хочешь говорить сейчас, перед нашими врагами? Я отбиваю каждый их удар, Шаэ, а ты сражаешься со мной. Слово Колосса – закон, но ты вечно об этом забываешь, верно?

Хило вырвал свою руку и зашагал к лестнице, чтобы избежать разговоров перед лифтом. Шаэ проводила его взглядом, ее плечи напряглись от разочарования.

– Коул-цзен, – произнес кто-то за ее спиной.

Шаэ обернулась и увидела высокого мужчину в очках с тонкой металлической оправой, в котором она узнала Шелеста клана Единство шести рук. На собрании он сидел через два стула слева от Айт Мады.

Шаэ незаметно выдохнула, чтобы успокоиться и пригладить нефритовую ауру, и вежливо кивнула, пытаясь припомнить его имя. Он нажал на кнопку лифта.

– Необычно оживленное заседание КНА, правда? Не то что наши обычные споры по бюджету, – как ни в чем не бывало сказал он. – Страна может очутиться между двумя тиграми, по мнению генерала Рону, но ведь Горные и Равнинные – это и есть два тигра Кекона. Стоит вам зарычать, как прочие создания помельче начинают изо всех сил суетиться, пытаясь угадать, кто из тигров менее голоден.

Приехал лифт, и двери открылись. Шелест клана Единство шести рук дипломатично предложил Шаэ войти первой. Она настороженно оглядела его и шагнула в лифт. Она не Почувствовала враждебных намерений, и у нее не было повода считать этого человека личным врагом, но все-таки он был союзником Горных.

Мужчина зашел вслед за ней и тут же нажал на кнопку. Двери закрылись прежде, чем успел войти кто-либо еще из покидающих заседание. Шаэ напряглась. Когда они оказались так близко, ее Чутье ощутило учатившийся пульс спутника. Он нервничал, хотя на лице это и не отражалось. Он спокойно нажал на кнопку первого этажа.

– Где ваш Колосс? – спросила Шаэ. – Почему вы уходите не вместе?

– Он скоро меня нагонит, когда закончит разговор. Завтра утром мы возвращаемся в Луканг.

Клан Единство шести рук базировался во втором по величине городе Кекона, на южном побережье острова. По виску мужчины потекла капелька пота.

– Вы бывали в Луканге, Коул-цзен?

– Да, но давно, – ответила Шаэ.

– Думаю, вы удивитесь, насколько он разросся. Приезжайте, когда будет время. – Мужчина вытащил из нагрудного кармана визитную карточку и вручил ее Шаэ. На одной стороне белой карточки значилось его имя, Тин Ретубен, и контактная информация. На другой была красная печать Колосса с эмблемой клана.

– Клан Единство шести рук с радостью вас примет, – сказал Тин. – Звоните мне напрямую, как Шелест Шелесту.

Лифт остановился. Двери открылись, и Тин молча вышел, даже не посмотрев на Шаэ. Она помедлила, чтобы их не заметили вместе. Шаэ понимала, что Тин Рету выполнил опасное задание, полученное от его Колосса.

Шаэ опустила визитку в карман, ощупывая ее край, словно пробовала остроту ножа. Она не снимала руку с карточки, пока шла пять кварталов до Корабельной улицы. Мозг лихорадочно работал. Прямоугольник жесткого картона мог быть очередной ловушкой Горных. Или удачным поворотом судьбы, ответом от богов, который разрешит самые насущные проблемы Равнинных и даст им преимущество перед врагами. Клан Единство шести рук, крупнейший союзник Горных, задумался, не сменить ли сторону.

* * *

Вечеринку по поводу ухода Вуна устроили после работы, в отдельном зале хоцзи-бара «Пьяная утка». Пришли многие Барышники клана, чтобы выпить, закусить и пожелать Вуну удачи, однако надолго они не задержались. Вуна Папидонву уважали на работе, но на Корабельной улице у него было мало близких друзей. Такова цена должности заместителя Шелеста – мужчины, который подчиняется молодой женщине, пусть она и Коул.

– Отличная вечеринка, Шаэ-цзен, – сказал Вун, когда все разошлись. Потом он немного поколебался и добавил: – Я бы отвез тебя домой, как обычно, но я выпил. Лучше немного подождать.

– Я поведу, – сказала Шаэ. – А ты проветришь голову в машине.

Вун отдал ей свои ключи, и Шаэ поехала в поместье Коулов на его машине. К тому времени, как они прибыли, брызги дождя превратились в первый в этом сезоне ливень. Шаэ помахала охранникам в воротах, проехала мимо главного особняка и припарковала машину Вуна перед резиденцией Шелеста. Вун раскрыл зонтик над их головами и проводил Шаэ к двери. Шаэ пригласила его в дом и сняла пальто, пока Вун отряхивал зонтик.

– Подожди, пока уляжется ливень, будет проще вести машину, – предложила Шаэ.

Она заварила чай и принесла его к дивану. Вун взял чашку.

– Наверное, на следующей неделе я машинально поеду сюда после работы, – сказал он. – А по ночам буду вскакивать в панике, что забыл напомнить тебе о какой-то встрече.

– Постарайся этого не делать, – рассмеялась Шаэ. А потом добавила уже серьезнее: – Я рада, что ты двигаешься дальше, и надеюсь, будешь больше времени проводить с Кийей.

Вун кивнул и сделал глоток. Он больше не возвращался к разговору о выкидыше жены и почему они не оставляют попытки завести детей.

– Как все прошло утром?

Когда Шаэ рассказала ему о том, что случилось, Вун вскочил и начал расхаживать по гостиной.

– Если Единство шести рук переметнется, будет большая заварушка, – сказал Вун. – Одни только их платежи дадут немало, не говоря уже о бойцах, которых мы приобретем в Луканге. Город быстро растет, и если мы возьмем его под свой контроль, то получим куда больше, чем Горные от переметнувшегося Фуиня Кана или любых других Фонарщиков. – Вун нахмурился, и справа на лбу у него появилась морщинка, пока его мозг производил те же расчеты, что и мозг Шаэ чуть раньше. – А это, случайно, не ловушка? Способ вытащить у нас информацию или заставить нас ослабить меры предосторожности?

– Я тоже об этом размышляю, – призналась Шаэ.

Однако Тин выглядел искренним. Он не был бы так напряжен в лифте, если бы на кону не стояла судьба клана.

Вун развернулся и пошел в другую сторону.

– Нужно тщательно все проверить и убедиться, что это правда, прежде чем встречаться с их лидерами и заключать какие-либо сделки. И, конечно, все нужно хранить в строжайшей тайне. Я соберу все сведения, какие у нас есть по клану Единство шести рук, и сделаю несколько частных звонков нашим людям в Луканге, чтобы выяснить больше.

Шаэ кивнула и хотела высказать согласие, но осеклась.

– Нет, – сказала она. Когда Вун остановился и ошарашенно повернулся к ней, Шаэ напомнила ему: – Это больше не твоя работа. Теперь у тебя другие обязанности. – Она улыбнулась, пытаясь смягчить ответ. – Тебе предстоит еще многое сделать для клана – с Нового года ты приступишь к работе на новом месте. А этим пусть займется Луто.

С этого дня Вун стал Хранителем печати. Должность создали специально для него, с целью освободить Шаэ от бесконечных встреч. Как представитель Равнинного клана и посредник в политических кругах он будет вести дела с Королевским советом, иностранными дипломатами, кланами-данниками и прессой. Это была подходящая должность для Вуна – он сумеет донести послание в точности, понимая, в чем заключаются приоритеты клана, и будет осторожно разговаривать с чужаками, не выдавая ничего лишнего.

Бывший заместитель Шаэ, похоже, был доволен новым назначением, но сейчас возмутился почти со злостью:

– Это слишком важная работа, чтобы поручать ее Луто.

– Ты ведь сам его предложил, Папи-цзен, – напомнила Шаэ. – Назвал его на редкость умным и организованным человеком и заверил, что мы хорошо сработаемся.

– Да, но... – Вун явно боролся с собой. – Он же совершенный новичок на этой работе. Я, конечно, объяснил ему все по максимуму, но ему понадобится время, чтобы освоиться на месте твоей Тени. А переманить к себе мелкий клан непросто и рискованно, мы не можем позволить себе ошибку. Хотя бы разреши мне присматривать за работой Луто.

Шаэ засмеялась:

– Ты разве не помнишь, почему просил об увольнении? Предполагалось, что теперь ты будешь работать меньше, а не больше. – Шаэ не могла выкинуть из головы те слова, которые Хило произнес этим утром в машине: «Не понимаю, зачем он так мучается, работая с тобой». Вун настаивал, что должен помогать ей хоть в каком-то качестве, считая, что Шаэ в нем нуждается. Она и правда в нем нуждалась. – Ладно, – сдалась она, – но пусть Луто делает основную часть работы, а ты не отвлекайся от своей.

Вун с облегчением кивнул и сел рядом с Шаэ на диван.

– Как бы ни называлась моя официальная должность, моя настоящая работа – помогать тебе во всех делах, Шаэ-цзен.

В горле у Шаэ запершило. Она подвинулась ближе к Вуну и обняла его за плечи.

– Ты уже немало сделал, – сказала она, положив подбородок на плечо Вуну. – Я полагаюсь на тебя целых шесть лет и так мало дала взамен. Когда мы приносим клятвы как Зеленые кости, то говорим, что готовы умереть ради клана. Но жить ради клана день за днем, как жил ты, Папи-цзен, это гораздо бóльшая жертва.

Нефритовая аура Вуна запульсировала от эмоций. Он наклонился к Шаэ и приложил ее руку к своей груди.

– Боюсь, ты думаешь, будто я покидаю свой пост, потому что устал быть твоей Тенью. Или что я... – он поколебался. – Или что я ожидаю от тебя чего-то большего. Но это не так.

У Шаэ заняло сердце. Как ни тяжело было это признавать, Хило был прав, когда говорил, что она неспособна сказать нужные слова, но теперь у Шаэ появился шанс все изменить, прежде чем станет слишком поздно.

– Не могу винить тебя за то, что хочешь жить собственной жизнью, ведь я слишком долго пользовалась твоей добротой, – призналась она, обрадовавшись, что Вун не видит ее лица, но понимая, что он Почует гулкое биение ее сердца. – После смерти Лана я воспользовалась твоим горем, чтобы заставить работать на меня, хотя мы оба знали – ты мог бы и сам стать Шелестом, если бы все сложилось иначе. Без тебя я бы не выжила на Корабельной улице, и прошу у тебя прощения. А еще прости за то, что так долго не могла этого сказать.

Ее бывший помощник молчал так долго, что Шаэ уже испугалась, не совершила ли она страшную ошибку, упомянув смерть Лана. Это было их общее горе, хотя каждый страдал по-своему. Она убрала руку, но Вун повернулся к ней и сжал ее ладони своими так крепко, что Шаэ почувствовала биение его пульса.

– Я никогда не стал бы таким Шелестом, как ты, Шаэ-цзен, – хрипло сказал он, опустив голову. – Я не был таким помощником, в котором нуждался Лан-цзен. Я делал все, что он

просит, и хранил его тайны, не задавая вопросов. Это была ошибка. Мне следовало заговорить, поспорить с ним, пойти к Хило-цзену. Но я этого не сделал. Я обрадовался повышению и, даже зная, что Лан ранен и принимает «сияние», оставил его в одиночестве, когда он больше всего во мне нуждался.

Вун поднял голову. Его глаза казались тонкой стеклянной оболочкой.

– За свою ошибку я заслужил смерть. Я обещал себе, что сделаю для сестры Лана то, чего не сумел сделать для него, поддержу ее во всех начинаниях, но буду с ней спорить и не стану молчать, когда нужно высказаться, и тогда она превратится в такого Шелеста, каким никогда не сумел бы стать я.

Вун поднял руку, чтобы смахнуть слезу, которая скатилась по щеке Шаэ.

– Однако вскоре должность твоей Тени стала не обязанностью, а эгоистичным желанием. Мне никогда не было легко, и временами я боялся тебя подвести, но если бы пришлось повторить все с начала, я бы сделал это без колебаний. Клан – моя кровь, но для меня Шелест – мой повелитель.

Шаэ не могла подобрать слова для ответа. Дождь прекратился, и небо за окном расчищалось. Вун выпустил ее ладони и отвернулся, чтобы скрыть смущение.

– Мне пора, – сказал он, вставая.

Шаэ схватила его за руку и вскочила, прежде чем успел подняться Вун.

– Не уходи.

Обе нефритовые ауры задрожали от возбуждения, как будто по ним ударил электрический разряд.

– Шаэ... – начал Вун каким-то чужим голосом.

И разделяющее их пространство исчезло. Вун прижался губами к ее губам, а может, и наоборот, это сделала Шаэ, она понятия не имела, кто был первым. Просто стена неловкости, которую они воздвигли между собой, пошла трещинами и рухнула. Шаэ поднялась на цыпочках и обняла его за шею. Вун зарылся руками в ее волосы, обнял за затылок, а их языки с дрожью встретились в страстном порыве желания, от которого вспыхнула каждая клеточка тела.

Шаэ рухнула в это желание, как камень в центр спокойного пруда. Прошло уже столько времени с тех пор, как она была с мужчиной, почти четыре года, и те отношения закончились немислимой трагедией. Но, целуя Вуна, Шаэ не ощущала сомнений или угрызений совести, он был таким родным и знакомым, а этот порыв – естественным, как гравитация. От вожеления его аура вспыхнула, словно огонь от выплеснутого керосина, ослепив Чутье Шаэ бушующим пламенем.

Вун тихо застонал. Он целовал ее все настойчивее, запуская руки под блузку, ощупывая кожу живота и спины. Их дыхание стало прерывистым. Шаэ потянула его ремень, расстегнула и стащила с Вуна рубашку.

Вун резко дернулся, схватил ее за руку и замер, отодвинулся и посмотрел на Шаэ со смесью страсти и смятения, его грудь поднималась и опадала по мере того, как он пытался взять себя в руки. Его аура почернела по краям. Шаэ посмотрела на него, широко открыв глаза, как подбитая в полете птица.

– Почему? – выдавил он. – Почему сейчас?

Шаэ не была уверена, что он действительно хочет услышать ответ. Вун отвернулся и тряхнул головой, словно получил удар в челюсть и пытался избавиться от черноты перед глазами.

– Боги, почему, после стольких лет?

Шаэ хотелось схватить его, снова поцеловать, утянуть в безрассудный огонь страсти, но Вун уже застегивал ремень и рубашку, не встречаясь с Шаэ взглядом. Она была потрясена, настолько это оказалось больно.

– Ты работал главой моей администрации, – сказала она. – Наши отношения были профессиональными. И... – Она снова с горьким сожалением подумала о Маро. – И у нас были другие партнеры.

– Не были, а есть, – поправил ее Вун. – Я женат.

Он потер ладонью морщинку на лбу. Шаэ не раз видела этот жест в офисе, когда они обсуждали какую-нибудь замысловатую проблему. Так необычно было увидеть знакомое движение здесь, у нее дома, когда их лица пылали, а одежда была в беспорядке. Она настолько привыкла к образу Вуна – ее негибаемого и надежного помощника, что ей уже начало казаться, будто случившегося в эти минуты просто не было. И все же, глядя на его глубоко посаженные глаза и твердо сомкнутые губы, широкую грудь и длинные пальцы, она удивлялась, почему они не сделали этого раньше.

– Мне пора, – сказал Вун, на этот раз твердо.

Где-то внизу живота у Шаэ свернулся холодным клубком страх. Она испортила дружбу, потеряла его уважение и преклонение. Ей никогда не удавались отношения с мужчинами.

Без единого слова она нашарила в кармане жакета ключи от машины Вуна и отдала ему. Когда их пальцы встретились, по нефритовой ауре Вуна прошла дрожь от боли, тоски и смятения, придав мимолетному прикосновению непропорциональную значимость, учитывая, какую пропасть они только что преодолели.

– Прости, – жалко прошептала она. – Мне не следовало...

Вун оборвал ее, с силой тряхнув головой:

– Не надо. – Так и не взглянув на Шаэ, он взял у двери зонтик. Его плечи сгорбились от напряжения. – Спокойной ночи, Шаэ-цзен, – сказал он, безуспешно пытаясь говорить как обычно, и открыл дверь.

– Спокойной ночи. Счастливого пути.

Шаэ отчаянно пыталась найти нужные слова, чтобы все исправить, пока он не ушел, но так ничего и не придумала.

Стоя у окна, она смотрела, как зажглись фары его машины. А когда они исчезли вдали, за воротами семейного поместья, Шаэ натянула на плечи одеяло и молча выпила остаток чая, теперь уже слишком крепкого и холодного.

Глава 7

Новый друг

Движение «Будущее без кланов» устраивало встречи дважды в неделю в баре «Маленькая хурма». Полтора года назад Беро впервые поднялся по узкой лестнице в полутемную комнатку второго этажа, где три человека играли в карты. Сегодня у бара и за крохотными столиками толпилось почти тридцать человек, они пили бренди и курили, передавая друг другу листовки на тонкой серой бумаге.

Снаружи вечный уличный шум Жанлуна перерос из тихого гула в торнадо – люди возвращались с работы и радостно высыпали наружу, в теплый весенний вечер, но окна «Маленькой хурмы» оставались закрытыми. Висящие над черной стойкой бара и маленьким танцполом красные лампы отбрасывали на напряженные лица жутковатое сияние. Смелое нападение на казино «Двойная ставка» четыре месяца назад привлекло новых революционеров, но собираться здесь стало опаснее. Равнинный клан не сумел найти налетчиков, но энергично перетряхивал каждое бандитское логово на своей территории и объявил награду тому, кто приведет к виновным. Предложение было настолько щедрым, что Беро испытывал соблазн донести на Гурихо, Отоньо и Тадино, но они, вероятно, сдали бы его самого, прежде чем их убьют.

Беро прошел к скамейкам с красными подушками у стены и сел между Тадино и девушкой в розовом шарфе. Свой рюкзак он осторожно поставил на пол между ногами, стараясь, чтобы он не клацнул по полу. Тадино ткнул Беро в бок острым локтем и прошептал:

– Ну что, принес? Развлечемся после собрания?

Гурихо и Отоньо не планировали новых нападений. Они считали, что пока следует залечь на дно и сосредоточиться на расширении движения. Но Беро и Тадино время от времени выходили на дело с баллончиками краски и монтировками, громили заведения клана, всегда меняя кварталы и почерк, прямо как рыба, кусающая кита. Правда, Беро всегда так жил. Он привык находиться на дне общества. Краску можно отмыть, в окна вставить новые стекла, но клану придется раскошелиться. Еще больше людей поймут, что даже мелкая рыбешка может бросить вызов Зеленым костям.

Гурихо встал в центре зала с листком бумаги в руке и начал говорить в микрофон. Каждый раз при виде него Беро приходил на ум образ козла в свитере. У полукровки из Оортоко были маленькие глазки и длинная растрепанная борода. Во время своей речи он тяжело дышал и расхаживал взад-вперед. Как обычно, выглядел он неопрятно, однако говорил с воодушевлением:

– Говорят, что нефрит – это дар Небес, но на самом деле это проклятье ада и его демонов. Люди по всему миру используют его во зло. Здесь, на Кеконе, все живут под тиранией Зеленых костей. В Шотаре банды баруканов носят нефрит, чтобы убивать, грабить и насиловать. Эспенские солдаты с нефритом превратили Оортоко в опустошенную войной пустыню. И кто контролирует производство нефрита? – выкрикнул Гурихо. – Кто находится на вершине пирамиды насилия и коррупции? Кеконские кланы Зеленых костей.

Собравшиеся сердито загудели в знак согласия и одобрительно затопали по полу. Девушка, сидящая на скамейке рядом с Беро, подалась вперед и вся превратилась в слух. Симпатичная. Даже очень. Слишком юная и привлекательная для такого сборища. У нее была сексуальная короткая стрижка, молочно-белая кожа и слегка приоткрытые полные губы.

– Привет! Как тебя зовут? – спросил Беро.

Девушка повернулась к нему, широко распахнув глаза, полные подозрения и любопытства. Беро привык к такой реакции со стороны женщин из-за своей молодости и изуродован-

ного лица, которое в то же время предполагало, что у него была интересная жизнь, он мог пострадать в дуэли или сражении.

Девушка в шарфе колебалась.

– Эма, – наконец сказала она.

Беро хотелось поверить, что она с ним флиртует, представившись уменьшительным именем, а не фамилией, но он знал – на этом собрании никто не хочет быть узанным. Пестрое собрание состояло из людей с подорванной репутацией и радикалов – «новых зеленых», нелегально носящих нефрит, бывших баруканов, наркоманов на «сиянии», студентов и политических экстремистов вроде боевой ветви движения по защите прав абукейцев, противников дуэлей и анархистов. Как с удивлением отметил Беро, в глубине зала даже сидел один иностранец. Многие из присутствующих возненавидели бы друг друга, если бы не ненавидели кланы больше.

– Беро, – представился он, хотя она и не спрашивала его имя. Девушка опять сосредоточилась на речи Гурихо, а потому Беро легонько толкнул ее и добавил: – А знаешь, я и сам когда-то носил нефрит. И много нефрита. Я вечно был в бегах от Зеленых костей. Эти гады чуть меня не убили, и не единожды. Вот почему у меня такое лицо. Мне повезло, что я выжил.

Судя по ее быстрому и раздраженному взгляду, Эма ему не поверила.

– Это правда. Давай выпьем после собрания, и я расскажу тебе подробности.

Гурихо сердито зыркнул в его сторону, и Беро нехотя умолк. Гурихо поднял листовку из тех, которые всем раздали.

– Представляю вам манифест движения «За будущее без кланов», – объявил он, откашлялся и начал торжественно и с чувством собственной важности зачитывать: – В вечной битве за справедливость и общество равных возможностей, свободное от хищников, подавляющих слабых, цель нашей благородной борьбы – освобождение мира от деструктивного влияния нефрита. Мы положим конец клановости».

– Прекрасно звучит, философски, – прервал его хриплый голос с акцентом, – но вы и вправду против кланов?

Все повернулись на голос. Вопрос задал иностранец – невысокий и мускулистый, с крупным носом и глубоко посаженными глазами под кустистыми бровями. Его кудрявые волосы были цвета ржавчины. Хотя он смотрелся здесь совершенно неуместно, мужчина излучал уверенность, по которой знакомые с Зелеными костями кеконцы сразу узнали грозного бойца. К Гурихо он обратился не агрессивно, но с вызовом.

– Может, сначала послушаете, а потом будете задавать вопросы, а? – невозмутимо ответил Гурихо. – Кланов могущественны, но они не способны существовать без народной поддержки. Политики, Фонарщики, прохожие, приветствующие на улицах Зеленых костей, – все они вносят свой вклад в систему. А мы должны разрушить эту систему! Начнем с того, что откроем людям глаза и...

– Да-да, у вас отличные лозунги, листовки и собрания. – Иностранец неплохо владел кеконским, но слова были искажены как акцентом, так и нетерпением. – Вот только у кланов Зеленых костей есть нефрит, деньги, оружие и люди. А у вас, похоже, все это в дефиците.

Тадино вскочил на ноги. Он работал в «Маленькой хурме» барменом, а его отчим дружил с Гурихо, именно поэтому бар стал безопасным местом для встреч.

– Не знаю, как обстоят дела у вас на родине, – раздраженно воскликнул он, – но у нас не принято так грубо прерывать людей, тем более чужакам, которые даже не представились.

Иностранец тоже встал, и все его соседи опасливо отпрянули. Тадино напрягся, но курчавый мужчина, немного подумав, просто раскинул руки.

– Ты прав, – смиренно признал он. – Прошу прощения, если я кого-то оскорбил своими прямолинейными вопросами. Сами видите, я человек неместный. Меня зовут Моловни, я приехал в Жанлун, услышав о вашем благородном деле.

По «Маленькой хурме» пронесся ропот подозрений и удивления. Даже Гурихо сощурил маленькие глазки, не зная, что сказать.

– Он югутанец, – восторженно прошептала Эма.

– Возможно, вы не в курсе, но многие люди за пределами вашей страны сочувствуют кеконцам, живущим под пятой кланов. Я пришел сюда, чтобы больше узнать о вашей борьбе. – Моловни снова сел и кивнул Гурихо: – Я влез без очереди, но прошу вас, продолжайте. Несомненно, у вас великие цели, и пусть они кажутся труднодостижимыми, всего можно добиться с помощью друзей.

Глава 8

От имени семьи

Эмери Анден старался не волноваться из-за того, что на его экзамене присутствовало несколько иностранных врачей. «Веди себя так, будто их здесь нет», – твердил он себе, отворачиваясь, а потом закатал рукава и поправил ленту врача на левом запястье. Это была туго затянутая полоска кожи, похожая на ту, которую он носил подростком в Академии Коула Душурона, только ярко-желтая – цвет указывал на то, что он студент-медик. На ленте Андена было три нефритовых камня, гораздо меньше, чем в прошлом, но вполне достаточно для сегодняшнего задания.

Анден закрыл глаза и сделал пять глубоких и ровных вдохов, успокаивая себя, как обычно, а потом подошел к раковине, чтобы вымыть руки. Тело гудело от нефритовой энергии и нервного возбуждения. Шесть лет назад, хотя ему казалось, будто прошла целая вечность, он поклялся, что больше никогда не будет носить нефрит. А теперь надевал и снимал его так часто, что это стало привычной и непримечательной рутинной, ничем не отличающейся от других забот медицинской школы. На втором курсе колледжа Биоэнергетической медицины он должен был посвящать определенное количество часов клинической практике, но, когда Анден впервые вошел в жанлунскую центральную больницу, чтобы начать обучение, ему на миг захотелось развернуться и покончить с учебой. Это место навевало дурные воспоминания. В этих коридорах он сидел в детстве, слушая крики матери. А потом проснулся в нефритовой лихорадке после убийства Гонга Аша. Прошло несколько недель, прежде чем у него перестало сосать под ложечкой, когда он входил в дверь больницы. А теперь, когда он оказался в операционной перед внимательно наблюдающими чужаками, прежнее смятение снова вернулось.

У стены стояли шестеро эспенцев в позаимствованных халатах и держали в руках блокноты и ручки. А один даже камеру. Они приехали из медицинского исследовательского центра Демфи при Вотерсгардском университете в Адамонте, чтобы изучить использование нефрита в медицинской сфере. Эспенцы уже несколько десятилетий назад оценили значение нефрита для армии, но лишь недавно заинтересовались тем, как кеконцы пользуются нефритовыми способностями для других целей. Они наблюдали за Анденом пристально и с нетерпением, как наставники Академии Коула Душурона во время финальных Испытаний.

Пациент, пятидесятилетний мужчина с гемангиомой печени, уже находился под наркозом и был готов к операции. Анден занимался им первым, хирург еще даже не появился. Доктор Тимо, Зеленая кость и медицинский наставник Андена, проверил жизненные показатели и кивком подал Андену знак приступать.

– Не торопитесь, – приободрил его он.

Анден еще раз изучил рентгеновский снимок, чтобы вспомнить размер и форму опухоли, которую следует удалить, потом напряг Чутье и сосредоточился на энергии лежащего под наркозом пациента. Ровное биение пульса и органов сложилось в голове Андена в мысленную карту. Окинув широким взором весь организм, он сфокусировал Чутье на кровеносной системе, пробираясь сквозь массу соединяющихся сосудов разной длины и толщины, гудящих жизнью. Зрение Андена затуманилось, глаза почти закрылись.

Нефритовому врачу требовалось такое же сильное Чутье, как и Концентрация. Анден всегда был от природы талантлив в Концентрации, но, чтобы отточить Чутье, понадобились бесконечные часы учебы и практики. В Академии Коула Ду, готовясь стать Кулаком Равнинного клана, он научился считать Чутье и Концентрацию щитом и копьем, которые следует использовать быстро и со смертоносной силой. Почувать намерения убийцы и Сконцентрироваться, чтобы остановить сердце, – совсем не похоже на нынешнюю деликатную задачу.

Стоя у операционного стола, Анден занес руку над правым боком пациента. Он нашел печеночную артерию и сконцентрировался на ней легким уверенным движением, направив ровно столько энергии, чтобы отрезать поток крови от опухоли. Это заняло всего несколько минут. Доктор Тимо стоял поблизости, следя за операцией с помощью Чутья и приготовившись вмешаться при необходимости. Когда Анден отступил и опустил руку, врач одобрительно кивнул, а потом быстро и профессионально перекрыл несколько мелких вен, завершив работу. Теперь опухоль можно было удалять с минимальной кровопотерей.

Обычно на этом этапе в дело вступил бы хирург, чтобы завершить резекцию, но из-за присутствия иностранных гостей Анден подождал еще пятнадцать минут, пока сделают и провяжут рентген, с помощью контрастной краски удостоверившись, что кровопоток к опухоли отрезан. Эспенцы собрались вокруг рентгеновских отпечатков, делали заметки в блокнотах и переговаривались. Анден мог уходить. Он осторожно обогнул появившегося хирурга и медсестер, вышел из операционной в коридор и сел на ближайшую скамейку. Затем снял с руки ленту и с закрытыми глазами прислонился головой к стене, пережидая нахлынувшую тошноту.

Большинство нефритовых медиков не снимали свою зелень, но Анден носил нефрит только на работе. Как монахи и учителя, врачи официально не входили ни в один клан, нападение на них считалось нарушением кодекса айшо, но Анден находился в уникальном положении. Он был членом семьи Коул, все знали, что он убил Гонта Аша, бывшего Штыря Горного клана. А еще он работал на Равнинных в Эспении, участвовал в убийстве контрабандиста Запунью. Пусть он и стал врачом, но все равно оставался Зеленой костью Равнинного клана и не хотел рисковать – вдруг его примут за бойца клана и он кого-нибудь убьет в схватке. Хватило бы малейшего толчка, чтобы он снова встал на путь, от которого решительно отказался.

Анден открыл глаза и увидел перед собой двух эспенских врачей, рассматривавших его с величайшим интересом.

– Впечатляющая демонстрация ваших способностей, – сказал тот, что повыше, с аккуратно подстриженной бородкой и широкой улыбкой. – Можно узнать, откуда вы родом? Вы... Как...

Он взмахнул руками, явно спрашивая Андена о его сомнительном происхождении.

Стоящий рядом с врачами переводчик начал повторять вопрос по-кеконски, но Анден прервал его и ответил по-эспенски, постаравшись не поморщиться от бестактного вопроса иностранца.

– Мой отец был эспенцем, – объяснил он. – Но я его не знал. Я родился в Жанлуне.

– Однако прекрасно говорите по-эспенски.

– Я почти четыре года прожил в Порт-Масси, – ответил Анден. – Получил диплом в колледже и работал, прежде чем вернуться в Жанлун.

– Вот как? – Улыбка врача стала шире. – А не хотите снова вернуться в Порт-Масси? Может быть, заехать в столицу, Адамонт? – Он вытащил из бумажника визитку и протянул ее Андену. – Меня зовут доктор Элан Мартген. Я возглавляю исследовательскую лабораторию медицинского центра Демфи. После того что я увидел в этой поездке, мне хотелось бы пригласить кекоконского врача, который мог бы продемонстрировать техники биоэнергетического лечения широкому кругу медиков на нашей ежегодной летней конференции. Конечно, мы оплатим проезд и проживание.

Анден встал и взял визитную карточку, хотя предложение его смутило.

– Я рад, что ваша поездка была полезной, но лучше пригласите на конференцию кого-нибудь другого. Я всего лишь студент и еще не получил разрешения на медицинскую практику.

Анден опережал своих сокурсников. Блокировку кровеносной системы студенты обычно выполняли только на третьем курсе, хотя задача была достаточно простая, и опытный нефритовый врач, вроде доктора Тимо, выполнил бы ее хоть во сне.

Доктор Мартген переглянулся с коллегой – кудрявым человеком моложе и ниже ростом, а потом вновь повернулся к Андену:

– Мы собираемся пригласить группу нефритовых целителей и очень хотели бы видеть среди них вас.

– Большинство кеконцев не говорят по-эспенски с такой же легкостью, как вы, – признался молодой врач. – И, честно говоря, многие наши коллеги сомневаются в медицинском потенциале биоэнергетического нефрита. Не считают его настолько же ценным, как научные достижения, и не намерены изучать практики, до сих пор существовавшие лишь на маленьком и отдаленном острове.

– А вы могли бы изменить их мнение, – добавил доктор Мартген.

Анден посмотрел на них обоих и понял, что они подошли к нему из-за его внешности, выдающей наполовину эспенское происхождение. Если врачи из Демфи увидят похожего на эспенца и говорящего на их языке человека, который занимается загадочным и непонятным врачеванием, это поможет доктору Мартгену произвести впечатление на свое начальство или акционеров.

– Будем на связи, – дал Анден ни к чему не обязывающий ответ.

– Прошу, подумайте об этом, – сказал доктор Мартген, пожимая Андену руку, а потом присоединился к остальной группе, и они пошли дальше.

Когда они скрылись из вида, Анден еще раз взглянул на визитку и сунул ее в карман.

До сих пор он не думал о возвращении в Эспению, и теперь мысль об этом была одновременно и неожиданно притягательной, и смутно неприятной. Вернувшись в Жанлун, Анден вдруг в смятении осознал, что никогда не жил в родном городе как взрослый человек. И в последние полтора года он во многих смыслах заново открывал самого себя. Теперь он был студентом-медиком, жил в собственной квартире в Старом городе неподалеку от больницы, и у него было три маленьких племянника.

Порт-Масси казался таким далеким, а проведенные там годы почти сном, часть из них счастливым, часть грустным, а часть просто кошмарным. Порой он вспоминал тех, с кем там сблизился: семью Хианов, у которой жил, Даука Лосуна и его жену Сану, друзей по релльболу и залу для поединков. И Кори. Анден по-прежнему вспоминал Кори, иногда с тоской, но чаще пытаясь угадать, чем он теперь занимается.

Эспенские доктора пригласили Андена не из-за его прирожденных медицинских способностей, а из-за того, что он воплощает. Впервые в жизни он встретился с незнакомцами, которые считали его смешанную кровь преимуществом, а не наоборот. На новогоднем приеме Вен сказала Андену, что он ценен не нефритовыми способностями, а тем, какой он человек. Тогда он не воспринял ее слова, но и не забыл их.

* * *

Шестого числа Анден приехал в поместье Коулов, чтобы поговорить с родней. Колосс, Шелест и Штырь совещались за закрытыми дверями, и потому Анден уселся с племянниками на диване в гостиной и читал им книжки с картинками. Нико слушал молча, а Рю задавал столько вопросов, что они не успели закончить даже первый рассказ, когда в другой комнате после дневного сна проснулась Цзяя и сердито раскричалась. Анден любил детей, в особенности Нико, но все-таки порадовался, что у него нет и не будет собственных.

Когда открылась дверь и из кабинета появился Цзуэн Нью, Анден постучал и вошел. Хило сидел за столом, подперев голову рукой. Перед ним были разложены графики и цифры с заметками, написанными рукой Шаэ. Анден не мог разобраться, отчего Колосс так угрюм, – то ли потому, что ему пришлось изучать всю эту гору данных, то ли из-за их содержимого. Хило поднял взгляд:

– В чем дело, Энди?

Из напряженного разговора за столом Анден знал, что Горные пытаются прижать Равнинных со всех сторон, используя для этого все средства. Когда Колоссом был Лан, Айт Мада стремилась ослабить Равнинный клан, тихой сапой проникая на его территорию. Теперь враги полагались на деньги и прессу, а не на лазутчиков и уличную преступность. Однако сейчас Анден больше не был подростком, беспомощно ожидающим, когда его позовут воевать. Он был уже побывавшим на войне взрослым, имеющим собственные связи и влияние.

– Я хочу съездить в Эспению, – сообщил он.

Когда Анден объяснил суть, Хило закурил сигарету и потер бровь большим пальцем.

– Кое-кто в клане хочет, чтобы мы свернули все дела в этой стране, а не ввязывались в новые.

В эти дни Эспения была во всех новостях. Она планировала расширить военно-морскую базу на острове Эуман, чтобы поиграть мускулами перед Югутаном. Такое решение вызвало недовольство на Кеконе.

– Стоит попробовать, Хило-цзен, – сказал Анден.

Шаэ сидела в кресле, скрестив руки на груди. Колосс и Шелест по-прежнему не ладили. Она криво улыбнулась Андену:

– Помнишь, как ты расстроился, когда тебя послали в Эспению в первый раз? А теперь просишь разрешения вернуться. – Потом она обратилась к Хило: – Анден должен поехать. Прибыль от эспенского бизнеса сейчас – наше спасение, но наши страны друг другу не доверяют и не понимают, и это большая проблема. Если мы можем как-то изменить положение, хотя бы в медицине, нужно воспользоваться случаем.

Хило не выглядел полностью убежденным, однако согласился:

– Ладно, Энди. Поезжай и выступи там от имени семьи.

И тут раздался крик Нико:

– Нет! – Мальчик стоял в полуоткрытых дверях кабинета, прижимая к бокам кулачки. – В Эспении сделали больно маме. Дяде Андену нельзя туда ехать. Вы не должны ему разрешать! Взрослые пораженно уставились на Нико.

Анден подошел к шестилетнему племяннику и присел перед ним на корточки, положив руки на дрожащие плечи мальчика.

– Нико-се, я сам попросил о поездке, – заверил он. – Это ненадолго, и там не будет ничего опасного. Конечно, риск всегда есть, но семья вроде нашей не может не рисковать.

* * *

Шелест позвонила декану колледжа Биоэнергетической медицины, подчеркнув, насколько Равнинный клан заинтересован в поездке Андена, и тот немедленно согласился. Через два месяца Анден и три лучших врача колледжа, включая доктора Тимо, прибыли в Адамонт. Это был старинный город с узкими мощеными улочками и историческими кирпичными зданиями. На каждом перекрестке перед стеклянными офисными небоскребами, впечатляющими зданиями госучреждений и посольств, возвышались мраморные монументы. Анден никогда раньше не бывал в столице Республики Эспения, хотя она находилась всего в трех часах езды на автобусе от Порт-Масси, где он жил и работал почти четыре года. Андену не приходило в голову посещать другие города – в девятнадцать лет ему хватало и Порт-Масси, который казался слишком огромным и непонятным.

Однако теперь он наслаждался возможностью побывать здесь туристом. Доктор Мартген и персонал медицинского исследовательского центра Демфи оказались гостеприимными хозяевами, разместили Андена и трех других Зеленых костей в прекрасном отеле и в свободное от встреч и демонстрации умений время устраивали им экскурсии по Вотерсгардскому универ-

ситету и главным городским достопримечательностям. Как простой студент, Анден не играл ведущую роль на встречах и презентациях, а лишь ассистировал и переводил для остальных членов группы. В конце пятидневной конференции он гораздо больше устал от того, что приходилось думать и говорить на двух языках одновременно и лавировать между традициями разных стран, чем от использования нефритовых способностей.

Доктор Тимо и другие кеконцы на следующее утро сразу полетели в Жанлун. Анден остался. Он поехал на такси из отеля в федеральное министерство промышленности, находящееся в угловатом, похожем на крепость здании напротив Национальной Ассамблеи. Ожидая на диване в вестибюле у лифта, он рассматривал огромное белое здание, в котором заседало правительство – квадратные ярусы поднимались к пирамидальной вершине, а в окнах так ярко горел свет, что превращал ночь в день. Прямые и строгие линии казались Андену слишком резкими, закрытыми и непроницаемыми.

К нему вышла секретарша. Она извинилась за то, что ему пришлось ждать, и проводила Андена в угловой кабинет на седьмом этаже. Табличка на двери гласила: «Келли Даук, заместитель министра». Анден вошел.

Даук Келишон, старшая сестра Кори, была похожа на отца и брата, в особенности когда приподнимала уголки губ в вежливой улыбке. Она встала, пожала Андену руку и жестом предложила ему сесть в кресло напротив стола.

– Господин Эмери, верно?

Заместителю министра было около сорока лет, она носила светло-серый костюм с черной блузкой и жемчужным ожерельем. Ее лицо обрамляла безукоризненная стрижка-каре до подбородка. Строгие профессиональные манеры ничуть не напоминали общительного и компанейского брата.

– Спасибо, что согласились со мной встретиться, госпожа Даук, – сказал Анден по-кеконски.

Женщина чуть развернула свое кресло в сторону, облокотилась на стол и закинула ногу на ногу, изучая Андена. Ее вежливая улыбка не дрогнула.

– Я согласилась на эту встречу из уважения к своим родителям, – сказала она на эспенском. – Мама очень настаивала. По ее словам, вы представляете один из кеконских кланов. Боюсь, я не очень понимаю, какое отношение это имеет ко мне и министерству промышленности.

Это была не грубость, но ее тон и быстрый переход на эспенский удивили Андена. Он неохотно последовал ее примеру и заговорил по-эспенски, осторожнее, чем следовало:

– Я приехал в Адамонт по другим причинам, но, пока я здесь, надеюсь наладить дружеские отношения с министерством промышленности от имени семьи Коулов из Равнинного клана.

– Так называется ваш клан?

Анден засомневался, говорит ли она серьезно или притворяется неосведомленной, каким-то образом его проверяя.

– Равнинный клан – один из двух главных кланов Кекона, – медленно выговорил он. – Мы контролируем почти половину столицы и добычи нефрита, у нас также есть предприятия во многих отраслях по всей стране. Примерно половину мест в Королевском совете Кекона занимают лояльные нам законодатели. Колосс Равнинных – мой брат. Моя сестра – Шелест клана и занимается деловой стороной. Они попросили меня говорить от имени семьи.

– Господин Эмери, моя работа в министерстве промышленности заключается в помощи министру Хагарту в вопросах эспенской экономической политики. Биоэнергетический нефрит не в моей компетенции.

– Понимаю, но клан занимается не только нефритом, – ответил Анден. – Мы хотим развивать бизнес в Эспении и наладить выгодное партнерство, но для нас существуют опреде-

ленные барьеры. Мы хотели бы разъяснить свою позицию законодателям и эспенскому правительству. Конечно, моя семья поддерживает отношения с эспенским послом и министерством иностранных дел, а также эспенскими военными с базы на острове Эуман, но нам нужны друзья и здесь, в Адамонте, имеющие влияние на премьер-министра и Национальную Ассамблею.

Анден умолк. Может, из-за равнодушного взгляда Келли Даук или потому, что ему трудно было произносить такую длинную речь на эспенском, но Анден выговаривал слова все медленнее и с трудом подбирал нужные. Или он слишком невнятно говорит и собеседница его не понимает?

– Я уважаю вашу семью и считаю ваших родителей и брата близкими друзьями.

Сестра Кори долго изучала Андена.

– Мои родители, – наконец сказала она, – принадлежат к старому поколению кеконских иммигрантов, которые до сих пор придерживаются культурных традиций и ценностей, относящихся к кланам и нефриту. Не сомневаюсь, что даже в таком солидном возрасте они изображают боссов среди соседей по кварталу в Южном капкане. Они возлагали надежды на моего брата еще с самого детства, тренировали его носить нефрит, «быть зеленым», как они выражаются. – Ее вежливая улыбка стала шире, но лишилась всякого тепла. – Немудрено, что вы так им понравились – молодой человек с прежней родины.

Пока Анден пытался подобрать ответ, Келли Даук сплела пальцы и продолжила:

– Родители со своими друзьями без конца жалуются на правительство. Они считают запрет на владение нефритом для обычных граждан верхом тирании и расовых предрассудков. Кеконские кланы хотят зарабатывать, продавая Эспении биоэнергетический нефрит, и желают ослабить или вовсе снять запрет. Я правильно понимаю?

Анден опешил и невольно снова перешел на кеконский:

– Дело не в продаже нефрита. Разве вы не хотите отменить такой неразумный закон, направленный во вред кеконцам? Вы же сами из семьи Зеленых костей!

– Не я пишу законы, господин Эмери, – ответила она, по-прежнему на эспенском. – Но, в отличие от некоторых, я их соблюдаю.

– Моя семья никогда не попросила бы вас сделать что-то неподобающее, что могло бы вам навредить, – возразил Анден. – Придя сюда сегодня, я надеялся лишь на то, что вы поговорите с моим братом и сестрой, представите их министру Хагарту и другим чиновникам министерства и, может быть, благодаря своему опыту дадите нам ценные советы, как наладить связи с нужными людьми в правительстве. Я собирался попросить вас об этом одолжении как друг вашей семьи и как соотечественник.

– Я эспенка, господин Эмери, – сказала Келли Даук. – И работаю в федеральном правительстве. – Она встала из-за стола, вежливо, но твердо показывая, что встреча окончена, а секретарша открыла дверь, выпроваживая Андена. – Если вы хотите проталкивать здесь клановую политику, придется действовать через другие каналы.

* * *

На следующий день Анден сел на трехчасовой автобус-экспресс из Адамонта в Порт-Масси. Он смотрел из окна на знакомый силуэт мегаполиса и, как только автобус пересек мост Железный глаз и проехал под тенью знаменитого небоскреба Мачта, почувствовал глубочайшую ностальгию и смутение. Господин Хиан встретил Андена на автобусной станции в Кинсе, обнял его как вернувшегося домой сына и отметил, что он хорошо выглядит.

Они направились прямо к Даукам, где госпожа Хиан и Даук Сана готовили грандиозный ужин – жареную рыбу, тушеную зелень, суп из пяти видов грибов и жареную лапшу. Даук Лосун усадил Андена во главе стола, и весь вечер Анден поглощал еду и разговаривал. Пришли старые знакомые: Дерек, теперь владелец автомастерской; Сэмми и еще две Зеленые кости,

Рик и Кино; Тод, ныне капрал Синих ангелов в ВМФ, получивший увольнительную; Тами, который работал в стоматологическом кабинете и на досуге занимался фотографией.

Все они вели себя по-дружески, хотя и слегка сдержанно, говорили с Анденом не так открыто, как когда он жил в Южном капкане, словно за прошедшие два года он постарел на десять лет и теперь был старше их, а не моложе. Анден понимал, что его принимают с таким размахом не просто потому, что рады встрече с бывшим студентом, постояльцем Хианов, но и как представителя Равнинного клана. Теперь он был важным гостем, посланным из Жанлуна семьей Коулов.

Возможно, вдобавок они пришли из любопытства, потому что слышали рассказы о том, как он спланировал убийство международного нефритового контрабандиста, как его чуть не казнили Бригады вместе с Роном Торо, и оказалось, что он скрывал свои мощные нефритовые способности и с их помощью сумел вернуть к жизни женщину.

Кори прибыл после ужина, заявив, что допоздна работал в офисе. Как обычно, его появление сопровождалось дружелюбной суматохой и выкриками, хлопками по спине и смехом. Он поздоровался почти со всеми и только после этого пожал руку Андену, улыбаясь как старому, но далекому другу. Вместе с ним пришла эспенка невысокого росточка, которую он представил как «Дарию, подругу из юридической школы». У Андена пересохло во рту. Он с трудом отвечал, когда Кори спрашивал его, как дела, нравится ли ему в Жанлуна, как продвигается учеба.

– В жизни не представлял тебя врачом, Анден, хотя наверняка у тебя получается превосходно, – сказал Кори со слегка натужным смешком. – Показываешь класс, да?

Он назвал Андена по имени и ни разу не прибегнул к шутивому прозвищу «кеконец», как раньше. Анден с болью думал о том, как это Кори удастся все забыть и жить дальше как ни в чем не бывало. Но ведь Андена всегда восхищало в Кори именно это – его жизнерадостность и легкомыслие. Кори надолго не задержался и ушел вместе с подругой меньше чем через час, что одновременно и огорчило Андена, и вызвало вздох облегчения.

В конце вечера, когда Хианы и Даук Сана мыли посуду и убирались на кухне, Даук Лосун потянулся и сказал Андену:

– Хочу прогуляться по кварталу, для лучшего пищеварения. Составишь мне компанию?

Стоял теплый летний вечер, но влага в воздухе намекала на ночную грозу. Увидев Андена и Даука на улицах Южного капкана, прохожие прикладывали ко лбу ладони в приветствии и слегка кланялись человеку, которого называли своим Колоссом. Анден замедлил шаг, принаравливаясь к неспешной походке Даука.

– Прости за то, как с тобой обошлась моя дочь, Анден, – сказал Даук. – По правде говоря, мне очень стыдно.

– Не нужно извиняться, Даук-цзен, – сказал Анден.

– Келишон очень независимая и увлекающаяся, – объяснил Даук, качая головой. – Всегда стремилась сделать карьеру, но не хотела иметь ничего общего со старыми кеконскими обычаями, традициями предков. Так что она живет по законам Эспении. Теперь, когда она получила высокий пост в правительстве, я надеялся, что она вспомнит свои корни и будет помогать соотечественникам, но, похоже, она стала даже еще более отстраненной и отдалилась от нас.

– Некоторые люди вырастают не такими, как другие члены семьи, вне зависимости от крови или воспитания, – сказал Анден. – Никто в этом не виноват.

Ему не хотелось смущать Даука, показывая свое разочарование, хотя он не мог не удивляться тому, что в Эспении человек, отказавшийся от родных, способен достичь такого высокого положения в обществе.

– Может, мне следовало прилагать больше усилий, чтобы мои дочери стали Зелеными костями, – вздохнул Даук. – Во времена моей молодости это попросту было невозможно, если только они не становились целительницами, как Сана, или монахинями. А теперь ты говоришь,

что на Кеконе есть женщины Зеленые кости, включая твою собственную сестру, и даже женщина-Колосс. Мир меняется так быстро, а я уже старик.

– Вы еще не старик, Даук-цзен, – сказал Анден.

В шестьдесят четыре года у Даука не было ни единого седого волоса, и он заразительно смеялся, хотя за два года после гибели его близкого друга Рона Торо Колосс Южного капкана, казалось, и впрямь резко постарел. Теперь у его губ пролегли глубокие складки, и Анден заметил, что за столом он принял таблетки.

– Знаешь старую поговорку: «Нефритовые воины молоды, пока не одряхлеют»? Я знаю, в какую сторону движусь, – уныло сказал Даук, сцепив руки за спиной. – Мне жаль, что я не сумел помочь, но выходцы с Кекона совсем мало влияют на политику этой страны, даже меньше, чем бандиты из Бригад.

– Мои брат и сестра ценят все, что вы для нас делаете, Даук-цзен. Правда в том, что дела на Кеконе идут неважно. Вялотекущая война ухудшила отношения с Эспенией, и враги используют это против нас, притом что и так атакуют всеми возможными способами. Мы нуждаемся в эспенском бизнесе, и поэтому моя семья ищет любые рычаги для упрочения нашей позиции, хотя бы в долгосрочной перспективе.

Даук поморщился:

– Я бы тоже хотел отменить запрет на нефрит, но вряд ли это возможно. Равнинный клан очень влиятелен, но не может менять отношение общества и привычки в целой стране, чей народ не понимает наши обычаи.

– Всего лишь пять лет назад мы считали, что Бригады не одолеть, можно только смириться с их требованиями, – сказал Анден, хотя после вчерашней грубой отповеди был склонен согласиться с Дауком. – И посмотрите, как все изменилось. Кто может знать, что произойдет в будущем?

– Ты говоришь с оптимизмом юности, – фыркнул Даук, но улыбнулся в темноте.

– В последнее время Бригады вам не досаждали? – спросил Анден.

Члены Бригад и Зеленые кости в Порт-Масси люто ненавидели друг друга. Местные Бригады считали, что кеконцы специально продают им негодный нефрит, и винили их в уничтожении Южной бригады Босса Кромнера, за которым последовала кровавая и широкомасштабная война между Бригадами и полицейские облавы. А кеконцы никогда не простили бы Бригадам убийство Рона Торо.

Лицо Даука стало серьезным.

– Бригады получили серьезный удар, но раненый зверь опасен. У нас теперь больше нефрита и больше бойцов, чем прежде, так что у Бригад есть причины уважать нас и бояться. И за это мы должны благодарить Равнинный клан, но если будем действовать слишком открыто и напористо, то можем зайти слишком далеко и подвергнуть себя опасности.

Они вернулись к дому Дауков. Анден слышал голоса Хианов и Саны, но Колосс не вошел в дом. Он помедлил на пороге и потер рукой затылок, а потом повернулся к Андену и заговорил, нахмурившись и тщательно выбирая слова:

– Твой брат Коул Хило прислал своего личного помощника, чтобы тот помог нам наказать Южную Бригаду. Он нашел и казнил человека, который убил моего близкого друга Рона Торо и чуть не убил твою невестку.

Анден не ответил. Он знал, что Маик Тар ездил в Эспению по приказу Хило, и цель поездки не стала сюрпризом. Правда, на лице Даука отражалась не радость по этому поводу, а лишь беспокойство.

– Тело Уиллума Римса так и не нашли, но Зеленые кости, которые были с Маиком в ту ночь, все мне рассказали. Это было чудовишно, Анден. Маик зашел слишком далеко, в этом не было необходимости.

На Новый год, когда закончился салют, пьяный Тар обнял Андена за плечи. «Хочу, чтоб ты знал – я отправил тех эспенских ублюдков на тот свет, и всю дорогу туда они верещали как резаные. За тебя, парень». Он чокнулся с Анденом бокалом хоцзи и снова влился в общее веселье.

Даук встревоженно вздохнул:

– Вполне естественно мстить за друзей и наказывать врагов, но если нас свяжут с чудовищными преступлениями, то посчитают обычными убийцами, а нефрит будет навсегда запятан кровью. И вот ты приезжаешь и говоришь, что Равнинные хотят расширить бизнес и увеличить влияние. Но такие действия, когда мы становимся даже хуже Бригад, идут вразрез со всеми нашими надеждами.

– Даук-цзен, вы правильно сделали, что заговорили об этом, – сказал Анден.

– Ты жил здесь, Анден, и понимаешь, что в Эспении Зеленые кости должны вести себя гораздо осторожнее, чем в Жанлуэне. После ослабления Бригад полицейские обратили взор на нас. Они ищут любой предлог, чтобы арестовать людей из кеконских кварталов и обыскать их на предмет нефрита, даже если они не совершили никакого другого преступления. Зато у Кору работы хоть отбавляй, – проворчал Даук, – у адвокатов нет недостатка в клиентах. Но это наносит урон нашему землячеству. Станут ли молодые люди тренироваться в нефритовых дисциплинах, если при этом могут стать изгоями и угодить в тюрьму? Они предпочтут отречься от своего наследия и жить как обычные эспенцы. Больше всего на свете я боюсь, что через двадцать лет в этой стране не останется ни одной настоящей Зеленой кости.

Поднявшийся ветер разогнал духоту летнего вечера. Где-то вдали завывала сирена. Завтра Анден будет уже в самолете на пути домой и не сможет сообщить брату и сестре об осязаемых победах – ни о чем, что способно помочь Равнинным. Тревога в голосе Даука усугубила его ощущение бессмысленности всех усилий. Анден уважал Даука Лосуна и доверял его суждениям, хотя и возмущался тем, что Даук принудил его расстаться с Кори.

– Надеюсь, что вы ошибаетесь, Даук-цзен, – сказал Анден.

Даук поднес руку к воротнику рубашки и сжал нефритовую подвеску, которую носил на серебряной цепочке на шее.

– Я тоже на это надеюсь. Меня тревожит будущее, но я могу делать лишь то, что в моих силах, то есть пытаться убеждать людей ради блага землячества. Пока я еще в состоянии. – Колосс Южного капкана ободряюще похлопал Андена по плечу и повел его в дом. – Приятно было снова тебя увидеть, Анден. Ты всегда был слишком Зеленым для этого города, но я рад твоему приезду.

Глава 9

Седьмая дисциплина

шестой год, девятый месяц

Среди многочисленных тренировочных центров Зеленых костей в Жанлуэ спортклуб «Седьмая дисциплина» славился тем, что привечал чужаков. Он располагался в районе Йойой и не принадлежал Равнинным, но владелец, Кулак клана на пенсии, брал с Зеленых костей из Равнинного клана, а также его союзников и нейтральных кланов совсем небольшую плату. Сюда же ходили приезжие, в том числе из Эспении, независимые тренеры, работающие здесь с клиентами, и даже несколько иммигрантов-баруканов, которые не имели отношения к клану, но вели себя прилично.

Большой тренировочный зал был хорошо оборудован – по слухам, сравнится с ним могла только Фабрика в районе Острие, контролируемая Горными. Табличка в рамке над входом гласила: «Совершенство характера – это седьмая дисциплина нефритового воина». В понедельник днем, когда Хило вошел в главный тренировочный зал, он застал там лишь нескольких Пальцев клана, они устраивали поединки на затупленных саблях и тренировали Легкость с утяжеляющими жилетами.

Заметив Колосса, они прервались, чтобы поприветствовать его, и выкрикнули:

– Коул-цзен!

Хило помахал рукой в ответ, но не остановился поболтать.

На циновке в глубине зала мастер Айдо учил работе с боевым ножом человека, чья необычная репутация стала известна самому Колоссу. Незнакомец оказался ниже ростом, чем ожидал Хило, крепкий и ладный, с коротко стриженными темными волосами и темным от щетины подбородком. Его нефритовая аура гудела от усталости и напряжения, но больше ничего не выдавала. Хило тут же отметил уверенность опытного бойца, хотя двигался он не так, как все остальные в этом зале. Он не использовал классические приемы и технику. Отражая атаки и контратаки мастера Айдо, он на удивление мало полагался на нефритовые способности, время от времени прибегая лишь к Силе и Броне, а иногда к Отражению – быстро и скрытно, словно пытался спрятать их за простыми и очевидными движениями.

Зеленые кости всегда с восхищением наблюдали за людьми с сильными нефритовыми способностями – мощным Отражением, прыжками Легкости, – в особенности во время публичных поединков, когда исход по случайности оказывался фатальным. Сдержанные движения этого человека были четкими и эффективными. Нефрит – ненадежное оружие, оставленное на крайний случай, чтобы быстро нейтрализовать врага, но не более. Таков подход к нефритовым сражениям в современной армии. ИСББН – интегрированная система боя с биоэнергетическим нефритом.

– Мастер Айдо, – сказал Хило, шагнув на циновку, – пожалуйста, представьте меня своему ученику.

Старый тренер явно удивился, увидев здесь Колосса. В поместье Коулов имелся собственный тренировочный зал, а Хило обычно встречался с частными тренерами во дворе поместья.

– Это Джим Сунто, Коул-цзен, – сказал Айдо, подняв брови. – Джим, это Коул Хилошудон, Колосс Равнинного клана.

Сунто переводил взгляд с Хило на мастера Айдо. Хило посмотрел на нефрит Сунто – на шейной цепочке висели два зеленых солдатских жетона. А рядом еще одна цепь, золотая и короткая, с треугольной золотой подвеской – символ горы Икана, священного места для Сви-

детелей Истины. Сунто было чуть меньше тридцати – моложе Хило. В свои тридцать четыре Хило с удивлением обнаружил, что вокруг полно людей младше его.

Сунто кивнул, но не поднял ладони в приветствии.

– Я знаю, кто такой Коул Хило.

– Надеюсь, я вам не помешал, – сказал Хило мастеру Айдо.

– Мы только что закончили, – ответил тренер, поняв намек. – Увидимся на следующей неделе, Джим. Коул- цзен.

Он отсалютовал Колоссу и тактично удалился, оставив его наедине с Сунто.

Тот подошел к ближайшей полке с полотенцами, вытер лицо и закинул полотенце на плечи.

– Мне нельзя здесь тренироваться? – спросил он в полуобороте.

Ни одна Зеленая кость в Жанлуэне, друг или враг, не посмела бы разговаривать с Колоссом Равнинных так грубо и небрежно, повернувшись спиной, не поприветствовав должным образом.

– Никаких проблем, – ответил Хило. – Просто я услышал, что в Жанлуэне живет и тренируется эспенский Синий ангел, вот и пришел посмотреть лично.

– Бывший Ангел, – уточнил Сунто. – Два года назад я уволился.

– Мои Кулаки говорят, что вы серьезный спарринг-партнер, – сказал Колосс, сунув руки в карманы и обогнув Сунто полукругом. – Говорят, вы сломали нос Хейке.

– Случайно, хотя он это заслужил. – Сунто свободно говорил по-кеконски, пусть и с заметным эспенским акцентом. – Он увлекся Отражением и ослабил оборону.

– И вы даете уроки.

– Несколько семинаров. Основы ИСББН, скрытное ношение оружия, захват врага живым и все такое. Люди просят, а для меня дополнительный заработок.

Сунто по-прежнему стоял в небрежной позе, но в его голосе звучала откровенная подозрительность, он поглядывал по сторонам, словно ожидая, что на него вот-вот набросятся Кулаки клана.

– Давайте поговорим где-нибудь в другом месте, лейтенант, – сказал Хило.

– Я бы предпочел разговаривать здесь.

– Как вам угодно.

Хило положил руку ему на плечо. Сунто отреагировал мгновенно, вывернувшись из-под нее, и схватил Хило за запястье. Но другой рукой Хило уже Концентрировался в его правое легкое. Удар пришелся далеко от сердца и не причинил никакого серьезного вреда, но был ужасно болезненным, Сунто должен был упасть на пол и несколько минут пытаться восстановить дыхание.

К удивлению Хило, Сунто выпустил его запястье, включил Броню, резко вывернулся и в ответ тоже Сконцентрировался в верхнюю часть торса, отразив атаку, а в плечевом суставе Хило полыхнула боль. От удара по груди Сунто должен был согнуться пополам, захлебываясь в кашле, но, даже лишившись воздуха в легких, он без колебаний поднял колено и врезал Хило в пах.

Несмотря на Броню, на глазах Хило выступили слезы, и он упал на одно колено. Сунто опустил руку с ножом к его сонной артерии. Хило отпрыгнул в сторону, и нож отскочил от плеча, не причинив вреда. Хило тут же кинул четкую горизонтальную волну Отражения, которая пришлась Сунто в живот и сшибла его с ног, отбросив на несколько шагов. Вскочив на ноги, Колосс с Легкостью прыгнул и приземлился со всей сокрушительной Силой, но не на Сунто, а рядом с ним, расплющив циновку, а не грудную клетку противника.

Сунто немедленно перекатился и встал в оборонительную позицию, слегка пригнувшись, но Хило уже улыбался и шел к нему с раскинутыми руками, чуть прихрамывая из-за резкой боли в животе.

– Я все гадал, неужели эспенцы и впрямь хорошо тренируют солдат или это всего лишь болтовня.

Сунто смущенно нахмурился:

– Так, значит, вы пришли не убивать меня и не избивать?

– А разве я говорил что-то подобное? – спросил Хило.

Сунто медленно и скептически выпрямился, морщась и потирая грудь.

– Лидер одного из крупнейших кланов Зеленых костей неожиданно объявляется, чтобы поговорить? Не вините меня, если я сомневался в том, что выйду отсюда живым. Многие люди в этом городе не любят эспенских военных, даже отставных и кеконского происхождения.

Все присутствующие в спортклубе «Седьмая дисциплина» отвлеклись от тренировок, глядя на удивительное зрелище – поединок Колосса Равнинного клана с бывшим Синим ангелом. Кое-кто даже вытащил компактную тридцатипятимиллиметровую камеру.

– И не вздумайте, – рявкнул Хило через плечо. – Возвращайтесь к своим делам. Я разговариваю с посетителем спортклуба, разве не ясно?

Попавшие под раздачу Кулаки пробормотали извинения и неохотно убрались восвояси. Хило снова повернулся к Сунто:

– Если бы у меня были к вам претензии, вы бы уже это поняли. Я же сказал, что пришел поговорить, разве не так? На другой стороне улицы есть ресторан. Угощу вас выпивкой в качестве извинения за этот удар.

* * *

Поскольку ресторан «Два тигра» официально еще не открылся, они оказались там только вдвоем. Хило попросил управляющего принести эспенское янтарное пиво для Сунто и шотарский пилзнер для себя. Сунто отказался от предложенной сигареты, а Колосс откинулся на спинку кресла и закурил. Нефритовая аура Сунто по-прежнему ощетинивалась подозрениями, но, выпив свое пиво, он спросил:

– Так о чем вы хотели поговорить?

– Для начала расскажите, как вы стали эспенским солдатом и военным инструктором.

Равнинные уже навели справки о Сунто, но Хило считал, что человека можно узнать гораздо лучше, когда он сам рассказывает о себе.

Сунто Цзимоньон родился в Жанлуне у матери-одиночки. Когда ему исполнилось шесть, мать вышла замуж, и отчим перевез семью в Эспению. Сунто не ладил с отчимом и в семнадцать лет ушел из дома, вступив в эспенскую армию, где его быстро заметили, отправили учиться ИСББН, а потом записали в Синие ангелы. Во время второй командировки в Оортоко он получил ранение осколками гранаты и попал в госпиталь на военно-морской базе Эуман. Здесь он начал тренировать новых рекрутов для Синих ангелов и стал известным инструктором. Когда война в Оортоко близилась к концу, ему предстояло получить новое назначение, и он предпочел уволиться, чтобы остаться на Кеконе.

– Я устал от того, что мне отдают приказы, – объяснил он, передернув плечами. – Мне хотелось просто пожить здесь и тренироваться, пока я не решу, что делать дальше.

– Вам разрешили оставить нефрит себе, – заметил Хило.

Сунто прикоснулся к своим нефритовым жетонам.

– Это не мой нефрит, – сказал он. – Мне предоставило его эспенское правительство в бессрочное пользование, потому что я до сих пор числюсь инструктором по ИСББН на военно-морской базе Эуман. Приезжая туда, я живу в казармах для офицеров, а в остальное время снимаю квартиру в городе.

Хило с любопытством наклонил голову:

– Не хотите сделать свой нефрит ставкой в дуэли?

Взгляд Сунто скользнул вниз, к широкой линии нефритовых вставок, просвечивающих между расстегнутыми пуговицами воротника, а потом вновь к лицу Колосса.

– Меня учили пользоваться только необходимым количеством нефрита, – сказал он. – ИСББН основана на самых базовых боевых техниках, простых и эффективных, которые разработаны для спецназа, все солдаты укомплектованы одинаковым количеством биоэнергетического нефрита. Все сверх этого – лишний риск. – Сунто нахмурился и покрутил бокал с пивом. На столе расплылся кружок влаги. – Некоторые из тех ребят, с которыми мы вместе были в Оортоко, сейчас паршиво себя чувствуют. Психические заболевания, наркотическая зависимость, дурные привычки. Мне повезло – на моей стороне кеконская генетика, но мне не нужно много нефрита лишь для бахвальства.

– Это верно. – Выражение лица Хило осталось нейтральным. Он затушил сигарету. – В конце концов, вы ведь иностранный солдат, а не Зеленая кость.

Сунто с подозрением и нетерпеливо оглядел Колосса. Потом отодвинул свой бокал и скрестил руки на столе.

– Слушайте, я знаю, что ваша семья – важные шишки, – сказал он будничным тоном, показывая, что он не глуп, а недостаток почтительности не вызван неведением, просто он эспенский военный, не подотчетный ни одному лидеру клана. – Я приехал в Жанлун не для того, чтобы бороться с вашими людьми за нефрит или создавать вам проблемы. Клянусь Истинным Богом. Я просто занимаюсь своими делами, зарабатываю понемножку, вот и все.

Хило неожиданно решил, что Джим Сунто ему нравится. В Жанлуэ тот был чем-то инородным, с его эспенским гражданством и воинским званием. Он носил нефрит и использовал его в деле, но не принес клятву ни одному клану и не пытался выделяться. Человек, способный пнуть Колосса по яйцам, не боясь умереть, это нечто особенное. Сунто напомнил Хило самого себя в юности, когда он еще не был Колоссом или даже Штырем, когда любой мог бросить ему вызов, а ему самому приходилось ежедневно завоевывать уважение словами, кулаками и ножом.

– Рад это слышать, – сказал Хило с широкой улыбкой.

– Ну что ж, раз мы все прояснили, тогда, наверное, мы закончили, – сказал Сунто, допивая пиво, и отодвинул свой стул.

– Сядьте, лейтенант. – Хотя Сунто больше не был кадровым офицером, обращение по воинскому званию казалось Хило самым подходящим случаем. – Думаете, я пришел к вам, только чтобы рыкнуть как здоровенная псина? – Хило жестом велел Сунто сесть. – Вы сказали, что приехали сюда заработать. Я могу предложить вам способ заработать гораздо больше. Хотите меня выслушать?

Сунто был не первым человеком, которого испугал внезапный переход Колосса от расслабленного и добродушного настроения к приказному тону. Сунто замер, его нефритовая аура ошетилилась. Он опасливо опустил на стул.

Хило попросил управляющего «Двух тигров» принести Сунто еще одно пиво.

– Что вы знаете о кеконской армии? – спросил Колосс.

– Когда я был Ангелом, мы иногда тренировались вместе с кеконскими военными. Не могу назвать их совсем уж дохляками, но для страны с самыми большими запасами биоэнергетического нефрита в мире они явно слабоваты.

– Это потому что кланы забирают весь нефрит и всех бойцов, а некоторым из них плевать на интересы страны. – Хило саркастически изогнул губы. – По крайней мере так говорят.

Хило по-прежнему был в ярости из-за того, что Айт Мада переиграла его на заседании КНА в начале года, перед лицом лидеров всех остальных кланов страны. Она выставила напоказ слабость Равнинных, заставив Хило признать, что клан не может себе позволить потерять ни одного потенциального Пальца, отдав его армии.

С тех пор Горные прогнозируемо и безжалостно обвиняли Равнинных в прессе из-за этого отказа, борясь за общественное мнение. Хотя КНА недавно единогласно проголосовал за то, чтобы увеличить поставки нефрита армии, а сторонники Равнинных в Королевском совете помогли провести закон о выделении дополнительных средств на оборону, если верить злобному ворчанию Кобена Йиро по радио, Югутан был готов вторгнуться в страну только лишь из-за эгоистичной жадности Равнинных.

В своей новой роли «говорящей головы» Айт Мады Кобен вещал с энтузиазмом и, уж конечно, старался не помешать усилиям Горных финансово задушить соперников. Последние сводки, которые получила Шаэ, показывали, что в этом году две трети новых предприятий предпочли уйти под крыло Горных, а не Равнинных. Вун Папидонва изо всех сил работал над имиджем клана и отношениями с общественностью, но, как сказала Шаэ, «невозможно продать воздух». Равнинные нуждались в более существенных политических победах.

Хило сомневался, что сестра преуспеет на этом фронте. Она доставляла ему немало неприятных минут, и ему было ясно, что Шелест и ее люди работают в авральном режиме. А в авральном режиме клану не победить.

– А если говорить начистоту, – медленно произнес Сунто, после того как Хило объяснил суть предложения, – вы просите меня помочь реформировать кеконскую армию?

– Вы обучали ИСББН эспенских Синих ангелов и некоторых Зеленых костей. Кеконским военным пригодится человек вроде вас, который покажет, как выжать все возможное из имеющегося у них нефрита. Не стану отрицать – иностранцы обладают некоторыми умениями, которым не грех поучиться и Зеленым костям.

Сунто откинулся назад, скрестив руки на груди, и пожевал щеку.

– Признаюсь, я не ожидал услышать такое от Колосса клана. Но я знаю, что кое в чем эспенские военные с вами согласны. Сильная кеконская армия послужит буфером против Югутана. – Он ощупал треугольную подвеску на шее, словно советуясь со своим Богом и оценивая перспективы. – Когда я встречусь с генералом Рону?

* * *

На ужин Вен приготовила крабовый суп, сибаса с перцем, ростки гороха с чесноком и булочки с начинкой. Ей помогала Кьянла, но Вен гордилась, что в основном все сделала сама, хотя это заняло несколько часов. Правая сторона тела иногда по-прежнему отнималась, но теперь Вен гораздо лучше сохраняла равновесие и контролировала свои движения, к тому же она постепенно привыкла делать все одной рукой.

Когда Хило вернулся домой, Вен ожидала его в столовой, одевшись в нежно-голубое платье с жемчужным ожерельем, а на столе стоял изысканный ужин на двоих.

– В честь чего это все? – спросил Хило.

– Я просто подумала... что было бы приятно поужинать вдвоем. И в кои-то веки наедине.

Ее муж снял пиджак и оружие, бросил ключи и бумажник на буфет и сел за стол, излучая добродушную подозрительность. Он оглядел неожиданно притихший дом.

– А где дети?

– Я отправила... Нико спать к Цзуэнам. Рю и Цзя в доме твоей матери.

– Цзя будет в ярости.

У трехлетней малышки были собственные представления о том, как положено проводить вечер, начиная с ужина и заканчивая большой книгой сказок о герое Байцзене, которую читал ей отец перед сном. Она могла устроить такую истерику, которую Почуяли бы или даже услышали на другой стороне обширного внутреннего двора поместья Коулов.

– Ей пока не понять... что не всегда получаешь желаемое.

Вен аккуратно разлила суп в две тарелки, сосредоточившись на том, чтобы не дрожала рука. Ее тревожило, что дети могут вырасти избалованными или беспризорными или еще что-нибудь. Пока она болела, за ними присматривали родственники, но Вен по-прежнему страдала от неспособности быть более заботливой матерью. Она не могла взять детей на руки, бегать с ними или завязать им шнурки.

Хило попробовал суп.

– Неплохо, – признал он почти нехотя.

Несколько минут они ели молча, но Вен чувствовала на себе взгляд мужа.

– Ты была в этом платье на нашей свадьбе, – сказал он.

Вен улыбнулась – он заметил.

– Оно по-прежнему хорошо смотрится?

Под шелковое платье она надела утягивающие панталоны и поддерживающий лифчик. Рождение двух детей и кормление грудью, а потом утрата подвижности из-за повреждения мозга привели к тому, что фигура под платьем была уже не та, что шесть с половиной лет назад.

– Конечно, – сказал Хило, и в его глазах засветилась нежность. – Может быть, не так восхитительно, как в первый раз, но лишь потому, что тогда я готовился умереть. Все вокруг кажется вдвойне прекрасным, когда ты думаешь, что больше этого не увидишь.

– Иногда... – сказала Вен, снимая крышку с рыбы, – потом все кажется еще прекрасней, когда понимаешь... что получил второй ш-шанс.

Она нервно потеряла ложку.

Хило потянулся через стол и забрал у Вен ложку. Он положил на тарелку жены немного сибаса и гороховых ростков, но движения были слишком резкие – он кромсал рыбу, словно та была еще жива и ее нужно убить. Голос Хило звучал нежно, но с болезненными нотками.

– Не бывает настоящих вторых шансов. Даже если переживешь самое худшее, жизнь будет уже не той, что прежде. – Он снова сел, громко шаркнув ногами по полу. – Посмотри на Тара. Есть вещи, от которых невозможно исцелиться.

Вен сжала ладони на коленях, напомнив себе, что именно этого она и добивалась – откровенного разговора с мужем.

– Тару и Йин Ро не следует жениться, – сказала она. – Они друг другу не подходят.

– Они годами то пылали страстью, то охладевали, – проворчал Хило. – А теперь обещали мне, что наконец-то готовы принести настоящие клятвы друг другу, так почему бы не дать им шанс? Тару нужны близкие люди помимо нас, нужно чем-то себя занять.

Тар так часто оставался ночевать в главном особняке поместья, что практически переехал к ним, но после помолвки с Йин Ро в прошлом месяце проводил больше времени в ее квартире в Согене.

Вен знала, что Хило снял с Тара часть обязанностей и велел ему отдохнуть, сказав, что он заслужил отпуск после поездки в Эспению с трудным заданием.

Это была правда, хотя подлинной причиной стал разговор с Анденом после его возвращения из Порт-Масси – он передал Хило слова Даука Лосуна. Вен слышала этот разговор в кабинете Колосса. «Хило-цзен, – встревоженно сказал Анден, – зелень Тара почернела».

«Зелень почернела» – так говорили, когда нефритовый воин терял рассудок, обычно от Зуда, и часто становился опасен для себя и окружающих. С таким человеком приходилось разбираться, его уговаривали или заставляли снять нефрит. Однако Вен была убеждена, что проблема Тара не имеет ничего общего с избытком нефрита. Без Кена он превратился в единственное колесо катящейся под откос телеги, а преданность Хило служила противовесом от одиночества и жажды крови. Его радовало лишь общение с детьми, в особенности с Маиком Цагом, сыном Кена, но Тар постоянно вбивал им в головы полные жестокости истории, и даже Вен, не желавшая ограждать детей от реальности, старалась ограничить их общение с дядей Таром, иначе по ночам они просыпались от кошмаров и с плачем прибегали к ней в спальню.

Помолвка Тара с Йин Ро в прошлом месяце стала сюрпризом.

– По крайней мере, он хочет измениться, – указал Хило. – Тар заслуживает счастья.

– А как насчет всех остальных? – осторожно спросила Вен. – Чего заслуживаем мы?

Хило медленно прожевал рыбу. Потянувшись за теплыми булочками, он покосился на

Вен:

– В каком смысле?

Собираясь с духом, Вен скомкала лежащую на коленях салфетку.

– Мы... не можем оставаться такими же отстраненными и причинять друг другу боль, Хило. Колосс должен... заботиться о том, чтобы семья была крепкой. А наша семья не такая. Мы в тупике. Ты не... – Вен не сумела облачить бурлящие мысли в точные слова и видела, что ее запинаящаяся речь вызывает у Хило жалость и злость. – Что ты... Ты... хочешь развестись?

Хило оттолкнул свой стул. Вен никогда прежде не боялась мужа, он ни разу не ударил ее и не смотрел так, будто хочет ударить, но сейчас при взгляде на его лицо у нее останавливалось сердце.

– Так вот чего ты хочешь? – спросил он со сдерживаемой яростью. – Мало тебе прежнего предательства, ты еще собралась разрушить семью?

Вен энергично покачала головой, но Хило говорил все громче, словно весь накопившийся гнев собрался в грозовую тучу, а от стоящего в его глазах обвинения Вен потеряла дар речи.

– Почему, Вен? Разве я не любил тебя, не заботился о тебе, не помогал в карьере, не делал все, чтобы ты и дети были в безопасности? А ты не послушалась меня, хотя это было так просто!

Вен решительно настраивалась поговорить с мужем без слез, но теперь перед ее глазами все поплыло.

– Слишком многое... стояло на кону. Я знала, что ты не выпустишь меня... из сейфа, в который поместил. И поэтому я убедила Шаэ. Ты вынудил нас... солгать.

– Я тебя вынудил?! – На мгновение Хило застыл с открытым ртом. Потом резко его захлопнул. – Порой мне кажется, что лжецы не лучше воров, – процедил он сквозь зубы. – Они крадут доверие, которое уже не вернешь.

Прежде чем Вен успела подняться со стула, Хило выскочил из дома – он всегда легко опережал ее уверенными и широкими шагами.

* * *

Хило выбежал из двери и запрыгнул в «Княгиню», но тут вспомнил, что в запале оставил ключи от машины дома, вместе с пиджаком, оружием и бумажником. Он разочарованно взвыл и стукнул по рулю, а потом опустил стекло и выкурил три сигареты подряд, пока не успокоился.

Он подумывал, не поспать ли в машине до утра. Но потом ему пришло в голову, что можно пойти до резиденции Шелеста и попросить сестру разрешить ему провести ночь у нее на диване. Обе мысли выглядели такими жалкими, что он громко рассмеялся в темноте. Воображать испепеляющий взгляд Шаэ было и весело, и печально одновременно. Хотя... Между ней и Вуном в последнее время явно что-то происходило. Она была рассеянной и несчастной. Так почему бы им впервые в жизни не выпить вдвоем и не поплакаться над бокалом хоцзи? Хило снова хохотнул.

Когда этим вечером он вошел в дом и увидел такую прекрасную Вен, которая ждала его с тяжело давшимися ей ужином, Хило хотелось одного – вновь безраздельно отдать ей свое сердце, загладить все обиды. Когда-то он с легкостью говорил жене, как ее любит, – три простых слова за один вдох. Прощание после телефонного разговора, приглашение заняться любовью, нежный шепот перед сном.

А теперь эти слова казались непрístupной эмоциональной горой. Каждый раз, когда он стремился наладить отношения с Вен, в нем вскипал гнев, и Хило боялся, что сделает еще хуже, а потому сдавал назад, как будто машинально включал Броню в ответ на поднятый клинок или выдергивал руку из пламени. Как часто он винил Шаэ в том, что она ни с кем не сближается, не честна сама с собой и другими? А теперь сам закрылся и в одиночестве берedit невидимые раны, в точности как когда-то Лан.

Эта мысль наполнила Хило страхом и тревогой. Он никогда не был самодостаточной личностью, это он точно знал. Возможно, некоторые люди и не нуждаются в других, но их немного, и обычно они становятся такими по серьезной причине. Братство клана – это гарантия, что его бойцы не останутся в одиночестве. Так говорится в клятве Зеленых костей, ради этого его семья приносила все жертвы, безжалостно сражалась с врагами, а в итоге он не может даже быть рядом с теми, кого любит.

Хило колебался. Время было уже позднее, и у него кончились сигареты.

Он вышел из машины и тяжело зашагал обратно к дому. Ему пришлось признать, что нельзя оставлять брак в тупике. При мысли о разводе перед глазами вставала красная пелена, а в голове полыхало пламя. Значит, это тоже не вариант. Хило не был уверен, что способен полностью простить жену или сестру, но Анден однажды сказал, что понимание важнее прощения. Младший братишка Хило иногда изрекал удивительную мудрость.

Свет в доме уже не горел, но глаза Хило привыкли к темноте. Вен убрала остатки ужина и заснула на диване в гостиной, свернувшись на боку под пледом. Возможно, она ждала Хило или слишком устала, чтобы подниматься по лестнице. Хило встал рядом с ней, наблюдая, как поднимаются и опускаются белые плечи в ритм с дыханием. Такая нежная и уязвимая, но сильнее и бесстрашнее большинства его бойцов.

Хило наклонился и с легкостью взял жену на руки. Когда он нес ее вверх по лестнице в спальню, Вен проснулась и сонно прошептала:

– Хило? Который час?

– Уже поздно, – ответил он. – Но не слишком поздно. – Он положил Вен на кровать и сел рядом. – Прости за то, что было за ужином. Он был великолепный, одно из лучших твоих творений. Но я уверен, ты приготовишь и другие. Или в следующий раз пойдем куда-нибудь в ресторан.

– Хорошо, – тихо произнесла Вен и потеряла глаза ладонями.

– Я не должен был выходить из себя и убегать из дома, но я никуда не ходил, просто сидел в машине. – Он наклонился и смахнул прилипшие к ее щекам локоны. Жест был нежным, в отличие от голоса. – Наверное, хуже всего – ошибки, сделанные из-за любви, и мы оба их совершили. Но больше не говори о разводе. Я этого не вынесу. Понятно?

Вен кивнула.

Хило раздел ее и разделся сам, а потом лег в постель рядом с женой. Медленно, но твердо он коснулся ее живота и груди, бедер и ягодиц. Засунул руку между бедер и стал поглаживать пальцами, целуя в подбородок.

Вен повернулась к нему и прижалась мокрым лицом к груди и животу. Потом скользнула под одеяло и стала ласкать губами его член. Но Хило притянул ее к себе и перевернул на спину, в свою очередь лаская ее, пока она не истекла влагой. Уже давно они не исследовали друг друга так внимательно и теперь вели себя как опытные любовники с новыми партнерами. Когда Хило с дрожью вошел в нее, оба замерли, затаив дыхание.

Это был не самый их страстный и безумный секс, но самый непреклонный. Они кончили вместе, что обычно бывало редко. После секса они не разговаривали, а сразу заснули, сплетя в темноте пальцы.

Глава 10

Тебе не победить

шестой год, десятый месяц

Шаэ поехала в Луканг поездом, это заняло пять часов. Вагоны бизнес-класса были гораздо комфортабельнее, чем самолеты местных авиалиний, а в поездке она могла любоваться на пейзажи за окном и работать.

Она вновь просмотрела все, что выяснил о клане Единство шести рук новый глава ее администрации Луто Тагунин. За последние полгода двадцатилетний Луто показал, что быстро учится, пунктуален и энергичен. Он как будто почти не нуждался во сне. Работал допоздна, кутил с друзьями, а на следующее утро был как огурчик. Он уже умело ориентировался в деловой стороне клана и произвел впечатление на Шаэ внимательностью к деталям.

Только одно сдерживало карьеру Луто в клане – он не был Зеленой костью. Для большинства позиций в ведомстве Шелеста это не было ограничением, за исключением высших должностей, но исключало его из определенного круга общения. У Шаэ не было никаких причин для недовольства работой Луто, за исключением одной – он не Вун Папидонва.

Луто не был таким же вдумчивым и опытным, как Вун. Он не обладал хладнокровием Вуна и не читал мысли Шаэ, как умел Вун. Луто не мог Почуять, когда он был нужен ей в кабинете для обсуждения сложной проблемы, и не знал, когда и как оспаривать ее решения или находить прорехи в логических рассуждениях, а в конце рабочего дня не ждал ее, чтобы отвезти домой.

Шаэ напомнила себе, что ей трудно привыкнуть, ведь она работала с одним руководителем администрации с тех пор, как стала Шелестом. Нужно время, чтобы смириться с новым человеком в этой роли. Она по-прежнему виделась с Вуном. Его кабинет находился всего на один этаж ниже, и они разговаривали почти ежедневно. Хранитель печати в эти дни был занят – доводил до сведения широкой публики, что Равнинные помогают кеконской армии, представив ей экспертов по ИСББН, чтобы разработать более современную программу подготовки в нефритовых дисциплинах. Каждый раз, когда Шаэ проходила мимо кабинета Тени Шелеста, находящегося рядом с ее собственным, она ощущала укол разочарования, потому что там сидел Луто, а не Вун, и постоянно находила предлоги спуститься на этаж ниже, чтобы Почуять знакомую ауру.

После того поцелуя у нее дома Шаэ собралась с духом и в понедельник утром пошла в новый кабинет Вуна. В конце концов, она ведь Шелест, Зеленая кость самого высокого ранга. Именно она должна разобраться с этой проблемой.

– Папи-цзен, – решительно сказала она, закрыв за собой дверь кабинета. – Насчет прошлой недели. Я...

Прежде чем она успела сказать еще хоть слово, Вун вскочил и чуть не сшиб собственный стул.

– Ничего больше не говори, Шаэ-цзен. – Он смотрел на нее всего несколько секунд и отвел взгляд, словно Шаэ светила ему в глаза фонарем. – Ты же знаешь о моих чувствах к тебе, – сказал он, понизив голос. – Если ты извинишься за случившееся и скажешь, что этого не хотела, мне невыносимо будет это слышать. Если ты скажешь, что этого не хотела, хотя чувствуешь то же, что и я, будет еще больнее – значит, у меня был шанс... – Его кадык дернулся, а нефритовая аура полыхнула от противоречивых эмоций, Шаэ не сумела расшифровать эту бурю текстур. – Я не могу бросить Кийю. Это было бы бесчестно после того, через что мы прошли. И я не могу перенести мысль о том, что потеряю твою дружбу и уважение. Возможно

ли... возможно ли, чтобы мы просто работали вместе и... и не позволяли чувствам мешать работе?

Он наконец посмотрел Шаэ в лицо, и она почти пожалела об этом, потому что от его мягкого и искреннего взгляда у нее внутри защемило от болезненного желанья. Она стояла на почтительном расстоянии, в деловом костюме, и представляла его губы на своей шее, его большие ладони, забирающиеся под блузку. В этот миг Шаэ поняла, какая же она дура – влюбиться в коллегу и друга, когда уже слишком поздно.

– Конечно, – выдавила она.

* * *

Верный своему слову, Вун присматривал за работой Луто и тщательно проверил искренность намерений клана Единство шести рук, исследовал состояние его финансов и других операций, и, наконец, они устроили тайную встречу с лидерами клана. Прежде чем сесть на поезд, Шаэ поговорила с Вуном по телефону.

– У тебя точно есть все необходимые данные, Шаэ-цзен? – спросил он.

Они оба знали, как важна эта встреча. Если Шаэ добьется перехода клана Единство шести рук под крыло Равнинных, все может измениться. Она приняла тщательные меры предосторожности. Только Хило и еще несколько человек знали об этой поездке.

– Да, – заверила Шаэ. – Луто собрал все необходимое.

На другом конце линии Вун ненадолго задумался. Он не мог просто так подняться на этаж выше и увидеться с Шаэ до ее отъезда, а вместо этого позвонил. В глубине души она даже ждала, что Вун предложит поехать в Луканг вместе, как поступил бы на должности ее Тени, но он этого не сделал. Она старалась не принимать близко к сердцу его профессиональную сдержанность, но так и не смогла. Хорошо, что они не встретились лицом к лицу. Уж слишком было бы легко Почуять ее эмоции. По телефону легче было держать оборону.

– Счастливого пути, Шаэ-цзен, и удачи, – сказал Вун и повесил трубку.

* * *

Поезд остановился на вокзале в Луканге уже вечером. Жанлун, чарующая и туманная столица Кекона, лежал у теплых вод изгиба на восточном побережье, а Луканг на юге был выбелен солнцем и ветрами и славился ясным небом и непритязательным рабочим характером. Жанлунцы считали южан простаками и высмеивали их медлительный говор, но Луканг незаметно вырос в мегаполис с фабриками и телекоммуникационными компаниями, теснящимися вокруг оживленного порта.

На станции Шаэ и ее помощника дожидалась арендованная машина с водителем. Их отвезли прямо на место встречи на территории Единства шести рук. Луканг контролировали три клана. И у Горных, и у Равнинных были здесь люди и предприятия, но главным кланом региона оставалось Единство шести рук. Больше десяти лет клан состоял в союзе с Горными, хотя и не слишком сближаясь с ними, и платил дань в обмен на доступ к обширным ресурсам, в том числе связям в правительстве, хотя и действовал независимо.

Шаэ надеялась это изменить.

На входе в ресторан и хоцзи-бар «Унто и сыновья» их встретили Цзио Васушин, Колосс Единства шести рук, и еще двое.

– Коул-цзен, – сказал Цзио, уважительно поклонившись. – Ваш визит – это честь для меня.

– Я рада, что приехала, Цзио-цзен, – сказала Шаэ с ответным поклоном.

Цзио Васу обладал крепкими мускулами Зеленой кости, хотя уже начал стареть. Он носил нефрит на серебряной цепочке на шее, но на макушке просвечивали залысины, а в талии появился лишний жирок. Шаэ видела его рядом с Айт Мадой на заседаниях Кеконского нефритового альянса и заметила, что он предпочитает больше наблюдать и слушать, чем говорить.

Цзио представил ей двух своих спутников:

– Моего Шелеста, Тина Рету, вы уже знаете. – Шаэ кивнула Тину. После краткого разговора в лифте они тайно связывались несколько раз. Цзио представил третьего человека, который был заметно моложе. – Мой Штырь и племянник Цзио Сому.

Шаэ и Луто вежливо, но быстро провели в приватный зал ресторана, где на длинных полках вдоль стен стояли бутылки отличного хоцзи разного происхождения и возраста. Ресторан еще не открылся для посетителей, и Чутье подсказало Шаэ, что больше в здании никого нет. Деревянные ставни были закрыты, мешая насладиться великолепным видом на Амарический океан за длинным волноломом.

– Встань снаружи и гляди в оба, – велел Цзио Васу племяннику. Штырь кивнул и ушел. – Прошу простить, что не принимаю вас в Луканге как полагается, – сказал Цзио, повернувшись к Шаэ, – но вы, естественно, понимаете необходимость хранить наш разговор в тайне.

– Безусловно, Цзио-цзен.

Шаэ села за стол, на котором стоял чайник с чаем и разные закуски. Луто поставил свой стул за ее спиной и чуть слева. Тин Рету разлил чай, протянув первую чашку Шаэ. Она из вежливости попробовала жареных орехов и маринованных овощей, но больше всего ей хотелось поскорее перейти к разговору, аппетита у нее не было.

Цзио и Тин, похоже, были настроены аналогично. После вежливой болтовни о погоде на севере и юге и взаимных вопросов о здоровье родных Колосс Единства шести рук подался вперед и медленно, как все южане, произнес:

– Коул-цзен, спасибо за то, что нашли время приехать в Луканг. Наш город не так велик, как Жанлун, и порой люди не понимают, как много он может предложить.

– Я была бы плохим Шелестом, если бы не знала, что сегодня ваш город растет даже быстрее Жанлуна.

– Клан Единство шести рук заключил союз с Горными еще во времена Айта Югонтина, – продолжил Цзио, – но в последнее время мы столкнулись с... – Он переглянулся со своим Шелестом. – Столкнулись с определенными трудностями, в результате чего я задумался о перспективах моего клана.

Шаэ надеялась, что ее Тень внимательно слушает. Она привыкла ощущать за своей спиной ободряющую ауру Вуна и сожалела, что не может на нее положиться в таких важных переговорах. Она тоже наклонилась вперед.

– О каких трудностях идет речь, Цзио-цзен? – спросила она.

– Луканг растет, но это означает и новые проблемы, характерные для больших городов. Наш порт – ближайший к островам Увива, и у нас всегда имелись проблемы с контрабандой нефрита и нелегального СН-1, однако теперь положение ухудшилось. Здесь осели многие беженцы из Оортоко, приехавшие на Кекон за последние годы с помощью Горного клана. Некоторые оказались достойными гражданами, но другие – баруканы, которые торгуют «снятием» и совершают многочисленные преступления. Единство шести рук – небольшой клан. У нас недостаточно Зеленых костей, чтобы приструнить баруканов. Мы попросили Горных прислать больше Кулаков и Пальцев, но у них в приоритете Жанлун. – Цзио начал разговор в медленном темпе, но теперь ускорился. – Баруканы из Матиос, крупнейшей бандитской группировки Шотара, работают на Айт Маду. Они отвозят в Жанлун нефрит, поступающий в Луканг. Поэтому на прочую их деятельность Горные смотрят сквозь пальцы.

– Нефрит поступает в Луканг? – опешила Шаэ. – Откуда? С рудников?

Насколько она знала, вблизи Луканга не было ни одной контролируемой КНА нефритовой фабрики.

Цзио снова посмотрел на своего Шелеста. По их нефритовым аурам пробежала рябь напряжения. Шаэ поняла, что лидеры Единства шести рук долго спорили о том, делиться ли с ней информацией.

– Поначалу мы и сами удивились, – сказал Цзио. – Обычно нас беспокоит нефрит, утекающий в противоположном направлении, который вывозят из страны контрабандой. Это по-прежнему происходит, но существует и обратный поток – нефрит привозят морем или самолетом с островов Увива.

– Зачем же... – начала Шаэ. Она хотела спросить: «Зачем же ввозить нефрит на Кекон – в страну, где его добывают?», но тут ее осенило.

Четыре года назад, после того как Равнинные убили увивского контрабандиста Запуньо, Айт заключила союз с кеконо-шотарскими наемниками, охранявшими Запуньо. Барукан по имени Йило, выходец из банды Матиос, давно служивший у Запуньо, убил сыновей бывшего шефа, захватил его имущество на островах Увива и возглавил Ти Пасуйгу, крупнейшую группировку контрабандистов нефрита и «сияния» в регионе, и теперь руководил ею с такой же безжалостностью, как и предшественник. Клань по большей части пресекли воровство нефрита из отвалов кеконских рудников, но некоторое количество необработанного и резного нефрита неизбежно утекало в руки преступников.

И, по словам Цзио, Горные покупают этот нефрит.

Чтобы укрепить союз с Йило и баруканами из Матиос, Айт шепнула имя бывшего канцлера Королевского совета Сона Томаро, обеспечив поддержку закона, позволяющего беженцам из Оортоко, включая баруканов с нефритом, которых финансировал Горный клан, иммигрировать на Кекон, где Айт тут же обеспечивала их работой. Выкупая обратно необработанный нефрит с островов Увива через порт Луканга и помещая его в свои хранилища, клан улучшал собственное положение на неустойчивых финансовых рынках, ограничивая поставки и вздувая цены на нелегальный нефрит. В условиях высоких цен неофициальные продажи нефрита в Югутан, Восточное Оортоко и другие страны приносили Горным гораздо больше прибыли. Шаэ не сомневалась, что Айт берет свою долю у Ти Пасуйги и от торговли «сиянием», и с продажи других товаров на черном рынке.

Айт Мада всегда считала, что контролировать мировые поставки нефрита должен один клан, и теперь нашла способ подмять под себя большую часть черного рынка нефрита, создав картель, похожий на теневой КНА, но с единственным кланом во главе.

Стоя над телом Фуиня, лежащим на столе «Двойной удачи», Хило вопрошал: «Как Горным удастся переманить наших бизнесменов пониженной данью, которую они не могут себе позволить?» Теперь Шаэ знала ответ. Ключ к сокровищнице Айт Мады лежал в Луканге.

Сердце Шаэ заколотилось. Она постаралась успокоиться, не желая, чтобы собеседники Почуяли, насколько ей важно их переманить. Несомненно, Айт считала преступность и беспорядки в Луканге малой ценой за то, что банды баруканов помогают ей контролировать треугольник нелегального нефрита, который образовался между Кеконом, островами Увива и Югутаном. Если Равнинные вместе с Единством шести рук захватят прибывающий в порт нефрит, они лишат Горных запасов и вобьют клин между Айт и Йило.

– Цзио-цзен, – спокойно произнесла Шаэ, – я знаю, что Горные сотрудничают с баруканами, но до сих пор не осознавала, насколько далеко это зашло и какой ущерб причиняет вашему городу.

Цзио нервно вздохнул:

– Горные никогда не беспокоились о Луканге так, как Единство шести рук. Я хочу, чтобы наши Фонарщики могли выйти на международную арену. Именно там сейчас лежат все возможности. И нам нужно привлечь в город иностранные инвестиции и международный

туризм. Даже мои сыновья хотят поехать учиться в эспенский колледж. – Колосс вопросительно посмотрел на Шаэ. – Насколько я понимаю, Равнинный клан имеет перед Горными преимущество в этих сферах.

Шаэ кивнула, едва сдерживая радость.

– Вы правильно поняли, Цзио-цзен. У нас больше активов и союзников в Эспении, чем у любого другого клана. Если Единство шести рук принесет нам клятву и будет платить дань, Равнинные с радостью предложат вам дружбу и поддержку всеми возможными способами. – Она слишком поздно пожалела о том, что из гордости не пригласила с собой Хило, его прирожденная способность убеждать очень бы сейчас пригодилась. – Как Шелест клана, я говорю от имени моего брата, Колосса, а он, как известно, всегда держит слово.

Теперь в помещении воцарилось напряженное ожидание. Цзио прекрасно понимал, что вот-вот примет бесповоротное решение. Сменив союзника ради лучшего будущего для своего клана и города, он наживет себе врага в лице Айт Мады, чего не пожелал бы ни один человек в здравом уме.

– Дружба Равнинного клана дорогого стоит, – признал он. – По сравнению с вами мы маленький клан, у нас не так много Кулаков и Пальцев, но те, что есть, зелены до мозга костей. Мы контролируем город, его окрестности и прибыльные предприятия в нескольких отраслях. Тин-цзен может рассказать вам все в подробностях.

При упоминании своего имени Шелест Единства шести рук тут же открыл портфель. Он вытащил оттуда толстый коричневый конверт без надписей и положил его на стол перед Шаэ. Внутри лежали бумаги об операциях клана: недавние финансовые отчеты Фонарщиков и собственных предприятий, список руководства клана, численность Зеленых костей по его началом и другие значимые активы клана, такие как союзы с еще более мелкими кланами и ценные политические связи.

Конечно, Вун и Луто уже получили все возможные сведения о Единстве шести рук из собственных источников, и вряд ли что-либо в документах Тина могло удивить Шаэ, но этот жест был знаком доверия и дальнейших намерений. Шаэ не ждала, что Цзио и Тин будут абсолютно честны – мелкие кланы могут преуменьшать доходы, чтобы платить меньше дани, или, наоборот, преувеличивать свои активы и число бойцов, чтобы выглядеть привлекательнее для союза. Шаэ решила предоставить Луто разбираться с деталями и просмотреть счета на предмет любых несоответствий, но самое главное – Колосс Единства шести рук был готов переметнуться, а значит, Луканг перейдет под влияние Равнинных.

Шаэ взяла конверт и сунула его в сумочку.

– Я верю вашему слову. Вы пошли на риск ради клана и города. Заверяю вас, что Равнинные верны своим друзьям и в Луканге у нас тоже есть рычаги влияния.

Она протянула руку в сторону Луто, и тот немедленно отдал ей собственный немаркированный конверт. Шаэ положила его перед Цзио и Тином. В конверте лежал проект договора о покровительстве, включая число бойцов, которых Цзуэн Нью, Штырь Равнинных, согласился отправить в Луканг для защиты Единства шести рук от возможной мести со стороны Горных (ни один клан-данник не поменял бы союзника, если бы не рассчитывал на защиту), а также примерный размер дани, который еще будет уточнен после тщательного анализа финансовой отчетности Единства шести рук.

– Я привел цифры, базируясь на прошлогодних данных, так что они оценочные. В течение недели могу предоставить обновленную отчетность, – заверил Луто. – С разрешения Шелеста, разумеется, – поспешно добавил он, смутившись. Шаэ не давала своему помощнику слова, но простила его энтузиазм. Молодой человек буквально вибрировал от предвкушения. Именно в таком важном событии Луто мечтал поучаствовать, когда стал Тенью Шелеста. О союзе не будет объявлено официально, пока обе стороны не согласуют детали, а Цзио не принесет клятву

перед Коулом Хило в Жанлуне, но кланы согласовали намерения. Это была большая победа Равнинных. Теперь все шестеренки быстро закрутятся.

Цзио взял конверт и собрался что-то сказать, но в этот момент Шаэ Почуяла какой-то всплеск энергии на улице. К зданию приближались Зеленые кости, и быстро. Как минимум шесть человек. Она резко выпрямилась и посмотрела на Цзио Васу:

– Это ваши люди?

Луто, не носивший нефрит, и Тин, явно обладавший слабым Чутьем, в смятении посмотрели на Цзио и Шаэ. Цзио встал, и на его лице, как и в ауре, вспыхнула тревога.

– Нет, – сказал он. – Это невозможно. Никто не знает о нашей встрече. Где...

Дверь распахнулась. На пороге стоял Цзио Сому, Штырь Единства шести рук. А рядом с ним – высокий и уже немолодой человек, в котором Шаэ тут же узнала Нау Суэнцзена – Штыря Горных.

Рука Шаэ потянулась к боевому ножу на спине под жакетом, но Цзио Васу встал и замер, потрясенно глядя на племянника. Молодой человек вспотел, но на его лице была написана непреклонность, а нефритовая аура полыхала мрачной решимостью.

– Прости, дядя, – сказал он. – Ты не оставил мне другого выхода.

Нау Суэн шагнул в зал, и с ним вошли еще четверо Зеленых костей из Горного клана, рассыпавшись по сторонам. Шаэ Почуяла, что в здании есть и другие – у главного и заднего входа. Она попятилась и потянула Луто за собой, прижавшись спиной к стене. Ее помощник вытаращил глаза и молчал, она Чуяла, как в нем разливается страх. Шаэ крепко держала нож, но кровь стучала у нее в ушах, а в голове лихорадочно роились мысли. Она пыталась найти пути к отступлению и не находила ни одного. В ресторане были крепкие деревянные стены, а окна слишком малы, никакие Сила и Броня не помогут проломиться через них.

Цзио Васу не сводил глаз с племянника.

– Ты нас предал, – потрясенно прошептал он.

– Как иронично звучит это обвинение из уст Колосса, который только что нарушил клятву данника и переметнулся к Равнинным, – сказал Нау Суэн, обшаривая зал холодным немигающим взглядом и останавливаясь на каждом из присутствующих. Кожа Шаэ покрылась мурашками, когда он почти сердечно кивнул ей, а потом снова повернулся к Цзио Васу: – Вам следует знать, Цзио-цзен, что ваш племянник рассказал мне о готовящемся предательстве и сообщил дату и место встречи при условии, что вас пощадят.

– Горные и так очень скоро обо всем узнали бы, – обратился к дяде Цзио Сому, словно пытаясь убедить его в своей правоте. – И тогда нам пришлось бы сражаться за собственную жизнь. С чего ты решил, что с Равнинными нам будет лучше? Лучше оставить все как есть. Мы не хотим, чтобы Луканг превратился в Жанлун.

– Что тебе за это предложили, Сому? – откровенно спросил Цзио Васу.

– Естественно, когда вы отправитесь в изгнание, – ответил за молодого Штыря Нау, – Цзио Сому станет Колоссом Единства шести рук, и клан продолжит управлять Лукангом и платить дань Горному клану.

Тин Рету яростно фыркнул:

– Сому, шелудивый ты пес...

Он с криком бросился на Цзио-младшего, пытаясь вцепиться ему в глотку. Два бойца Нау Суэна мгновенно схватили его. А третий приставил к его груди боевой нож. Шаэ увидела, как белое металлическое острие вышло из левого бока Тина, и в тот же миг Почуяла конвульсии его сердца, отозвавшиеся в ее голове словно вопль.

Цзио Васу взревел и выхватил маленький пистолет из скрытой под пиджаком кобуры. Но прежде, чем он успел прицелиться, люди Нау Суэна в унисон выстрелили. Цзио послал яростную волну Отражения и прикрылся Броней, которая вряд ли защитила бы его на таком

близком расстоянии от огнестрельного оружия. Пули разлетелись во все стороны. С полок посыпались разбитые бутылки хоцзи, по всему залу брызнуло стекло.

Шаэ свернула плотный вертикальный клин Отражения и выпустила в узкий промежуток между двумя бойцами Горных. Те покачнулись и отпрянули. Тело Шаэ наполнилось отчаянной Силой и Легкостью. По-прежнему держа Луто за руку, она прыгнула в образовавшуюся щель, но покачнулась под весом Луто, который тянул ее вниз. Она повернулась и увидела, как Луто рухнул на пол с окровавленным горлом.

В неразберихе Шаэ едва осознала, что произошло. Внезапно ее правая нога подогнулась, а бедро вспорола ужасающая боль, разливаясь по ноге и паху. В панике она включила Броню и попыталась встать. Нау Суэн выбросил точную и мощную волну Отражения, которая ударила Шаэ по груди, словно совковой лопатой. Шаэ врезалась в стену и обмякла.

Стрельба прекратилась, но Шаэ ничего не слышала, как будто находилась под водой. Цзио Васу распростерся на полу рядом со своим Шелестом, его тело было изрешечено пулями. Предатель Цзио Сому смотрел на труп дяди с гримасой ужаса. Хотя не он спустил курок, с этой минуты именно его будут называть убийцей Колосса и собственного дяди.

Он сжал ладони в кулаки. Его губы с дрожью зашевелились:

– Лучше бы ты меня послушал, старик.

Две Зеленые кости вытолкали Цзио Сому из зала.

Шаэ снова посмотрела на Луто, своего юного помощника, занимавшего должность главы ее администрации всего полгода. Безжизненные глаза Луто были широко открыты, он смотрел в потолок, словно удивляясь произошедшему.

Нау Суэн перешагнул через расплывающуюся лужицу крови и подошел к Шаэ:

– Коул-цзен.

– Вы обещали племяннику, что оставите их в живых, – сказала Шаэ, стиснув зубы.

– Они напали первыми, – возразил Нау. – Это пойдет на пользу новому Колоссу. Его дядя мог вернуться и отомстить. А как ваш Колосс поступил бы с теми, кто предал клан?

Шаэ нигде не могла найти свой нож. Наверное, он выпал, когда ее подстрелили и она отлетела к стене. Голова у нее слегка кружилась, и слова Нау доносились как будто издалека. Она крепко зажимала рукой рану на бедре, и кровь текла сквозь пальцы, промочив юбку. Нога невыносимо болела. Тонкий каблук правой туфли сломался, но, не считая пулевого отверстия, ее чулки были целы. Два Кулака Горных за спиной Нау снимали нефрит с Цзио и Тина.

Нау присел рядом с ней. Шаэ пыталась сфокусировать зрение и ответить на пронизывающий взгляд Штыря Горных.

– Вы же понимаете, Нау-цзен, – сказала она, облизав внезапно пересохшие губы, и язвительно улыбнулась, – что мою смерть не удастся выдать за сердечный приступ.

Штырь посмотрел на нее с любопытством и без тени улыбки.

– Если вы здесь умрете, Коул Хилошудон выйдет из леса, и наши кланы уже завтра утром развяжут войну на улицах города. Айт-цзен послала меня в Луканг не для этого. Я приехал сюда, чтобы наказать предателя и оставить Луканг под влиянием Горных. Пистолеты – грязное и нелепое оружие, повсюду металлическая шрапнель. – Его взгляд опустился с лица Шаэ к ее ноге. – Пуля едва не задела бедренную артерию. Вам повезло.

Шаэ мотнула головой на тело Луто:

– Про него так не скажешь.

– Вы привели человека без нефрита на встречу Зеленых костей, – сказал Нау, даже не взглянув на труп. – Это беспечность. Как отпустить ребенка играть посреди улицы с оживленным движением.

В голове у Шаэ вскипали ненависть и угрызения совести. Она пыталась сообразить, где может быть ее нож и сумеет ли она добраться до Нау.

– Можете попытаться, – сказал Штырь, словно она говорила вслух. – В следующем году я уйду в отставку. Я долго служил Айт, но Штырем должен быть кто-нибудь помоложе.

Нау обернулся и быстро отдал приказы своим людям – велел вывести из ресторана Цзио Сому, ради его же блага, и отдать тела Цзио Васу и Тина Рету, уже без нефрита, их семьям. Зеленые кости немедленно бросились выполнять указания.

Нау взял со стола три льняные салфетки и крепко связал их вместе. Потом обернул вокруг бедра Шаэ над раной и затянул так резко, что она охнула от боли. Затем он всунул в узел пару деревянных палочек для еды и несколько раз перекрутил их, сжимая шину с будничной ловкостью опытного полевого врача. Нау было около шестидесяти. Подростком он сражался в Сопротивлении во время шотарской оккупации, был товарищем Айта Ю и дедушки Шаэ. Несмотря на невысказанно высокий уровень Чутья, он не попытался применить медицинскую Концентрацию. Возможно, он умел использовать нефритовые способности, только чтобы отнимать жизнь, а не сохранять.

– Передайте своему Колоссу, – сказала Шаэ, стиснув кулаки в складках юбки, чтобы отвлечься от боли и растекающегося по ноге онемения, – что ей не победить. Я знаю, как она действует, и собираюсь ее остановить.

Нау Суэн выпрямился и опустил взгляд на Шаэ, которая лежала у стены и тяжело дышала. Вытирая с рук кровь чистым уголком скатерти, он медленно заговорил:

– Когда Айт Югонтин, да узнают его боги, лежал на смертном одре, его сын и Штырь, а также еще несколько близких советчиков обсуждали, не разделить ли Горный клан. После смерти Копья Кекона, говорили они, клан потеряет легендарного лидера-воина, свою душу и сердце. Для всех будет лучше, если каждый пойдет своим путем и разные фракции создадут свои мелкие кланы, не пытаясь жить в тени великого Колосса. Я там присутствовал и помню тот разговор. Айт Мада в то время была Шелестом. Она редко говорила о своей родной семье, но вдруг сказала, что помнит, как родители ссорились. Однажды вечером отец выбежал из дома, сестра и брат удрали к своим друзьям, а она сама, восьмилетняя, пошла к реке. Когда посыпались шотарские бомбы и их деревню поглотила земля, все остальные члены семьи погибли в одиночестве.

Нау съел две четвертинки нарезанных слив и горсть жареных орехов, оставшихся нетронутыми на забрызганном кровью столе.

– Мада-цзен сказала советникам Ю, что Колоссом после смерти ее отца должна стать самая сильная Зеленая кость. Она предложила всем сражаться за лидерство на поединках. А потом улыбнулась и высмеяла эту идею. Дескать, женщины не дерутся на дуэлях с мужчинами. У меня было лучшее Чутье из всех собравшихся, и только я понял, что смеяться не стоит. Айт Мада убила всех этих мужчин, чтобы не позволить им развалить Горный клан.

На пути к выходу Штырь Горных подобрал неразбившуюся бутылку выдержанного хоцзи с полки. Он обернулся через плечо и снова посмотрел на Шаэ пронизывающим взглядом, с толикой холодного сочувствия.

– Я хорошо с ней знаком уже двадцать пять лет. Конечно, у вас нет другого выхода, только сражаться. Но вам не победить.

Под ботинками Нау хрустнуло разбитое стекло, и он вышел.

Глава 11

Вялотекущая война

Шаэ ползла по ресторану «Унто и сыновья», пока не нашла за стойкой бара телефон. Она позвонила по первому пришедшему в голову номеру. Включился автоответчик Вуна – рабочий день уже закончился. Тогда она позвонила Вуну домой. После двух гудков трубку взяла его жена.

– Папи дома? – спросила Шаэ. – То есть Вун... Он дома?

– Кто его спрашивает? – немедленно насторожилась Кийя.

– Коул Шаэ, Шелест, – ответила она, лежа на полу бара и стиснув зубы от боли. – Мне нужно поговорить с вашим мужем, он...

Прежде чем она успела закончить фразу, на том конце линии раздался шорох, как будто телефонный аппарат куда-то несли, а затем послышался встревоженный голос Вуна:

– Шаэ-цзен? Что случилось?

Через десять минут после разговора с Вуном приехала «Скорая помощь», а еще через несколько секунд – машина с Зелеными костями Равнинных. Шаэ узнала одного из Кулаков, жанлунского юношу с кудрявыми волосами, его звали Лотт. Вероятно, его временно отправили в Луканг.

– Мы проводим вас до больницы, Коул-цзен, – сказал Лотт, провозжая фельдшеров, которые уносили Шаэ.

– Колосс и Шелест Единства шести рук погибли, – сообщила она, схватив Кулака за руку, прежде чем ее внесли в карету «Скорой помощи». – Горным их выдал собственный Штырь. Нужно усилить охрану на наших территориях, прежде чем об этом станет известно, и захватить в Луканге как можно больше, пока это не сделали Горные.

Лотт выставил охрану перед палатой Шаэ в больнице. Вун зафрахтовал маленький самолет и через два часа уже был у ее постели. С ним вместе прилетели Цзуэн Нью и десяток бойцов клана. Сидя в постели с забинтованной и подвязанной к раме ногой, Шаэ рассказала о схеме Горных – как они выкупают нефрит с черного рынка в Луканге – и отдала Штырю конверт из своей сумки с информацией о людях и активах Единства шести рук. Теперь было неясно, кому все это принадлежит.

Когда сгустились сумерки, в клане Единство шести рук началась кровавая борьба за власть, а Луканг стал полем боя.

Спала Шаэ урывками, а Вун все время был рядом или выходил позвонить в коридор. Периодически в больницу заходили Йин Ро или Лотт Цзин и докладывали, что происходит в городе.

– Стыдно сказать, но убийца Цзио Сому с поддержкой Горных получил почти две трети клана, хотя многие Фонарщики перешли к нам в надежде на помощь и возмездие, – вскоре после рассвета сообщила Йин. Ее короткие жесткие волосы были взерошены, а аура полыхала от адреналина и нового нефрита. По слухам, невесту Тара хотели повесить до Первого Кулака, она стала бы первой женщиной такого высокого ранга в боевой части клана. – Плохая новость в том, что Горные приехали сюда раньше нас и на их стороне местные банды баруканов. Поэтому они сумели нас опередить и до сих пор контролируют большую часть бывшей территории Единства шести рук.

– Мы не сможем победить в уличных боях за местный бизнес, – сказал Вун, расхаживая у кровати Шаэ. – Судя по тому, что нам известно, важнее всего захватить контроль над лукангским портом и уничтожить баруканов, которые перевозят нефрит для Горных.

– Этим мы и занимаемся, – сердито отозвалась Йин. Кулакам никогда не нравилось получать приказы от людей в деловых костюмах. – Именно в районе порта идут самые ожесточенные схватки. Цзуэн-цзен призвал из Жанлуна еще пятнадцать Зеленых костей, но больше мы не можем сюда направить, не рискуя оставить важные территории в столице без присмотра. Нам повезет, если мы сохраним то, что уже захватили. Разве что у Шелеста есть на уме что-то еще? Она подняла брови, вопросительно глядя на Вуна и Шаэ, а потом снова вышла.

* * *

Через двадцать четыре часа Шаэ выписали из больницы, и в час ночи она вернулась домой в Жанлун. Вун открыл дверь ее дома, вернулся к машине и осторожно перенес Шаэ. Боль в ноге утихла, но Шаэ чувствовала слабость и была вялой из-за болеутоляющих. Она обняла Вуна за шею и положила голову ему на плечо, пока он нес ее в дом. Они уже несколько месяцев не находились так близко друг от друга, знакомый, устойчивый гул его нефритовой ауры и крепкие мускулы успокаивали. Когда Вун положил Шаэ на диван в гостиной, она отпустила его с неохотой, и ей тут же стало холодно.

Вун принес подушки и одеяло из спальни и положил их Шаэ под голову и под раненую ногу, чтобы ей было удобней. Пока она не сумеет самостоятельно подниматься по лестнице, придется спать на первом этаже, откуда можно легко добраться до кухни и ванной.

Вун сел на пол рядом с диваном и положил голову на руку, рядом с подушкой. После двух дней почти без сна он вымотался. Шаэ осторожно протянула руку к его плечу.

– Спасибо, – прошептала она. – Еще раз спасибо.

Вун накрыл ее ладонь своей. Потом со вздохом повернул голову и поднес ее руку к щеке, прижавшись лицом к открытой ладони. Пальцы Шаэ затрепетали на его коже. Несмотря на все случившееся за последние тридцать шесть часов, в ней разгоралось желание, такое сильное, что казалось почти материальным, тянущим, как крючок где-то внутри. Низкий гул нефритовой ауры Вуна усилился, он посмотрел на Шаэ с неммым вопросом в глазах. Когда она выпрямилась и притянула Вуна к себе, он сдался без сопротивления.

Они поцеловались и не могли оторваться друг от друга. Зрение Шаэ затуманилось, она забыла о ране и усталости. Губы Вуна двигались медленно и жадно. Он поднялся на колени и склонился над ней, поддерживая ее голову одной рукой, а другой гладил шею и грудь. Шаэ выгнула спину, устремившись к нему. Не прекращая поцелуй, Вун расстегнул верхние пуговицы ее блузки. Почти боязливо, словно входил в опасные воды, он прикоснулся к ее лифчику и, закрыв глаза, провел теплыми пальцами по отвердевшим соскам, проступившим сквозь ткань.

Вун со стоном убрал руки и лег рядом, зарывшись лбом в диванные подушки. Шаэ еще обнимала его, но через секунду выпустила.

– Бесполезно, – приглушенно прошептал он. – Я ничего не могу поделать. Я тебя люблю. Шаэ дотронулась до его руки:

– Я не имею права ни о чем тебя просить. И не стану.

В дом вошел Хило. Шаэ и Вун не замечали ничего, кроме друг друга, и не Почувляли приближение Колосса, прежде чем он не появился на пороге гостиной, бесстрастно смотря на них.

Вун поспешно вскочил на ноги и несколько раз моргнул, прежде чем поднес ладони ко лбу в приветствии.

– Коул-цзен.

Он откашлялся.

– Возвращайся домой к жене, Вун, – приказал Хило.

Вун вздрогнул, словно Колосс его ударил. Его лицо стало пунцовым – таким Шаэ никогда его не видела. Казалось, он борется с желанием объясниться, но потом с видимым усилием вернул себе обычное хладнокровие. Вун резко кивнул и вышел мимо Хило к машине.

Лицо Шаэ горело, и она повернулась, чтобы застегнуть блузку. Потом со злостью выпрямилась и села.

– С какой стати ты врываешься и почему так с ним обошелся?

– Ты думаешь, что хорошо с ним поступаешь? – без каких-либо сожалений ответил Хило. – Хочешь разбить ему сердце и разрушить жизнь?

– Конечно, нет, – промямлила Шаэ.

Хило прищурился и наклонился над ней:

– Да что с тобой, Шаэ? Ты любишь его или нет? Если любишь, то скажи, чтобы он ушел от жены. А если нет, то уволь его или переведи подальше от Жанлуна. Разве я не говорил тебе все это много лет назад? Почему ты только сейчас на что-то решилась?

Шаэ открыла рот, в голове вертелся десяток ответов – автоматических возражений, которые выработались за годы жизни с Хило. «Не лезь в мою жизнь». «Ты ничего не знаешь». «Это тебя не касается».

Но, конечно, все это не годилось. Хило был Колоссом, и все, что могло повлиять на клан, его касалось, включая потенциально разрушительные отношения между Шелестом и Хранителем печати.

Шаэ закрыла рот, проглотив глупые, ребяческие слова, которые хотела произнести. Вместо этого она опустила голову и потерла глаза ладонями.

– Не сейчас, Хило, пожалуйста. Я устала терять людей.

Нефритовая аура ее брата неожиданно дрогнула. Он остыл и ничего не ответил. Шаэ убрала ладони с лица и указала на баночку с таблетками на столике:

– Принеси мне болеутоляющие и стакан воды.

Хило повиновался. Когда Шаэ приняла лекарство, он сел на край кофейного столика и взял у нее из рук стакан. Шаэ смотрела, как в окнах отражаются их силуэты – ее и брата. Снаружи стояла безлунная ночь, поместье Коулов притихло. Трудно было поверить, что в эту минуту бойцы клана яростно сражаются на другом конце страны.

– Печальная новость о твоём помощнике Луто, – сказал наконец Хило уже другим тоном. – Да узнают его боги.

– Да узнают его боги, – повторила Шаэ. – Он был совсем молод и умен, впереди лежала вся жизнь. Он даже не был Зеленой костью и не должен был умереть. Какая бессмысленная смерть.

Хило посмотрел на нее сурово, но все же с сочувствием.

– Если бы тебе в шею угодила пуля, ты хотела бы, чтобы я назвал твою смерть бессмысленной? Луто не был Зеленым, но отдал жизнь за клан, как любой Кулак или Палец.

– Кулаки и Пальцы носят нефрит и дают клятвы. Они знают, что им придется сражаться.

– Сейчас повсюду одни сражения, – мрачно сказал Хило. – За каждое предприятие, каждый город, в каждой газетной статье или на пресс-конференции, за каждый голос в Королевском совете, будь он проклят. – Знакомая ярость в голосе Хило была приправлена холодной решимостью. – Наверное, таков порядок вещей, по мнению Старого дядюшки. Раньше мы могли рассчитывать на привычный жизненный уклад. А теперь все смешалось. Каждый человек в клане – участник сражения.

Шаэ гадала, не задумался ли он о Вен. Теперь Шаэ сомневалась, что по-прежнему может угадать, о чем он думает. За два последних года они редко говорили о чем-либо, кроме проблем клана. Она вспомнила, как Хило когда-то раздражал ее своей агрессивной напористостью и откровенностью, как обхватывал ее руками, подтрунивал над ней и подзуживал. Глядя на

нынешнего Хило, который сидел на столе, уперевшись локтями в колени, ей хотелось вернуть прежнего, вечно ухмыляющегося, высокомерного брата, который всегда был уверен в себе.

– Мы годами пытались сломить Горных и отправить Айт Маду в могилу, – сказал Хило. – И вот к чему пришли – эта сучка по-прежнему во главе клана, по-прежнему пытается нас достать. Нам не победить в Луканге. Мы заберем какую-то часть, возможно немалую, но если этот город – ключ к ее союзу с баруканами и к контролю над черным рынком, она не позволит Единству шести рук переметнуться к другому клану.

Шаэ вспомнила слова Нау, произнесенные с абсолютной уверенностью.

– Да, не позволит, – согласилась Шаэ. – Но теперь я наконец-то знаю, что делать, как выбить из рук Айт все козыри. Вчера в больнице мы с Вуном придумали план.

Рассказ Шаэ о деталях плана произвел на Хило впечатление, но все же он сказал:

– Айт и ее Шелест рано или поздно найдут способ обойти эти препятствия.

– Да, – признала Шаэ, – но это сильно затормозит и затруднит действия, так что они не смогут перекупать наших Фонарщиков.

– Цзуэн не остановится до тех пор, пока не захватит в Луканге по максимуму, а потом отправит баруканов, которые работали на Горных, в тюрьму или в могилу.

Шаэ кивнула и подложила еще одну подушку под раненую ногу, чтобы облегчить стреляющую боль.

– Может, мы и потеряли шанс заполучить Единство шести рук в качестве клана-данника, но еще сумеем одержать победу.

На минуту Хило умолк.

– Ты хороший Шелест, Шаэ.

Его голос звучал гордо, хотя и с толикой горечи.

Шаэ снова положила голову на подушки и закрыла глаза – ее наконец одолела усталость.

– А ты – хороший Колосс военного времени, Хило, – пробормотала она. – А мы ведем войну. Собственную вялотекущую войну.

Она уже почти спала, и Хило поправил одеяло.

– Я попросил Энди зайти и заняться твоей ногой, – сказал он. – Кто знает, достаточно ли компетентны доктора в Луканге.

Шаэ почувствовала прикосновение его губ к своему лбу и мгновением спустя услышала, как закрылась дверь.

* * *

Через два дня Шаэ приковыляла в офис на костылях. Она заметила на улицах Жанлуна больше Кулаков и Пальцев клана, напряженных и готовых к бою, но в остальном город выглядел как обычно. Установилась хорошая погода, повсюду горели красные фонари Осеннего фестиваля, а рекламные вывески объявляли о сезонных распродажах. В нескольких сотнях километров отсюда, в Луканге, продолжались схватки, но жанлунцы относились к новостям как к чужим проблемам, вызванным расколом в мелком клане Единство шести рук. По молчаливому взаимному соглашению ни Горные, ни Равнинные не пытались изменить эту точку зрения. Горные со своими союзниками по-прежнему контролировали большую часть Луканга, но Равнинные и отделившаяся фракция Единства шести рук успешно вытеснили банды баруканов из ценных портовых районов.

Покойного Цзио Васу беспокоило, что Луканг растет, а рост означает проблемы, характерные для больших городов. Война кланов – и впрямь проблема большого города. Предатель Цзио Сому скрылся, чтобы избежать мести собственных родственников, жаждущих его смерти.

Шаэ прошла мимо кабинета Луто и постояла перед ним на костылях несколько минут, мучаясь от угрызений совести. Только теперь, когда молодой человек погиб, она почувство-

вала, что кабинет по праву принадлежал ему. Она медленно дошла до собственного кабинета и велела секретарше подобрать резюме кандидатов на пост своего заместителя.

В полдень Шаэ включила телевизор в кабинете, чтобы посмотреть, как Вун Папи объявляет на пресс-конференции об отношении Равнинного клана к торговому эмбарго островов Увива.

– Вчера Королевский совет провел важный и необходимый закон для обеспечения национальной безопасности и борьбы с преступностью в наших городах, – провозгласил Хранитель печати, как обычно, хладнокровным и уверенным тоном. Присутствующие репортеры восприняли его слова спокойно, хотя все прекрасно знали, что за эмбарго стоит Равнинный клан. В то утро, когда Шаэ вернулась в Жанлун, Коул Хило и Вун Папи отправились в Зал мудрости и созвали всех лояльных клану членов правительства на совещание. Через сутки государственный законодательный орган принял нужный закон.

– Острова Увива – первая остановка контрабандистов, вывозящих с Кекона нелегальный нефрит, и крупнейший в мире производитель нелегального СН-1, – говорил Вун с экрана.

Он привел тревожную статистику по продажам нелегального нефрита, наркомании, секс-туризму и уличной преступности, а потом ловко связал гражданскую войну в клане Единство шести рук и вспышку насилия на улицах Луканга с развращающим иностранным влиянием. Вун был в костюме серо-стального цвета и голубом галстуке. На его запястье поблескивал нефрит. Он выглядел таким невозмутимым и таким привлекательным.

– Равнинный клан, безусловно, поддерживает предложенное торговое эмбарго, и Колосс призывает всех членов клана и кеконских граждан сделать то же самое, – подытожил Хранитель печати. – Мы предлагаем другим кланам Зеленых костей присоединиться к нам и поддержать правительство. Разумеется, мы всеми силами будем помогать правительству в его действиях.

Объясняя свою стратегию брату, Шаэ сказала:

– В условиях эмбарго между Кеконем и Увивами не смогут перемещаться ни товары, ни деньги, ни нефрит. Получим мы контроль над Лукангом или нет, если мы заблокируем доступ к островам Увива, то перережем связи Горных с черным рынком. И тем самым опустошим закрома Айт Мады, которые она использует для войны.

Шаэ не сомневалась, что Горные переводят средства от продажи нефрита и «сияния», полученные от Ийло, через дочерние и подставные компании, а эмбарго запретит любым кеконским компаниям вести дела с увивскими.

– Горные контролируют в Королевском совете на шесть мест больше, чем мы, – указал Хило.

Шаэ удивилась, что он это помнит.

– Значит, нужно получить голоса независимых и членов Совета от мелких кланов, – ответила Шаэ. – И мы их получим.

Она была права. Через несколько часов после заявления Вуна от имени Равнинных Шаэ доложили, что пресса и широкая публика положительно оценили законопроект, его поддержали даже несколько законодателей от Горного клана. Страна ждала введения более строгой политики, чтобы обезопасить Кекон от угроз Вялотекущей войны, наступающей, казалось, со всех сторон.

Шаэ позволила себе улыбнуться. Она положила ногу на стул и помассировала – боль разливалась до икры. Даже Горные не смогли бы остановить мчащийся на всех парах поезд всеобщих чаяний. Сторонники Равнинных в правительстве вскоре введут закон в действие вместе с планом Хило по реформированию армии. Клан значительно улучшил свой облик в глазах населения, и Айт Мада едва ли могла что-то противопоставить, не рискуя выглядеть лицемером и разозлить собственных сторонников.

Но хорошее настроение Шаэ длилось только до конца рабочего дня, когда к ней пришел неожиданный посетитель. На фотографии, стоящей на столе Вуна, Кийя была юной невестой

с сияющей улыбкой и длинными волосами, выбившимися из-под стильной красной шляпки. Женщина, которая вошла в кабинет Шаэ и села напротив, была в простом черном свитере с высоким воротом, а сердитое выражение лица подчеркивало синяки под глазами и тонкие, плотно сжатые губы.

– Кийя, – сказала Шаэ, неприятно удивившись. – Что привело...

– Я ухожу от мужа, – прервала ее Кийя. – Он слишком благороден и слишком труслив, чтобы просить о разводе, так что придется мне. Хочу, чтобы вы знали – это было мое решение. Не вы забрали его у меня, я отдаю его сама.

Шаэ молчала целую минуту.

– Я этого не хотела, – наконец ответила она. В голосе звучало скрытое облегчение и угрызение совести. – Поверьте, я не стала бы пытаться разрушить ваш брак.

– Значит, вы еще более жестоки, чем я думала. Я могу понять, если вы решили забрать кого-то у более слабого. Я готова смириться с тем, что потеряю мужа из-за более достойной женщины. А по вашим словам, вы даже не задумывались о том, что делаете, и все произошло случайно.

Подбородок Кийи на мгновение задрожал, но потом она подняла голову и посмотрела Шаэ в лицо:

– Всем известно, что мой муж проводит почти все свое время рядом с другой женщиной, и не только потому, что он на нее работает. Все мужчины смотрят на сторону. Когда я была маленькой, отец и братья никому не позволяли меня обижать. Они выставили одного моего приятеля, когда тот опоздал на свидание в кино. А теперь я унижена и несчастна, но они твердят, чтобы я не наживала врагов в клане, скандаля с Шелестом. И пытались уговорить меня не уходить от мужа, потому что Вун Папи достиг таких высот в клане, и это идет на пользу семье.

В глазах Кийи стояли слезы злости.

– В понедельник у меня был день рождения. Папи ушел с работы пораньше, мы собирались провести вечер вместе. Но стоило вам позвонить, и он тут же ушел, не сказав ни слова. Даже не сообщил, куда идет и когда вернется. Даже не взглянул на меня. А теперь приходит домой только поспать и принять душ, а потом снова уходит. И говорит только, что это по делам клана.

Шаэ почувствовала, что ее лицо пылает.

– Мне жаль. Это был срочный вызов. Я полагаюсь на вашего мужа в важных делах, нет второго такого столь же верного и надежного человека. Он был мне нужен. Да и сейчас тоже.

– Мне он был нужен больше, – выплонула Кийя. – Я не Зеленая кость, в отличие от вас, но мне пришлось отдать клану четыре года жизни, которых уже не вернуть.

Она встала и пошла к двери.

– Кийя. – Шаэ презирала себя за то, что это говорит. – Я могу что-нибудь для вас сделать? Хоть что-нибудь?

Жена Вуна остановилась и медленно обернулась, словно вопрос застал ее врасплох.

– Коул Шаэлинсан, Шелест Равнинного клана, – сказала она, – оставь меня в покое, чтобы сдохла.

Глава 12

Новая работа

Беро арестовали и бросили в тюрьму. Конечно, ему не повезло – впрочем, как всегда. Недавно установленная камера перед спортмагазином в квартале Молоточек записала Беро, идущего с баллончиками краски и монтировкой за спиной. А на той неделе жанлунская полиция как раз устроила облавы, поддерживая порядок во время митингов протеста против расширения эспенской военно-морской базы. Тадино слег с желудочным гриппом, и Беро даже не с кем было разделить вино, когда его увели в полицейский участок.

И все-таки ему повезло. Если бы его схватил патруль Зеленых костей, он бы, скорее всего, оказался в больнице, а не в камере. С Беро случались вещи и похуже, чем несколько дней в тюрьме. Он позвонил на работу в «Двойную ставку» и сказался больным, чтобы там ничего не узнали, а сержанту полиции, который его допрашивал, отвечал односложно и пожимал плечами. Через три дня камеру отперли, а ему сообщили, что отпускают, наложив штраф в три тысячи дьенов, с условием через два месяца явиться в суд для уплаты, извиниться перед хозяином магазина и возместить ущерб, который еще не подсчитали.

Беро решил, что на этом все и кончится, и был неприятно удивлен, когда сержант не вывел его из полицейского участка, а проводил к задней двери, где его забрали два человека, кеконец и иностранец, и, так и не сняв наручники, посадили в серебристый фургон с тонированными окнами. Фургон тронулся в путь.

– Куда это вы меня везете? – потребовал ответа Беро.

– Расслабься, – сказал кеконец, хотя кеконцем он явно был только по происхождению, а говорил с иностранным акцентом. – Мы просто хотим поговорить.

– Да пошел ты, кем бы ты ни был, – гаркнул Беро, пиная спинку водительского сиденья. – Вы не имеете права меня увозить, эспенские свиньи.

– Заткнись, – рявкнул кеконец. – Если будешь кочевряжиться, мы отвезем тебя на работу, придется тебе объяснять своему боссу, как ты проводишь свободное время. «Двойная ставка» ведь принадлежит Равнинным? А разве не движение «За будущее без кланов» взяло ответственность за разгром в ней чуть больше года назад?

И Беро заткнулся. Кем бы ни были эти иностранцы, они знали о нем куда больше полиции. Кеконец набросил на голову Беро полотняный мешок и сказал:

– Это для твоей же безопасности. Просто сиди тихо и держи рот на замке.

Минут через двадцать машина остановилась. Дверь открылась, и Беро проводили в здание, по-прежнему с мешком на голове. Придерживая за локоть, его провели по коридору, потом еще через одну дверь и усадили на стул, после чего сняли мешок и наручники. Беро потер запястья и хмуро уставился на двух мужчин, которые его сюда привели. Тот, что говорил с ним в машине, был гладко выбрит, от него пахло странным одеколоном. У другого были светлые глаза и короткая стрижка. Они находились в обычной комнате без окон, со столом и стульями, похожей на переговорную в любом офисе.

– Вот, попей, – сказал кеконец, поставил на стол бутылку арбузного лимонада и открыл вторую для себя.

Несмотря на раздражение, Беро схватил бутылку, потому что его мучила жажда.

– А теперь, когда мы остались наедине, можем познакомиться как полагается, – сказал кеконец. Беро подозревал, что главный здесь его молчаливый спутник, который был постарше и стоял в сторонке со скрещенными на груди руками. – Меня зовут Гало, а он Берглунд. Мы работаем на военную разведку Республики Эспения.

– Правда, что ль? – осклабился Беро. – Ни в жисть бы не догадался.

– У нас есть предложение, – продолжил Гало, не отреагировав на сарказм Беро. – Думаю, как только ты его услышишь, то поймешь, что в твоих интересах согласиться. – Он положил на стол перед Беро фотографию. – Узнаешь этого человека?

На фотографии был мускулистый и кудрявый иностранец, который впервые появился в «Маленькой хурме» в прошлом году и всполошил всех своими вопросами и заверением, что многие люди готовы вступить в движение «За будущее без кланов». После этого он поговорил с Гурихо и другими. Его звали Моловни. С тех пор Беро видел его несколько раз – он всегда сидел на собраниях в дальнем углу и, похоже, был со всеми на дружеской ноге. В последнее время Беро появлялся там от случая к случаю в надежде сблизиться с Эмой, которая до сих пор не согласилась сходить с ним куда-нибудь выпить, но терпела его, и Беро уже решил, что рано или поздно она уступит.

– Да, и что с того? – спросил Беро, в котором невольно проснулось любопытство.

Гало постучал пальцем по фотографии:

– Вастик эйя Моловни – неколва. На югутанском это означает «дитя народа». Слышал о таких?

– Неколва? – Беро перевел скептический взгляд с лица Гало на фотографию Моловни. – Они обладают нефритовыми способностями, хотя и не носят нефрит. Говорят, это все сказки, югутанцы выдумали их, чтобы запугивать народ.

– Они существуют, хотя их способности и преувеличены, – ответил Гало. – Неколва – участники югутанской военной программы, которая началась после Мировой войны. За тридцать лет сотни абукеек силой перевезли в Югутан или заманили туда обещаниями работы. А там их заставили стать суррогатными матерями для якобы бездетных пар. С самого детства их потомству смешанного происхождения давали малые дозы СН-1 и молотый нефрит. Некоторые в результате стали умственно отсталыми или умерли. А выжившие прошли лучшую в стране военную подготовку.

– Югутанские солдаты едят нефрит? – воскликнул Беро.

Он покосился на Берглунда, который кивком велел своему товарищу продолжать.

– У Югутана нет надежного источника поставок качественного биоэнергетического нефрита. Низкокачественный нефрит покупали на черном рынке и перемалывали в порошок, чтобы он лучше переваривался. Это сильно сокращает продолжительность жизни, но, не имея при себе нефрита, неколва стали великолепными шпионами и бойцами. Им необходимо регулярно принимать нефритовый порошок и СН-1, поэтому ими легко управлять. Это ответ Югутана на наших Синих ангелов и ваших Зеленых костей. А теперь они в Жанлуэ.

Неудивительно, что Гурихо, Отоньо и другие лидеры «Будущего без кланов» так стремились закорешиться с югутанцем, ведь он обладал теми же способностями, что и Зеленые кости.

Беро отодвинул фотографию Моловни.

– Я почти его не знаю. Мы даже не разговаривали.

– Если неколва подключился к подрывной деятельности на Кеконе, значит, за этим стоит югутанское правительство. Мы хотим узнать, что задумал Моловни. Для вашей и нашей страны это может иметь очень серьезные последствия. – До сих пор Гало стоял, слегка опершись о стол. А теперь подвинул стул, сел напротив Беро и понизил голос, так что он звучал серьезно и убедительно: – Мы знаем, что ты участвуешь в деятельности, направленной против кланов. И хотим, чтобы ты чаще ходил на встречи «Будущего без кланов», наблюдал и докладывал нам обо всем – что там происходит, когда появляется Моловни, что говорит и с кем проводит время.

Беро скорчил мину:

– Я не собираюсь шпионить на спенни.

На спокойном, как у истинного профессионала, лице Гало мелькнуло раздражение. Он уже открыл рот, чтобы ответить, но тут заговорил Берглунд. Гало повернулся к нему, и они быстро о чем-то переговорили на своем языке. Когда Гало снова повернулся к Бери, его лицо обрело прежнее выражение, только добавилась холодная уверенная улыбка.

– Как я уже говорил, мы не делаем подобных предложений на пустом месте. Мы выбрали тебя и потянули за ниточки в жанлунской полиции, чтобы привезти сюда. Конечно, ты можешь отказаться с нами работать. Мы отвезем тебя обратно в участок и сделаем вид, что этого разговора никогда не было. Ты снова будешь прятаться от Зеленых костей и пахать на дурацкой работе. Пожалуй, тебе лучше уволиться, прежде чем босс узнает, за что тебя арестовали, но придется напрячься, чтобы выплатить штраф за ущерб, который на тебя наложили. Или ты предпочтешь получать каждый месяц по тысяче эспенских талиров наличными.

Бери чуть не захлебнулся арбузной газировкой.

– И мы выплатим этот несчастный штраф, – экспромтом добавил Гало, словно вложил бонус в набор столовых ножей. – Подумай еще вот о чем: разве не полезно иметь союзников, которые позаботятся о твоей безопасности, не дадут тебя в обиду даже Зеленым костям, если для твоих друзей по «Будущему без кланов» все обернется худо?

– Они мне не друзья, – буркнул Бери, но не из-за того, что ему хотелось поспорить.

Тысяча талиров в месяц! Сколько это в днях? Семь тысяч? Или восемь? Куча денег.

– Вот почему ты идеально подходишь для этой работы, – сказал Гало. – Не сомневаюсь, что у тебя есть собственные причины недолюбливать кланы, иначе ты бы не вступил в «Будущее без кланов». Но, как я вижу, дело не в идеологии. Я мог бы попытаться убедить тебя в том, что мы на одной стороне и сотрудничество с нами пойдет твоей стране на благо... но тебе ведь нет до этого дела, верно? Ты не патриот. Ты заботишься только о себе, и это вполне естественно, – все с той же невозмутимостью произнес Гало, не переставая улыбаться. – Ну, что скажешь?

Бери допил бутылку лимонада.

– Я согласен, – ответил он.

Глава 13

Никаких секретов

седьмой год, шестой месяц

Однажды вечером Нико прибежал в дом в слезах. Он играл с братом, сестрой, кузеном Маиком Цамом и детьми Цзуэна в доме Штыря. У Цзуэна Нью и его жены было четверо детей, включая мальчиков-близнецов, на десять месяцев старше Нико, а Лина часто приводила Цама поиграть с кузенами, так что по двору поместья Коулов всегда бегала ребятня, перемещаясь от дома к дому, и повсюду валялись их игрушки и вещи.

Нико подбежал к Вен и пожаловался, что близнецы Цзуэны над ним насмеяются. Цам, Рю и Цзя строили дом из кубиков, а три старших мальчика стянули пачку сигарет и зажигалку из ящика и играли с ними. Жена Цзуэна заметила, чем они занимаются, и отобрала сигареты, устроив нагоняй, – дескать, они могли сжечь дом дотла. Отрезвленный выговором Нико обвинил Цзуэнов в том, что им пришла в голову такая идея. В пожаре могут погибнуть люди, строго заявил он друзьям. Его родная мать погибла дома в пожаре – вот почему он живет с тетей и дядей.

Близнецы Цзуэны засмеялись:

– Кто это тебе сказал?

Ему объяснила тетя Шаэ, когда он был еще маленьким.

– И ты правда в это поверил? – с издевкой спросил Цзуэн Ритто. – Ты же сын Колосса. Как ты можешь быть таким несмышленьшим?

Нико набросился на них с кулаками, требуя объяснить, что они имеют в виду, но они убежали.

Вен заверила Нико, что друзья просто подтрунивают над ним. В тот вечер, когда дети уже пошли спать, она рассказала мужу о случившемся.

Хило рассердился на бестактность детей Цзуэна, но виноваты были не они, а их отец. Дети всего лишь подслушали разговоры взрослых, которые те бездумно вели. А кроме того, он всегда знал, что рано или поздно это произойдет. Нико исполнилось восемь, он был уже достаточно взрослым, чтобы понимать многие жизненные концепции. В конце концов, ему все равно предстояло узнать правду, и важно, чтобы он услышал все подробности от Хило, а не от кого-то еще. Тем не менее Хило оказался не готов к такому разговору.

– Я с ним поговорю, – обещал он Вен.

Увидев написанную на его лице обреченность, Вен завершила физиотерапевтическую гимнастику, которой занималась в гостиной, и села рядом с мужем на диване. Она дотронулась до его ладони, и когда Хило не убрал руку, сжала ее крепче и прижалась к нему. Через девять месяцев после сцены за ужином они еще не были уверены друг в друге и оба страдали, когда печаль и обиды перевешивали желание понежничать. Но по мере того как к Вен возвращались силы и ловкость, она снова начала обсуждать все с мужем.

– Больше никаких секретов, – напомнила она.

– Больше никаких секретов, – согласился Хило.

Столько проблем между людьми, даже теми, кто любит друг друга, возникает из-за неспособности все честно обсудить.

И потому утром в субботу Хило разбудил племянника, которого считал своим старшим сыном, и сказал, что они вдвоем поедут завтракать. Вся остальная семья спала. По пути к гаражу им попались только садовники с букетами красных и желтых пионов, символизирующих супружеское счастье, – на выходные была назначена свадьба Шаэ и Вуна.

* * *

Как только высохли чернила на свидетельстве о разводе Вуна, Хило встретился с ним, а Вен поговорила с Шаэ, и они назначили дату. Хило вошел в гостиничный номер, где временно жил бывший заместитель Шаэ, и заявил без предисловий:

– Вун-цзен, я расстраиваюсь при одной мысли о том, сколько проблем за все годы причинили мне неудачные романы сестры. Ты был лучшим другом Лана, а теперь отлично работаешь на посту Хранителя печати, так что лучше не становись очередной такой проблемой. Либо немедленно уезжай на другой конец страны – сейчас нам нужно больше людей в Луканге, – либо женись на Шаэ, но решать нужно поскорее, я устал от этих идиотских драм. Сестра вряд ли придет ко мне посоветоваться, но если ты точно знаешь, чего хочешь, это твой шанс.

Вун смотрел на него почти со страхом, как будто ожидал казни, но постепенно выражение его лица сменилось на осторожную радость.

– Коул-цзен, – медленно произнес он. – Могу я попросить вашего разрешения просить Шаэ-цзен...

– Да, чтобы вам всем провалиться, я даю благословение Колосса, – вздохнул Хило.

Он не знал, чем закончился разговор Вен и Шаэ, но был рад, что этим занялась его жена: Шаэ могла отказаться от собственного самого заветного желания, лишь бы не признать, что Хило прав. Когда он попросил об этом Вен, она уверенно улыбнулась и сказала:

– Не волнуйся, твоей сестре просто нужно поговорить об этом решении с другой женщиной, вот увидишь.

По традиции свадьба Коул Шаэлинсан, Шелеста Равнинного клана и внучки Факела Кекона, должна была бы пройти в храме Божественного возвращения, с роскошным банкетом в отеле «Главная звезда». Но вместо этого решили устроить относительно скромную церемонию в кругу семьи, в поместье Коулов. Жених и невеста согласились пожениться быстро и безыскусно из уважения к родственникам Кийи, которые, хоть и имели невысокий ранг в клане, тем не менее не заслужили публичного унижения.

* * *

С детьми легче вести трудные разговоры. Нико любил жареные хлебцы, и Хило отвез его в забегаловку «Горячая хижина» в Доках, хотя и знал, что Вен считает такой завтрак неподходящим для ребенка. Они сели на скамейку с видом на гавань и ели горячие хлебные трубочки, только что со сковородки. Нико бросал в воду крошки для птиц. Утреннее солнце уже частично прожгло висящую в воздухе морось. Вокруг толпились продавцы уличной еды, сувениров и турагенты в надежде продать что-нибудь туристам, которые скоро начнут сходить с круизных судов, вставших на якорь ночью.

Ни одно судно не пришло с островов Увива – уже вступило в силу торговое эмбарго.

По сравнению с предыдущим годом положение клана улучшилось. Горным пришлось отказаться от попыток переманить Фонарщиков Равнинных, которые, в свою очередь, почувствовали себя увереннее на волне успехов Коулов. Конфликт в Луканге еще не разрешился, но ситуация стабилизировалась, и Цзуэн даже отозвал обратно в Жанлун нескольких старших Кулаков, и в их числе Йин и Лотта, оставив достаточно бойцов для поддержки отделившейся фракции Единства шести рук. Пока что сражения привели к очередной патовой ситуации, но Хило уже не так злился по этому поводу, как когда-то. Давным-давно он надеялся уничтожить Горных каким-нибудь быстрым и смертельным ударом, даже ценой собственной жизни, но теперь смирился с тем, что для победы потребуется гораздо больше времени. А ему нужно уцелеть и пережить всех врагов.

Чтобы запить жареные хлебцы, Хило купил две чашки горячего сладкого молока с лотка поблизости и выпил свою, пока остужал вторую для Нико.

Мальчик был в восторге от безраздельного внимания Хило и их вылазки, но понимал, что для этого есть какая-то причина, и вел себя тише, чем обычно, сосредоточенно ел, часто поглядывая на дядю.

– Ждешь не дождешься Лодочного дня? – спросил Хило.

– Ага, – ответил Нико.

По мнению Хило, он был необычным ребенком: редко расстраивался, но и бурно веселился нечасто. Внимательный и умный, лучший в своем школьном классе, но слишком много в нем было меланхоличности Лана.

– В Лодочный день мы сюда вернемся и посмотрим, как топят корабли. Закажем сладкие жареные орехи, как ты любишь, и арбузный лимонад, и можешь остаться допоздна, если хочешь.

Глаза Нико засветились от радости:

– А дядя Анден придет?

– Конечно, если не будет занят. Нико-се, – сказал Хило тем же легким и полным нежности тоном, – я слышал, что позавчера сыновья Цзуэна наговорили тебе всякого и ты расстроился. Хочешь, я расскажу тебе о том, что случилось на самом деле?

Улыбка Нико потухла, и он шаркнул мыском ботинка по земле под лавкой.

– Наверное, ты слышал, что другие ребята болтают о нашей семье, – мягко продолжил Хило. – Возможно, даже говорят какие-то гадости или привирают. Это вполне понятно, учитывая наше положение в клане. Когда ты слышишь что-то, в чем не уверен, то не отвечай сразу же. Сначала спроси меня или маму. Тетя Шаэ или дядя Анден щадят твои чувства из любви к тебе, а дядя Тар любит рассказывать грандиозные истории, иногда слишком грандиозные. Но я всегда скажу тебе правду.

– Они называли меня дураком, потому что я считаю, что моя мама, не наша мама, а моя первая, умерла при пожаре.

– Ты совсем не дурак, – заверил его Хило. – Просто люди любят потреть языками о чужой трагедии. Мы не рассказывали тебе подробности о том, что случилось с твоей мамой, потому что ты был слишком мал и не понял бы, или бы это тебя расстроило или напугало. Но теперь ты достаточно взрослый и готов это услышать.

Хило слегка помедлил, доедая свой жареный хлебец и собираясь с мыслями.

– Твой папа, мой старший брат, был хорошим человеком и сильной Зеленой костью, но иногда слишком мягкосердечным. Раньше я этого не понимал, но теперь, став старше, думаю, что понимаю его гораздо лучше. Когда он стал Колоссом клана, его жена ушла к другому, и они сбежали в очень далекую страну.

Нико выжидающе посмотрел на него с тем же сосредоточенным выражением, которое Хило видел на лице мальчика, когда тот рисовал, конструировал или погружался в книгу, но сейчас Хило Чуял, как колотится маленькое сердце. Хило похлопал по карманам, но потом опустил руки. Он старался не курить перед детьми.

– Обычно, когда кто-то предает Колосса, эти люди должны быть наказаны – убиты, даже если когда-то были друзьями или любимыми, – объяснил Хило. – Твоей тете Шаэ пришлось убить прежнего Шелеста, потому что он пошел против твоего отца. И вспомни, что рассказывал тебе дядя Тар о том, как он убил человека по имени Фуинь, который раньше был нашим Кулаком, но потом переметнулся к Горному клану. Я не хотел его казнить, но если бы не сделал этого, то не исполнил бы свой долг Колосса, а в итоге любой бы решил, что может нас предать.

– Папа убил мою маму? – в ужасе спросил Нико.

– Нет, Нико, твой папа был мягкосердечным, как я уже сказал, и он их отпустил. Хотя это было неверное решение для Колосса, но оказалось удачным, потому что в то время она носила

тебя, и ты родился уже в Степенланде. Ты уже знаешь, что мы вели войну с Горным кланом и твой отец погиб, когда ты был еще маленьким. Он даже не знал о твоём существовании. Мы узнали об этом почти два года спустя. – Хило внимательно оглядел племянника. – Когда я узнал о тебе, то поехал в Степенланд вместе с дядей Таром, чтобы поговорить с Эйни. Ради твоего блага я простил ее предательство и сказал, что она может вернуться в Жанлун и жить здесь вместе с нами, чтобы ты не рос на чужбине, вдали от тех, кто так тебя любит. Сначала она и ее друг согласились, но они солгали и попытались снова тебя выкрасть. Их невозможно было вразумить. Мало того, что они опозорили твоего отца, так еще хотели увезти тебя подальше от родной страны и семьи. Теперь ты понимаешь, что я не мог такого допустить.

Губы Нико задрожали, а в глазах набухли слезы.

– Она правда была такая плохая, что тебе пришлось ее убить? – жалобно спросил он.

Хило было больно видеть стыд и злость в глазах мальчика, когда тот узнал, что его мать совершила низкое предательство.

– Я сделал это очень быстро, Нико-се, она даже не успела испугаться, ей совсем не было больно. Люди, совершающие плохие поступки, необязательно плохие в душе. Хороший человек может попасть в определенную ситуацию или столкнуться с плохими людьми, и это повлияет на его решения. К сожалению, так произошло и с Эйни. Если бы она увезла тебя, ты бы никогда не познакомился со мной или с мамой, с двоюродными братьями и сестрами и с другими родственниками. Ты даже никогда бы не узнал, кем был твой отец. Не поступил бы в Академию и не стал Зеленой костью. Разве ты хотел бы так жить?

Нико с мрачной решимостью покачал головой. Хило крепко обнял его и притянул к себе. Нико был уже слишком большим, чтобы посадить его на колени, как когда-то, и Хило удивлялся и жалел, что дети так быстро растут, а время бежит так быстро.

Нико потерся заплаканным лицом о плечо Хило.

– Если моя мама была предательницей и ее пришлось убить, я тоже стану плохим человеком, когда вырасту?

– Выкинь это из головы, – резко ответил Хило, отстраняясь, и посмотрел мальчику в глаза. – Дети не обязательно идут по стопам родителей. Вообще-то, мы учимся на их ошибках и не склонны их повторять. Твоя настоящая мама – та, которая тебя вырастила. Отца твоей мамы, дяди Тара и дяди Кена, который погиб, когда ты был еще совсем маленьким, так что ты плохо его помнишь, казнили, а их семья была опозорена. Но они все изменили, и теперь семья Маик стоит на вершине, их имя произносят с таким же почтением, как и наше. Ты сам делаешь себе имя, Нико. Вокруг тебя люди, которые любят и гордятся тобой. И все говорят, что ты похож на отца. Поэтому не думай, будто случившееся с твоей матерью имеет отношение к тебе. Хорошо?

Нико засопел и кивнул, Хило снова его обнял и поцеловал в макушку.

– Теперь ты понимаешь, почему мы не рассказывали тебе об этом, когда ты был маленьким, – сказал он. – Ты бы просто не понял и испугался. – Наверное, мальчик и сейчас был немного напуган и сбит с толку, признавал Хило, но это неизбежно, его боль облегчат только любовь и поддержка. – Если ты когда-нибудь захочешь снова поговорить об этом, сразу приходи ко мне или к маме.

– Ты когда-нибудь переживал из-за того, что убиваешь людей, дядя? – тихо спросил Нико. – Наверное, я бы не смог убить своих друзей, например Ритто или Дина, что бы они ни сделали, даже если бы они спалили дом дотла.

– Я не переживаю, убивая врагов, которые хотят навредить нашей семье. Но людей, которых ты знаешь и которым доверял, убивать гораздо труднее. В этих случаях мне очень тяжело, но все равно приходится это делать.

Они молча посидели несколько минут, Хило гладил племянника по голове, а тот прижимался к нему, переваривая все сказанное дядей. Хило чувствовал облегчение оттого, что

наконец-то поговорил с Нико, и мог лишь надеяться, что сделал все правильно, разговаривая с ребенком на такую болезненную тему. Хило был Коулом, Зеленой костью и Колоссом клана, но сейчас понимал, что гораздо важнее быть честным и любящим отцом своих детей. Нико был старшим сыном. Если однажды он станет Колоссом, его следует воспитывать как полагается, поддерживая, но не ограждая от жизненных трудностей.

– Я тебя люблю, Нико, никогда об этом не забывай.

– Я тоже тебя люблю, дядя, – сказал Нико, вытирая слезы.

При взгляде на мальчика Хило переполняли любовь и гордость. Он должен передать по наследству детям сильный Равнинный клан, это гораздо важнее, чем нефрит или месть, даже чем собственная жизнь. Когда они шли обратно к машине, Хило подмигнул и сказал:

– Не говори Рю и Цзае, что мы ходили в «Хижину», а то они умрут от зависти.

Глава 14

Зелень почернела

седьмой год, восьмой месяц

Посреди ночи Хило разбудил неожиданный телефонный звонок. Поначалу Хило не узнал голос Тара. Тот что-то неразборчиво бормотал в панике. Хило сообразил, что Тар звонит из таксофона перед своим домом в Согене.

– Никуда не уходи, – приказал Хило. – Ты меня слышишь? Оставайся там до моего приезда.

Он повесил трубку и оделся. Вен тоже проснулась и села в постели, глядя на него с неммым вопросом в испуганных глазах.

– Что-то случилось, – объяснил Хило. – Я найду его и привезу домой, как только смогу.

Он разбудил Цзуэна и трех Кулаков – Лотта, Вина и Тона – и через пятнадцать минут был уже у Тара. В телефонной будке того уже не было. Они пошли по кровавым следам на тротуаре. Помощник Колосса пробежал три квартала и рухнул за углом. Он находился в полузабытьи, одежда пропиталась кровью. Его руки и грудь были исполосованы ножом. Когда Тар увидел Хило, на его лице отразились облегчение, мольба и страх.

– Хило-цзен, помоги мне, – взмолился он, задыхаясь. – Я натворил что-то ужасное.

Хило не верил своим глазам. Его самый преданный и грозный помощник лежал в переулке весь в крови и содрогался от рыданий. Это казалось совершенно невозможным. Цзуэн и Лотт опустились на колени рядом с Таром и Сконцентрировались, чтобы остановить кровотечение, а потом отнесли его на заднее сиденье машины.

– Отвезите его домой, – велел Хило Лотту и Тону. – Вызовите Андена, чтобы он его подлатал. Не оставляйте его одного, не позволяйте куда-либо звонить, и чтобы никто больше его не видел – ни моя жена, ни дети.

Вместе с Цзуэном и Вином Хило вернулся к квартире Тара. Просторный пентхаус с окнами на юг находился на верхнем этаже. Дверь была не заперта. Внутри глазам Хило предстало кошмарное зрелище. Все было перевернуто вверх дном. Бежевый ковер пропитался кровью и стал липким, кровавые пятна на стенах уже побурели. Мебель и двери были разломаны в щепки, повсюду разбросаны вещи. На диване в гостиной лежало тело Йин Ро с перерезанным горлом, гортань вывернута наружу, так что тяжело было смотреть даже такому закаленному бойцу, как Хило.

– О боги... – в ужасе прошептал Цзуэн.

Хило похолодел. Одно дело – видеть Зеленых костей, убитых врагами или погибших в честном поединке. И совершенно другое – смотреть на сцену резни в доме близкого человека. Он не мог заставить себя поверить, не желал признавать то, что видели собственные глаза. Маик Тар, его помощник и шурина, кого он любил и кому доверял еще с тех пор, когда они учились в Академии, убил другую Зеленую кость из клана – женщину, на которой в следующем месяце собирался жениться. Нефритовые серьги и браслеты Йин по-прежнему были на ней. Труп выглядел ужасающе, словно ее загрыз дикий зверь и бросил разлагаться на солнце.

Хило остался в квартире, пока тело не привели в достойный вид, а потом предоставил Цзуэну и Вину заняться уборкой и сообщить семье Йин. Все еще оглушенный, он в одиночестве поехал обратно в поместье Коулов, свет от уличных фонарей мелькал на белом капоте «Княгини» в монотонном ритме, в такт с биением сердца в ушах.

Йин Ро не была случайной и незначимой жертвой. Она была старшим Кулаком Равнинных, одной из немногих женщин, добившихся такого статуса. Ее все знали, а другие женщины клана старались ей подражать. Хило заметил Йин много лет назад, когда еще был Штырем, она

всегда работала не покладая рук, и Цзуэн хотел повысить ее до Первого Кулака после выхода на пенсию Вуая. Мало кто из мужчин мог соперничать с ней в нефритовых способностях, да и мало кто хотел, вот почему она снова и снова возвращалась к Маику Тару. И она не позволила убить себя с легкостью – разгромленная квартира и многочисленные раны Тара тому свидетели.

Хило не помнил столь же кошмарных преступлений в Равнинном клане. Оно сотрясет весь клан до основания. Родственники Йин потребуют возмездия.

Когда Хило приехал домой, на крыльце его уже ждали Анден и Лотт. Они стояли рядом, но не разговаривали и выглядели очень серьезными. Увидев их вместе, Хило вспомнил, что они одного возраста, учились на одном курсе Академии и даже дружили, но стали совсем разными.

– Мы заперли его в кабинете, Хило-цзен, – сказал Лотт. – Он не пытался уйти.

В оранжевом свете фонарей на крыльце лицо Андена выглядело бледным. На нем был лишь медицинский нефрит, и аура стала тонкой и слабой, он потратил много энергии.

– От ран он не умрет, – ответил он на немой вопрос Хило. – Один удар проткнул селезенку, но я остановил кровотечение. Не знаю, стоит ли делать что-либо еще, раз...

Он умолк. Хило с благодарностью положил руку ему на плечо, и они вошли в дом.

Лотт поставил охранять Тара трех Кулаков – двух в комнате и одного у двери в коридоре. Мудрая мера предосторожности – даже раненый, Маик Тар оставался одним из лучших бойцов клана, и если он лишился рассудка, трудно было сказать, на что он способен. Но когда Хило вошел в кабинет, его шурин тихо сидел на диване, поставив локти на колени и сцепив пальцы на затылке, словно готовился к падению самолета. Его раны перевязали, а одежду сменили, достав чистую из шкафа Хило.

Хило жестом велел охранникам уйти и закрыл за ними дверь. Тар поднял голову и посмотрел на него с несчастным и жалобным выражением:

– Она умерла, да?

Когда Хило кивнул, Тар зарыдал – он плакал долго и безутешно, разрывая душу. Хило слышал такое лишь однажды – когда убили Кена.

Он подошел к человеку, которого считал братом, и сел рядом с ним, положив руку ему на плечо, чтобы утешить.

– Не понимаю, как это случилось, – захлебываясь от рыданий, сказал Тар. – Началось как обычная ссора, но потом все стало гораздо хуже. Она хотела уйти от меня, Хило-цзен. Говорила ужасные вещи... – Нефритовая аура Тара напоминала разбитое стекло – сплошные острые осколки. Между рыданиями снова прорвались слова: – Я не хотел ее ранить, клянусь богами. Я люблю ее. Я же собирался на ней жениться! Мы и раньше ссорились, но вроде бы с этим покончили, и наконец все наладилось. А когда сегодня пришли домой, она сказала, что отменяет свадьбу и бросает меня. Она спала с другим и призналась в этом. Она была пьяна, я тоже выпил... Не знаю, как вышло, что мы достали ножи, этого я уже не помню...

Хило позволил Тару выплакаться. Все его признания не имели значения. Невозможно было извиниться за то, что он совершил, невозможно объяснить или поправить – от его руки пал Кулак клана. Но если Тару нужно было выговориться, то Хило мог хотя бы его выслушать. Когда Тар наконец умолк, Хило вытащил пачку сигарет. Он предложил Тару сигарету и закурил сам – ему нужно было успокоить нервы. Он не был уверен, что справится с предстоящей задачей.

Теперь Хило понимал, что сам несет ответственность за сегодняшнюю трагедию. Это он поручал своему помощнику самые ужасные задания, самые трудные и жестокие. Во время клановой войны он пересмотрел роль своего помощника и воспользовался характером Маика Тара – безграничной преданностью, свирепостью, надежностью и скрытностью. Человеку, который занимается такой работой, необходим крепкий якорь, который позволял бы ему оставаться человеком, а не просто заточенным оружием. Этим якорем был Кен, но Кен погиб уже много

лет назад, а Хило и Вен тонули в собственной пучине, обращая слишком мало внимания на других. Уцепиться за такого жесткого человека, как Йин Ро, было ошибкой, она все равно ушла бы от него, а Тар не мог вынести новой потери.

Вен это знала, с печалью понял Хило. Но старалась быть оптимисткой. Хило урезал обязанности Тара, считая, что этого достаточно для обуздания его свирепости. И к тому же благословил его брак в уверенности, что это сделает Тара счастливее и добрее. А значит, в конце концов Хило сам виноват в том, что Тар превратился в чудовище.

– Тар, – мягко произнес Хило. – Ты был не в себе. Сегодня вечером ты потерял рассудок и совершил нечто ужасное, чего никогда бы не сделал, если бы мог ясно мыслить.

Хило пришло в голову, хотя и слишком поздно, что причина может скрываться еще и в здоровье – вдруг все пропустили начало Зуда. Вполне в духе Тара отмахнуться от симптомов нефритовой лихорадки, убедив себя, что это временная хворь, не угрожающая рассудку.

– Того, что ты совершил, уже не исправить. Ты убил одного из наших, Зеленую кость и Кулака. Такое преступление нельзя простить, ты сам знаешь.

Хило трудно было даже произносить эти слова, а Тару еще сложнее их слышать. Его ладони задрожали, и он зажал их между коленями, понутив плечи. Он выглядел так, будто его вот-вот стошнит. Хило с трудом мог поверить, что этот сломленный человек так долго был одним из самых сильных бойцов клана.

– Нам нужно пройти, Тар, – сказал Хило. Слова вырвались против его воли. – Как думаешь, ты сможешь идти, или тебе нужна помощь?

Тар взглянул на Колосса. В его глазах читалось не только страдание, но понимание и решимость.

– Я смогу идти, – ответил он с привычным мужеством.

– Я могу тебе доверять и оставить нефрит?

Хило не отдал приказ снять с Тара нефрит и не хотел унижать его еще больше, если этого можно избежать.

– Я не доставлю хлопот, Хило-цзен.

Хило положил руку Тару на плечо и повел его к выходу. Кулаки у двери расступились, давая им пройти.

– Я могу повидаться с детьми? – спросил Тар. – Всего на минуту.

– Вряд ли это удачная мысль, – ответил Хило. – Они спят.

Тар кивнул, и они вместе вышли из дома. Лотт и Анден проводили их мрачными взглядами, не зная, что сказать.

Поместье Коулов раскинулось на двух гектарах, с несколькими домами и главным двором в центре. Остальное пространство занимали сад, пруд, лужайка, зал для тренировок и небольшой лесок, отделявшие особняки друг от друга и окружающего города. Хило повел Тара по дорожке, петляющей по саду. Они обогнули дом Штыря и спустились по небольшому склону, где дети Цзуэна обычно строили крепости и играли в войну. Хило шел рядом с Таром, который медленно ковылял из-за ран. Когда тот спотыкался или покачивался, Хило брал его под руку и поддерживал. Было около трех или четырех часов ночи, и, как всегда в такое время, в Жанлуне стояла тишина. Промежуточное состояние между прошедшим днем и будущим.

Когда они отошли подальше от домов и людей, так что Хило Чуял лишь далекие ауры других Зеленых костей в поместье, он остановился и повернулся к Тару. Тот сделал шаг назад и опустился на колени.

– Хило-цзен, – прохрипел он. – Прости, что подвел тебя. Еще с тех пор, как мы были детьми в Академии, я всегда хотел только следовать за тобой и служить как боец. Мы через многое прошли вместе. – Его голос дрогнул, но через пару секунд он взял себя в руки и заговорил тверже: – Клан – моя кровь, а Колосс – его повелитель.

Он прикоснулся лбом к земле и снова выпрямился со спокойной покорностью судьбе, не имеющей ничего общего с охватившим его сегодня безумием.

– Закрой глаза, – велел Хило.

Тар повиновался. Хило вытащил нож и подошел к Тару сзади. Аура Тара дрогнула от страха и печали, Хило Почуял гулкое биение его сердца и положил ладонь ему на макушку. Придется это сделать – одно быстрое движение слева направо по горлу. Хило уже убивал людей ножом, это легко и занимает не больше времени, чем вдох.

Прошла секунда. И другая. Потом еще одна. Хило задрожал. Он так крепко стиснул нож, что рукоять начала ломаться от произвольной Силы. Другой рукой он схватил Тара за волосы на затылке. Казалось, деревья сомкнулись вокруг, затемнив края зрения.

Пальцы Хило в судороге разжались, и нож выпал на гравий дорожки. Хило отпрыгнул от Тара, как дергающаяся на нитках марионетка.

– Проклятье! – прошептал он. – О боги!

Он оперся ладонью на ближайшее дерево, наклонил голову и накрыл другой рукой глаза.

– Я сам, Хило-цзен, – произнес за его спиной Тар. Он подобрал выпавший из руки Хило нож, поднялся и, нетвердо стоя на ногах, отряхнул землю с коленей. – Уходи, и я сам с этим разберусь.

Это простое предложение, сделанное с такой легкостью, лишило Хило остатков решительности. Именно этим и занимался для него Тар все эти годы – разбирался с проблемами. С самыми сложными и зловещими проблемами. И делал это тихо, четко и без единой жалобы – чтобы Хило мог отойти в сторонку.

Хило повернулся к нему:

– Отдай мне нож, Тар. – Тот подчинился, и Хило убрал нож в ножны. Потом прижал ладони к глазам, пытаясь собраться с мыслями. – Вот как мы поступим, – сказал он, опустив руки. – С тебя снимут нефрит и вышлют с Кекона. Ты не сможешь вернуться, никогда. Если попытаешься, любой может лишить тебя жизни с моего разрешения. Клан будет хотеть твоей крови, и мне придется всех убедить, что виноват Зуд и поэтому тебя следует пощадить, если ты никогда больше не наденешь нефрит. Я высылаю тебя, Тар, и ты можешь начать все сначала, без нефрита и без клана.

С озадаченным видом Тар покачал головой, словно не знал, благодарить Хило или укорить за то, что не стал его убивать.

– Без нефрита и клана я ничего не стою, Хило- цзен! – воскликнул он. – Пусть меня убьет кто-нибудь другой, если ты не хочешь. Другому это будет легче, и так правильно.

– Возможно, – тихо сказал Хило, – но я не могу потерять еще одного брата. Я уже потерял слишком многих. – Он положил руки Тару на плечи и притянул его к себе, лбом к своему лбу. – Я всегда знал, что могу на тебя рассчитывать, и поэтому слишком много просил. А сейчас прошу о последнем одолжении. Прошу тебя жить дальше.

* * *

Два часа спустя Хило вернулся домой и застал Вен сидящей на полу в углу спальни. Прижав колени к груди, она откинулась головой на стену. Глаза Вен покраснели, а веки набрякли. Она даже не подняла голову.

– Все кончено? – глухо спросила она. – Мой брат мертв?

Хило бросил пиджак на кровать и тяжело опустился на край матраса.

– Нет. С него сняли нефрит и отправили в изгнание. К рассвету он должен покинуть страну.

Хило с изнеможением вздохнул, вытащил из кармана горсть нефрита – кольца, серьги, подвеску, часы – и положил на ночной столик. Нефрит Тара. Хило обещал ему, что однажды нефрит перейдет к Маику Цаму.

– Многие в клане скажут, что он должен был заплатить жизнью. И они имеют право на гнев. Йин и ее семья такого не заслужили. С этим мне придется разобраться. Но я не смог его убить. Не сумел убить своего брата. А кто бы сумел?

Теперь Вен посмотрела ему в лицо, слегка приоткрыв рот, словно хотела что-то сказать, но не нашла подходящих слов. Хило расстегнул рубашку. Небо над домом начало светлеть, и Хило отчаянно нуждался в паре часов сна перед неизбежной бурей, которая последует днем.

– Я внесу кое-какие изменения, – сказал он. – Подчиненные Тара, его Гвозди, опять вернуться под командование Цзуэна. Вся боевая часть клана снова будет подчиняться Штырю. При дедушке и Лане помощник Колосса выполнял совсем другие функции. Из-за клановой войны и характера Тара я их изменил. Что бы я ему ни поручал, он беспрекословно выполнял задания. Мы в этом нуждались. Но теперь я больше этого не хочу.

Он отвернулся, снимая часы и нож, и бросил их на комод.

– Раньше помощник Колосса не относился ни к боевой части клана, ни к деловой, – продолжил он. – Он был только на стороне Колосса, при необходимости давал ему советы, заботился о том, чтобы все шло гладко. Помогал Колоссу быть Колоссом.

Хило встал и подошел к Вен. Он протянул руку и помог жене подняться.

– А на это способна только ты, – тихо произнес он. – Я не смогу быть Колоссом без тебя. Мы причинили друг другу боль, потому что оба слишком упрямы, когда идем к цели, и дорого за это заплатили. Но какой смысл жить, если мы не можем уступать тем, кого любим? – Хило обнял Вен и погладил по волосам. Потом поцеловал в лоб, щеки и губы. – Ты будешь моим помощником, Вен?

Дрожащими руками Вен обняла его лицо.

– Клан – моя кровь, – прошептала она пылко, но без запинки. Затем опустила голову и прижалась губами к впадинке на шее Хило. – А Колосс – его повелитель.

Первая интерлюдия

Долгое правосудие

Эон II, последний король Кекона, правил в самый мрачный период истории государства и умер бесславно. Три сотни лет после объединения нации Кекон жил относительно мирно и процветал при правлении династии Цзан, но когда в возрасте девятнадцати лет на престол взошел Эон II, в стране начались беспорядки. На Кеконе укрепили свое присутствие иностранцы. Торговцы из степенландской гильдии Брамско и Тунская империя контролировали портовый город Тошон на южной оконечности острова, а шотарский флот царил на востоке Амарического океана. Иностранцы конфликтовали друг с другом и с местным населением.

После нескольких жестоких стычек и обвинений в том, что иностранцы дают королевской семье взятки, многочисленные кланы Зеленых костей тоже перессорились – одни остались верны ослабевшей монархии, а другие считали, что короля следует свергнуть. Когда империя Шотар вторглась на Кекон, обрушив на страну всю мощь современной армии, то столкнулась с сопротивлением нефритовых воинов, обладающих невероятными способностями, но разобщенных и дезорганизованных.

Несмотря на это, они дрались так яростно, а потери шотарцев были так велики, что, как позже выяснилось из всплывших документов, шотарская армия собиралась сжечь Жанлун дотла, считая, что иначе Зеленые кости будут драться до последнего бойца и каждый заберет с собой в могилу сотни вражеских солдат. Советники рекомендовали королю Эону II покинуть страну и вести войну в изгнании. Но вместо этого монарх приказал кланам прекратить сопротивление. Он капитулировал перед шотарцами и отрекся от престола. Шотарское правительство держало бывшего короля в плену, представив его смерть от отравления, произошедшего по естественным причинам.

Кеконцы так стойко ненавидели короля Эона II за трусость и слабость, что, когда спустя пятьдесят лет монархия была символически, хотя и не фактически, восстановлена, внучатый племянник Эона, Иоан III, получил титул принца, а не короля, чтобы не напоминать о ненавистном родственнике.

Однако в последнее время историки подобрали к Эону II. Его якобы поспешная капитуляция спасла миллионы людей и позволила оставшимся в стране Зеленым костям перегруппироваться и создать сообщество Людей горы – сеть подпольного сопротивления, которая покончила с шотарским правлением и стала предтечей современных кланов. В плену бывший монарх призывал граждан к миру и сотрудничеству с иностранными завоевателями, но позже выяснилось, что он продал бóльшую часть семейного имущества и тайно переправлял деньги партизанам через посредничество Фонарщиков. Шотарский охранник Эона II описывал его в мемуарах как замкнутого, начитанного и очень доброго человека, в особенности по отношению к животным – полная противоположность стереотипному образу жестокого правителя, который кеконцы впитали не в последнюю очередь благодаря шотарской пропаганде.

Говорят, что на смертном одре опозоренный король посетовал: «Меня запомнят не за то, каким я был, а за то, каким не был. Может, это и к лучшему. Пусть боги судят меня за то, чего я не совершал».

Глава 15

Скептики

тринадцатый год, шестой месяц

Как самому молодому врачу в районной больнице квартала Папайя Андену всегда доставались наименее удобные часы работы – ночные смены, ранние утренние часы и праздники. Из восемнадцати врачей только трое были Зелеными костями. Анден часто работал дольше положенной смены, или его вызывали во время отдыха. Его репутация настоящего нефритового кудесника и родство с Коулами означали, что Кулаки и Пальцы клана хотят иметь дело именно с ним, и у него всегда было много пациентов. А кроме того, Папайя была бедным районом, здесь постоянно случались драки. Однажды вечером его вызвали к пациенту с внутренним кровотечением и пневмотораксом легкого. Анден с удивлением увидел на больничной койке Лотта Цзина, своего бывшего однокурсника по Академии Коула Ду, а теперь Первого Кулака Равнинных в Жанлуне.

– Лотт-цзен, что случилось? – воскликнул он.

Раны Лотта были результатом удара тупым предметом. Кости не были сломаны, а многочисленные ножевые порезы – поверхностные. Очевидно, Лотт превосходно владел Броней, но кровеносные сосуды и внутренние органы трудно защитить даже с отличными нефритовыми способностями.

– Барукан, – мрачно ответил Лотт, словно больше ничего и не требовалось объяснять.

Позже два Пальца, которые в нетерпении дожидались в холле новостей о состоянии Кулака, объяснили, что во время полицейской облавы на Лотта устроили засаду бандиты-баруканы со стальными трубами, монтировками и тесаками. Первый Кулак убил четверых баруканов и упал с третьего этажа, когда уходил по пожарной лестнице. Некоторые баруканы владели нефритовыми способностями на таком уровне, что представляли угрозу даже для Зеленых костей, в особенности когда имели численный перевес. Большинство из них были выходцами из шотарской банды Матиос и тем или иным образом работали на Горный клан, который отрекался от них и наказывал за противозаконные действия, но все равно использовал для простых поручений и чтобы скрытно нападать на Равнинных. Держать преступников в узде, но пользоваться ими против соперников – давнишняя традиция кланов.

Обычно, чтобы остановить кровотечение, вызывали хирурга, но Анден сам нашел рану и перекрыл кровеносные сосуды несколькими точными импульсами Концентрации. Во время лечения однокурсника, к которому он когда-то был равнодушен, Анден поневоле ощущал неловкость и не мог не отметить, что даже побледневший и раненый Лотт остается чрезвычайно привлекательным – мокрые от пота кудри, длинные ресницы на закрытых глазах, стиснутые от боли пухлые губы.

– Тебе придется остаться здесь на ночь с кислородным баллоном, – объяснил Анден, медленно и осторожно Концентрируясь, чтобы улучшить циркуляцию крови и ускорить выздоровление. – Ты полностью поправишься, Лотт-цзен, но это займет несколько недель.

Лотт кивнул, не открывая глаз. Анден встал, чтобы вымыть руки в раковине.

– Ты мог бы быть на моем месте, Эмери, – произнес за его спиной Лотт. – Ты был лучшим в нашем выпуске из Академии. Это ты должен был стать Первым Кулаком, а не я.

Анден обернулся. Лотт открыл глаза и смотрел на Андена, приподняв уголки полных губ в саркастической усмешке. Он показал на палату и свое перебинтованное тело:

– Уверен, что ты сделал верный выбор? Не жалеешь?

Анден нахмурился и вытер руки.

– Кто знает, какой ранг я бы мог получить. Быть может, я уже был бы мертв, от рук Горных или от Зуда. Путь в клане определяют не только способности, но и судьба. Может, судьба даже в большей степени.

К Лотту это тоже относилось. Первым Кулаком должна была стать Йин Ро, но ее убил Тар. При мысли об этом Анден содрогнулся.

Он чувствовал взгляд Лотта, медленное бурление его нефритовой ауры.

– Вряд ли кто-нибудь знает, принял ли правильное решение, – сказал Анден, – но я о своем не жалею, ведь я до сих пор жив и приношу пользу людям, хотя и по-другому. – Он сел на стул у кровати Лотта, стараясь не разглядывать его темные глаза и тень щетины на подбородке. – А как насчет тебя, Лотт-цзен? – спросил он. – В Академии ты не хотел приносить клятву клану и становиться нефритовым воином. Почему же ты все-таки это сделал?

Лицо Лотта посуровело, а нефритовая аура съежилась. Анден решил, что Лотт не ответит, но тот сказал:

– Все говорили, что мой отец был отличным Кулаком, зеленее некуда. В детстве мне не хотелось иметь ничего общего с этой сволочью, да узнают его боги. – Лотт попытался глубоко вздохнуть и подался вперед. Потом снова откинулся назад и приподнял голову. – Но после его смерти клан заботился о маме и сестрах. Теперь сестры уже окончили колледж, а у мамы свой небольшой бизнес. Они не могли о таком и мечтать. Так почему бы мне не получить самый высокий ранг в клане, какой мне по силам? Это лучшее, что я могу сделать для семьи. – В его глазах вспыхнул вызов, словно он ожидал от Андена возражений. Но, когда Анден не ответил, из голоса Лотта исчезла воинственность. – Колосс первым из клана заговорил со мной как с мужчиной, – признался он. – Он сказал, что я должен быть самим собой, а не бледной копией отца. Дал мне понять, что можно быть Зеленым без жестокости и злости.

– Я никогда не считал тебя чьей-то копией. Для меня ты всегда был собой, – тихо сказал Анден.

Под влиянием порыва он протянул к Лотту руку, но тот отдернул свою, не резко, но вполне очевидно. Смутившись, Анден тоже убрал руку.

– Я рад, что ты доволен своим выбором, – сказал Лотт без злости, но отвернулся, сделав вид, что не замечает неловкости Андена. – Спасибо, что подлатал меня, кеке. Теперь, когда я стал Первым Кулаком, рискую гораздо сильнее, и если мне не повезет, могу попасть в еще худшую передрагу. Я не могу позволить себе быть беспечным и ошибаться.

* * *

Когда Анден вернулся в свой крохотный кабинет, который делил с двумя другими врачами, сегодня отсутствующими, на автоответчике его ждало сообщение на эспенском. Анден посмотрел на часы и быстро вычислил разницу во времени. В Адамонте сейчас было утро. Чтобы сэкономить на междугороднем звонке и не звонить за счет больницы, обычно для разговоров с доктором Мартгеном Анден пользовался телефонной карточкой. Тот ответил через два гудка.

– Слава Господу, что я до вас дозвонился, – сказал эспенский врач. – Боюсь, мы уперлись в стену.

За последние шесть лет доктор Мартген и еще несколько его пылких последователей в Эспении с негласной поддержки Равнинного клана пытались добиться легализации биоэнергетического нефрита в медицинских целях на основе кеконской практики. Сейчас в Национальной ассамблее как раз обсуждался соответствующий законопроект, но его не давало провести Медицинское общество Эспении.

– МОЭ хочет не только отклонить закон, но и предлагает ввести более суровые наказания для тех, кто, по их словам, «использует биоэнергетический нефрит для недоказанных и потенциально опасных медицинских процедур».

Анден вдавил в стол костяшки пальцев. Его не удивляло, что большинство эспенских врачей не понимают значение нефрита и рассматривают его как угрозу собственным устоявшимся методам, но, если такой закон будет принят, целителей и Зеленых костей, вроде Даук Саны, которые десятилетиями незаметно помогали людям из кеконо-эспенского землячества, могут арестовать и на долгие годы посадить в тюрьму.

– Мы можем как-то вам помочь? – спросил он.

– Есть и хорошие новости, – сказал доктор Мартген. – Вчера мы убедили члена Ассамблеи Соннена, председателя Комитета по здравоохранению, отложить голосование на три недели и позволить продемонстрировать законодателям возможности биоэнергетической медицины, прежде чем они примут решение. – На некоторое время на линии установилась тишина. – Я понимаю, что все произошло слишком быстро, но нет ли у вас возможности...

Анден тяжело опустил на стул. Равнинные много лет мечтали о легализации нефрита в Эспении, даже если она ограничится лишь медицинскими целями.

– Я вылечу первым же рейсом, – ответил он. – Нужно кое-что уладить на работе и дома, но постараюсь привезти с собой и других врачей. Я вам перезвоню.

Повесив трубку, Анден глубоко вздохнул и потер лицо руками. А потом снова взялся за телефон. Он обзвонил своих коллег, чтобы попросить поменяться с ним сменами на следующие три недели, а потом оставил сообщение секретарю больницы с просьбой перенести на другое время наименее срочные операции. Затем позвонил в резиденцию Коулов. Хило не было дома, но Анден объяснил ситуацию Вен, которая попросила его поехать в Эспению и действовать там от имени клана. Андена до сих пор иногда поражало, когда Вен говорит нечто вроде «Я передам твои слова Колоссу» – как помощник Колосса, а не жена, каждую ночь делящая с ним постель.

Получив одобрение клана, Анден позвонил доктору Тимо и доктору Йону – двум врачам, которые ездили с Анденем в Эспению, в медицинский исследовательский центр Демфи. По другому поводу он ни за что не отважился бы позвонить им лично в неурочное время и попросить изменить расписание. Он извинился перед каждым за то, что звонит домой, и сказал:

– Мой брат, Колосс Равнинного клана, попросил меня действовать от его имени.

Тем самым он четко дал понять, что просьба исходит не от младшего коллеги, а от семьи Коул. Он заверил врачей, что они могут рассчитывать на достойную награду за труды, а их расходы на поездку будут оплачены.

После того как оба врача согласились поехать, Анден сделал последний звонок – в Академию Коула Душурона, набрав дополнительный номер общежития для мальчиков. Пару лет назад в каждой комнате общежития установили телефон для личных звонков – о такой роскоши Анден и не мечтал, когда сам там учился. Он сказал четырнадцатилетнему Нико, что сожалеет, но не сможет взять его в поход на следующие выходные, а если тот будет заходить в его квартиру дважды в неделю, чтобы забрать почту и полить цветы, он получит сотню дьенов.

– Конечно, дядя Анден, – ответил Нико. – Счастливого пути. Я слышал, в Эспении полно воров. Когда ты там жил, то носил деньги в поясе под одеждой, чтобы не украли?

Нико был на редкость осторожным подростком, вечно воображал самый худший исход. После того как Анден объяснил, что в Адамонте совершенно безопасно, Нико спросил:

– Можешь привезти мне пакет тех кислых конфет, как в прошлый раз?

Анден обещал привезти подарок.

После обескураживающе долгого ожидания на телефоне Анден купил билет на прямой рейс «Кеконских авиалиний» в Адамонт, вылетающий на следующий день. Остались лишь центральные места в задних рядах самолета. У стойки регистрации Анден на минуту задумался

и все же доплатил за место в бизнес-классе. Даже занимаясь делами Коулов, он всегда колебался, когда приходилось тратить деньги клана, поскольку не имел официального ранга у Равнинных и чувствовал себя в долгу за то, что семья Коулов оплатила его обучение сначала в Академии Коула Душурона, потом в эспенском колледже и вдобавок в колледже Биоэнергетической медицины.

И все ради чего? Он был неплохим врачом, помогал клану благодаря своим связям в кеконо-эспенском землячестве в Порт-Масси, причем по обеим сторонам Амариического океана, и многие годы выступал посредником между исследовательским центром доктора Мартгена и Зелеными костями из Жанлуна. Но его дедушка, покойный Коул Сенингтун, да узнают его боги, привел мальчика-сироту в свой дом в надежде, что в семье появится еще один нефритовый воин с потрясающими способностями, который поможет его родным внукам управлять кланом.

Анден знал, что семья оценивает его не с точки зрения полезности в бою, но другие люди именно так и оценивают. Лотт Цзин откровенно выразил эту мысль, сказав, что Анден мог бы стать Первым Кулаком вместо него. Анден часто говорил себе, что в тридцать один год пора уже перестать беспокоиться о мнении других, но все равно пытался что-то доказать всему миру.

Оказавшись в самолете, Анден не пожалел о своем решении взять билет в бизнес-класс. После двенадцати с половиной часов полета без сна ему предстояло прибыть в столицу Эспении и показать свои нефритовые способности публично, перед скептически настроенными и враждебными иностранными политиками. Гораздо важнее хорошо отдохнуть и не подвести клан и свою страну, чем сэкономить пару тысяч дьенов.

* * *

В отеле «Столичный пейзаж» его уже ждали доктор Мартген и Ригли Холлин, они сразу пошли в ресторан при отеле. Доктор Мартген в последнее время явно пребывал в напряжении, судя по синякам под голубыми глазами, а обычно аккуратная борода выглядела неухоженной. Но он пытался казаться бодрым и бесстрашным, как приговоренный к казни перед расстрельным взводом. Исследования Мартгена и его выступления в защиту биоэнергетической медицины сделали его парией среди многих коллег-медиков, а если законопроект о легализации медицинского нефрита провалится в Национальной Ассамблее, это, скорее всего, будет означать конец его карьеры.

Ригли Холлин, напротив, был в полной готовности и сосредоточен, как спортсмен накануне соревнований. Время от времени Андену приходилось просить его говорить помедленнее или повторить фразу, чтобы понять, о чем речь.

– Отличные новости, просто отличные! – объявил он. – Член Ассамблеи Соннен обеспечил именно то, чего мы добивались, – публичной демонстрации метода. Любой может отмахнуться от результатов, которые видит на бумаге. Но невозможно оспорить то, что человек увидит собственными глазами. Мяч на нашей стороне поля, и это наш шанс получить ракетс.

Спортивную метафору Анден не понял – он так и не разобрался в игре ракетс, но оптимизм Холлина его вдохновил. Ригли Холлин был вице-президентом рекламной компании «ВБХ Фокус» и женат на кеконке. Во время поездки в Жанлун пять лет назад она посоветовала мужу пройти курс биоэнергетического лечения после спортивной травмы, которая мучила его больше десяти лет. Потрясенный заметным улучшением своего состояния, Холлин с разочарованием обнаружил, что эти методы в Эспении легально не практикуются, не считая нескольких исследовательских медицинских программ.

Так он и познакомился с доктором Эланом Мартгеном. С тех пор фирма Холлина помогала Мартгену и его коллегам вести кампанию по ознакомлению эспенцев с возможностями биоэнергетической медицины, а в дальнейшем по ее легализации. «ВБХ Фокус» сняла тридца-

тиминутный фильм, который показали по основным кабельным сетям, опубликовала результаты исследований Мартгена в эспенских газетах и собрала сотни тысяч подписей в пользу закона о легализации.

А финансирование всех этих мероприятий обходными путями шло от Равнинного клана. Медицинский исследовательский центр Демфи был некоммерческой организацией, зависимой от правительственных грантов, и никогда не смог бы заплатить за съемку фильма и рекламу в ведущих газетах. Каждый год офис Шелеста отправлял щедрое пожертвование колледжу Биоэнергетической медицины якобы для культурного обмена и научного партнерства. Коул Шаэ четко дала понять, что эти деньги предназначены для единственной цели – пропаганды нефритовой медицины в Эспении.

Мартген и Холлин объяснили Андену, что демонстрация нефритовых способностей состоится в частной клинике, согласившейся на короткий срок предоставить помещение. Необходимое оборудование будет предоставлено. Медицинское общество Эспении пришлет наблюдателей, а Холлин пригласит журналистов и операторов. Анден и еще два кеконских врача, которые должны были прибыть завтра, осмотрят любых пациентов. Пока что в списке пациентов числились заинтересованные законодатели и журналисты.

– Понимаю, как много я прошу у вас и ваших коллег, – встревоженно сказал доктор Мартген. – Я предпочел бы избежать баталий, но Медицинское общество Эспении влиятельно и славится консервативными взглядами. Оно так просто не переменит мнение, в особенности когда речь идет о том, чтобы принять традиции других стран и культур.

Из разговора за семейным ужином в поместье Коулов Анден знал, что Горный клан научился обходить эмбарго на торговлю с островами Увива через дочерние компании в Восточном Оортоко, принадлежащие его союзникам-баруканам. Судя по некоторым признакам, Горные также пытались внедриться в Эспению, операции в которой много лет были главным преимуществом Равнинных.

– Как бы Айт ни выступала против иностранцев на публике, она знает, что Эспения – огромная и богатая страна, и не готова отдать ее нам безраздельно, – сказал тогда Хило. – Лишь вопрос времени, когда Горные сделают свой ход.

Анден волновался все больше, но сумел улыбнуться.

– Мне нужно немного поспать, – сказал он Мартгену и Холлину. – Похоже, в ближайшее время мне предстоит много работать.

* * *

Позже Анден вспоминал две недели, проведенные в клинике Адамонта, как самый изматывающий и трудный период в профессиональной карьере. Он осмотрел больше двухсот пациентов. Доктор Тимо и доктор Йон осмотрели даже больше людей, так что в целом они приняли почти восемьсот больных. Анден применял разные методы лечения. Некоторые люди страдали от хронической боли и старых травм, язв или нарывов, которые он лечил, увеличивая поток крови к пораженной зоне для ее стимуляции. Другим нужно было избавиться от камней в почках или сосудистых бляшек с помощью точечной Концентрации. Анден перекрывал кровопоток к разного рода опухолям и фибромам, чтобы они не росли дальше. В нескольких случаях он проводил только диагностику, напрягая Чутье в поисках аномалий организма, чтобы выяснить природу непонятного заболевания или боли, а затем диагноз можно было уточнить с помощью МРТ или рентгена и вылечить обычными методами.

Большинство пациентов, похоже, готовы были на любые процедуры, способные им помочь, и с радостью получали бесплатное лечение, но Анден работал вместе с несколькими эспенскими врачами, которые подозрительно следили за его действиями и с сердитым видом делали заметки, а иногда расспрашивали пациентов, пытаясь выяснить, не наняты ли это

актеры. Анден отвечал на вопросы журналистов и давал комментарии перед камерами. Он объяснил наблюдателям, что в основе биоэнергетической медицины лежит кеконская боевая дисциплина Концентрация, но врачи редко пользуются этим названием, а вместо этого создали несколько отдельных видов лечения, в зависимости от того, как нужно поступить с энергией – увеличить, уменьшить или перенаправить, от скорости и силы, с которой применяют Концентрацию, и от того, в какой системе организма производят манипуляции – сердечно-сосудистой, нервной и так далее.

Анден никогда еще не использовал нефритовые способности в таком режиме – день за днем, не считая разве что финальных Испытаний в Академии Коула Душурона, но даже тогда это не было так трудно. Каждый день он приезжал в клинику еще до рассвета, целый день работал, а потом возвращался в гостиницу в темноте и в изнеможении падал на кровать, только чтобы утром все повторилось сначала. Несколько парламентариев и журналистов, которых вылечили кеконские врачи, были так потрясены, что стали яркими сторонниками закона о легализации, и об этом трубила вся пресса.

О Зеленых костях пошла молва, и в клинику стало стекаться все больше людей в надежде проникнуть внутрь, некоторые часами стояли на тротуаре. К сожалению, большинство пришлось развернуть, и это вызвало возмущение.

– Я приехал в Адамонт, чтобы поддержать закон, а не заниматься благотворительным лечением, – проворчал как-то раз доктор Йон, увидев змейку очереди, тянущуюся к приемному покою.

К концу второй недели Чутье Андена буквально раскалилось, он воспринимал всю энергию вокруг как темное расплывчатое пятно и сомневался, что у него хватит сил, чтобы Сконцентрироваться и оглушить хотя бы мышь. Доктор Тимо и доктор Йон тоже были измотаны, и, хотя оба пылко поддерживали распространение нефритовой медицины по всему миру, они не раз признавались Андену, что слишком перетрудились. Возможно, размышляли они вслух, Шелест Равнинных отблагодарит их за усилия и попросит ректора колледжа Биоэнергетической медицины повисить их в должности.

Но Мартген и Холлин были в восторге.

– Голосование за закон о легализации состоится в конце недели, – сказал Андену Холлин. Медицинское общество Эспении пыталось отложить голосование, настаивая на необходимости «дополнительных исследований», но Соннен отклонил эти требования. – Мяч уже у ворот, – объявил Холлин. – Невозможно пойти против воли народа.

Оптимизм Холлина оказался преждевременным. За день до назначенной даты голосования в гостиничный номер Андена постучались два адвоката. Медицинское общество Эспении добилось того, чтобы законодатели опросили проводящего публичные демонстрации врача о его прошлом и связях с Равнинным кланом. На следующее утро Андену предстояло выступить на спецслушаниях перед представителями Комитета по здравоохранению.

* * *

Наверное, именно так выглядит судебное заседание, решил Анден. Он сидел один за маленьким столом с микрофоном, а перед ним полукругом – двенадцать эспенских парламентариев, которые внимательно смотрели на него сверху вниз. Тонем вежливого интереса они начали с расспросов о его образовании и достижениях, а потом наконец перешли к сути дела.

– Доктор Эмери, – сказал один из политиков, доктор Гилспар, секретарь Медицинского общества Эспении, – правда ли, что вас усыновил и воспитал Сенингтун Коул, возглавлявший Равнинный клан, один из крупнейших кланов Кекона, который контролирует производство биоэнергетического нефрита?

– Да, верно, – ответил Анден.

– И семья Коулов на восемь лет отправила вас в одну из кеконских школ боевых искусств, ученики которых после выпуска становятся уличными бойцами, так называемыми Зелеными костями? Это тоже правда?

Анден внимательно оглядел наблюдающих за ним законодателей. Он не надел нефрит и поэтому не мог Почуять, кто из них ему симпатизирует, а кто настроен враждебно, а мог лишь догадываться по их жестам и лицам. Но у большинства лица были каменные.

– Я окончил Академию Коула Душурона, одну из лучших школ боевых искусств страны. Многие, хотя и не все, выпускники вступили в Равнинный клан. Другие, как и я, выбрали иные профессии, включая медицину.

– Но вы ведь до сих пор входите в Равнинный клан, правильно? – спросил другой политик.

– Большинство жителей Жанлуна так или иначе имеют отношение к какому-нибудь клану Зеленых костей, – объяснил Анден. – Это жизненно важные сообщества нашей страны, вроде Торговых гильдий Эспении.

– Для собравшихся здесь людей, плохо знакомых с кланами Зеленых костей, – сказал Гилспар, с важным видом обведя взглядом коллег, – поясню, что кланы контролируют добычу, обработку и распределение кеконского биоэнергетического нефрита в стране и за рубежом, легально и нелегально. Они обладают такой властью в этой маленькой стране, что их можно даже назвать теневым правительством. И готовы на все для достижения своих целей, включая насилие.

– Очень похоже на Торговые гильдии, – вставил какой-то журналист.

Раздался смех.

– К чему вы клоните, доктор Гилспар? – спросил Соннен.

– Господин председатель, я пытаюсь выяснить, нет ли у доктора Эмери и его спутников мотивов, противоречащих интересам эспенских пациентов. – Он снова повернулся к Андену: – Поскольку вы росли в семье главы клана, то явно не рядовой член Равнинных, верно, доктор Эмери? Правильно ли будет назвать вас одним из руководителей клана?

Анден подался вперед, чтобы четко произнести в микрофон:

– Я близок с семьей Коулов лично, но не имею никакого статуса в Равнинном клане. Как врач, я не вхожу ни в один клан. Мой долг – использовать нефритовые способности лишь для лечения тех, кто в этом нуждается.

– Но вы признаете, что в прошлом использовали свои способности, убивая и калеча?

Анден чувствовал себя так, будто идет по натянутому канату, а этот малоприятный эспенец пытается спихнуть его и пинает со всех сторон в надежде, что он упадет.

– В юности меня учили использовать нефрит в схватках, а в Жанлуне тогда были беспокойные времена, и мне приходилось защищаться. А кроме того, поединки – обычная практика в моей стране, почти каждый человек так или иначе участвует в драках.

– Это не ответ на вопрос, – возразил Гилспар.

– Что вы все ходите вокруг да около, доктор Гилспар? – нетерпеливо прервал его Соннен. – Мы собрались здесь, чтобы решить, одобрить ли легальное использование биоэнергетического нефрита для медицинских целей, а не исследовать воспитание и личность доктора Эмери в мельчайших деталях.

По залу впервые пробежал одобрительный шепоток, и политики закивали.

Анден ощутил прилив признательности к Соннену. Он уже начал гадать, неужели никто не укажет представителю МОЭ на слишком предвзятый характер его вопросов. Однако Гилспар еще не закончил. Почувствовав, что теперь все настроены против него, он положил кулаки на стол и приподнялся, заговорив с еще большим ожесточением:

– Господин председатель, мне понятно, что здесь происходит. Кеконцы получают миллионы талиров от продажи нефрита Эспении по военным контрактам. Правящие островом

кланы – варварские и беспощадные организации, и теперь они хотят зарабатывать еще и на здравоохранении. Неужели мы и впрямь дадим кучке кеконцев возможность легально лечить своими несправедливыми методами наших граждан?

Раздались выкрики, в зале разгорелись пылкие споры, защелкали фотоаппаратами журналисты. У Андена горел затылок, а рубашка взмокла от пота и прилипла к спине под темным пиджаком, но Анден молчал, не показывая своего гнева. В детстве Анден считал, что эспенцы похожи на его биологического отца – поверхностные, высокомерные, вероломные, но с тех пор познакомился с ними получше и знал, что это лишь стереотип, как и многие другие. Однако этот человек, такой грубый и напористый, был как раз из тех эспенцев, которых ненавидели во всем мире. Он уверенно изрекал полуправду о том, в чем совершенно не разбирался, заносчиво судил других по собственным ханжеским стандартам и мотивам и презрительно отзывался о семье незнакомца.

Соннен постучал по столу и объявил получасовой перерыв.

– Доктор Эмери, подождите, пожалуйста, в комнате для посетителей, пока мы не решим, нужно ли задавать вам другие вопросы.

Анден был безмерно рад сбежать. В комнате для посетителей оказалось лишь несколько кресел, телефон и портреты эспенских премьер-министров, написанные маслом. Там уже ждали Мартген и Холлин. Им разрешили смотреть на допрос с балкона. Мартген побледнел и вытирал лоб, как будто это его допрашивали. Холлин похлопал Андена по спине и сказал, что он держался прекрасно, как настоящий профессионал, в отличие от Гилспара.

Анден воспользовался телефоном, позвонил в отель и спросил, не оставляли ли для него сообщения. Вчера вечером, узнав, что его ожидает, он объяснил ситуацию Шаэ и хотел узнать, нет ли для него новых указаний. Администратор отеля ответила, что пришло одно сообщение, и перевела его на голосовую почту. К удивлению Андена, он услышал голос Хило: «Энди, как только получишь это сообщение, позвони мне домой. Звони по семейной линии из таксофона. Даже если у нас будет ночь, все равно позвони».

В здании были таксофоны, но Анден сомневался, что звонить по ним безопасно. Он вышел под предлогом того, что ему нужно покурить и успокоиться – это было не совсем враньем. У соседнего здания он обнаружил телефонную будку. Анден позвонил в кабинет Колосса и посмотрел на часы. В Жанлуне было уже около полуночи. Хило взял трубку после третьего гудка.

– Как там дела, Энди? – спросил он.

Анден кратко рассказал Колоссу, что случилось.

– Люди Шаэ накопили кое-что на этого человека, – сказал Хило. – Он берет кучу денег у фармацевтических компаний. А кроме того, у него как минимум две любовницы. Если мы хотим заткнуть ему рот, то можем это сделать, но ты уже многого добился, так что давай подождем и посмотрим, что будет.

– Хило-цзен, мне стыдно, что во мне течет эспенская кровь, – дал волю чувствам Анден.

– Не говори так, Энди, – пожурил его Хило. – Неужели ты будешь чувствовать себя ущербным из-за слов какого-то бюрократа-спенни с водой вместо крови? Разве я не твержу, что в твоём случае капля иностранной крови даже принесла пользу? Разве нам не во благо, что ты можешь перемещаться по этой стране, ничем не отличаясь от любого из них? – Хило запнулся, и Анден услышал его приглушенный голос – видимо, он накрыл трубку рукой и сказал через плечо: – Ты еще не слишком стар, чтобы обнять папу на ночь и пожелать спокойной ночи, а? – Без сомнения, он говорил с Рю, единственным его ребенком, который еще жил в поместье Коулов, после того как Цзяя поступила в этом году в Академию. Секунду спустя Хило вернулся к разговору: – В общем, ты сделал все, что мог. А теперь должен поехать в Ресвиль. Лучше всего завтра.

– Ресвиль? – Это был город на юге Эспении, в трех часах лета от столицы. – Зачем?

– Через этот город Горные пытаются закрепиться в Эспении, – объяснил Хило. – Мы знали, что они когда-нибудь сделают этот ход, и они начали в Ресвиле. Они понимают, что в Порт-Масси мы слишком сильны, и решили попробовать в другом месте, надеясь, что мы не заметим. Нужно вышвырнуть их оттуда. Ты должен там кое с кем встретиться и обо всем договориться.

Анден снова посмотрел на часы. Тридцать минут уже истекли, ему пора было возвращаться и узнать, вызовут ли его еще раз для дальнейших вопросов. Он пробыл в Адамонте уже шестнадцать дней. Как носящему нефрит кеконцу, ему разрешалось оставаться в Эспении не больше двадцати дней подряд, и он надеялся воспользоваться оставшимся временем для визита в Порт-Масси – повидаться с господином Хианом, которому было уже за восемьдесят. Госпожа Хиан умерла, да узнают ее боги, и кто знает, сколько еще осталось ее мужу? Ресвиль находился очень далеко от Порт-Масси.

– Мне нужно возвращаться, Хило-цзен, я уже опаздываю, – сказал Анден. – Возможно, я застряну тут еще на какое-то время, пока не знаю. Конечно, если у нас есть шанс уничтожить Горных в Ресвиле, прежде чем они укрепятся в стране, нужно им воспользоваться, но я не могу сразу сорваться с места, это будет выглядеть подозрительно. Я позвоню тебе вечером – ранним утром по вашему времени.

Повесив трубку, Анден поспешил обратно и вошел с десятиминутным опозданием, запыхавшись. Он извинился перед доктором Мартгеном, который уже был как на иголках, сказав, что перепутал вход и заблудился в коридорах. Как выяснилось, он мог и не торопиться – прежде чем его вызвали обратно в зал, объявили еще один перерыв на сорок пять минут.

В зал вошел мрачный и побагровевший Гилспар. Он молчал, и ему больше не дали возможности задавать вопросы. Соннен откашлялся и объявил:

– Большинство голосов комиссия склоняется к тому, что законопроект о легализации биоэнергетического нефрита в медицинских целях следует поставить на голосование в Национальной Ассамблее завтра утром. Мы выслушали достаточно аргументов с обеих сторон и, несмотря на резкие возражения, пришли к выводу, что имеющиеся свидетельства неопровержимы.

Несколько человек из публики захлопали, но Соннен поднял руку:

– Доктор Эмери, прежде чем я вас отпущу, мне хотелось бы поблагодарить вас за проделанную работу, терпение и аргументы. Так приятно видеть, когда способный человек смешанного происхождения демонстрирует все самое лучшее из своего наследия. Многие пациенты, которым вы помогли за эти две недели, готовы засвидетельствовать вашу врачебную квалификацию, а если вам пришлось столкнуться с предвзятыми или несправедливыми комментариями, надеюсь, что они меркнут по сравнению с тем, сколько людей готовы принять те возможности, которые предлагает ваша культура.

Анден поблагодарил Соннена и ушел под одобрительные аплодисменты. Он задержался только для того, чтобы пожать руку доктору Мартгену и нескольким его коллегам из исследовательской группы и получить радостные хлопки по спине от Ригли Холлина и его коллег. Анден вернулся в гостиницу и собрал вещи. На следующее утро, после двухчасового обсуждения, Национальная Ассамблея проголосовала, и закон о легализации биоэнергетического нефрита в медицинских целях был принят с небольшим перевесом. К тому времени Анден уже летел в Ресвиль по приказу Колосса, чтобы уничтожить врагов клана.

Глава 16

Только бизнес

Адрес, который дал Андену Хило, находился в индустриальной части Ресвиля и оказался бывшим складом без вывески. Здесь было гораздо теплее, чем в Адамонте. Оштукатуренные стены были выбелены солнцем, а бетон вокруг выглядел почти белым на такой жаре. Внутри же здание казалось сумрачным по сравнению с палящим полуденным солнцем снаружи, а пахло там застарелым потом.

Анден ожидал увидеть нечто вроде зала для поединков в Порт-Масси – тайного тренировочного зала для Зеленых костей, превращенного в место, где все землячество может собраться по вечерам. Однако это помещение имело мало общего с подвалом Кеконского культурного центра в Южном капкане. Почти весь этаж занимал ринг с потрепанными циновками на бетонном полу, отделенный сетчатой перегородкой с пола до потолка. И ринг не пустовал – на нем были разбросаны деревянные ящики, металлические бочки из-под масла и цементные блоки. С потолка свисали веревки и горизонтальные стальные балки на толстых цепях.

В огороженном пространстве тренировались две Зеленые кости – с Легкостью перепрыгивая через препятствия, посылая волны Отражения, от которых раскачивались веревки и перекачивались бочки; Сила наталкивалась на другую Силу и Броню, так что бойцов отбрасывало на деревянные ящики, тут же разлетающиеся в щепки. Двое мужчин не пытались нанести друг другу увечья, но зрелище получилось впечатляющее, да еще в Эспении, где Зеленым костям приходилось тренироваться тайно. У Академии Коула Душурона было несколько специальных тренировочных полей, и по особым случаям, вроде Дня героев, школа открывала двери для широкой публики, а студенты старших курсов устраивали показательные выступления. Происходящее сейчас показалось Андену низкобюджетной версией тех представлений, только в довольно убогом интерьере и нелегально.

Снаружи ринга через сетку за бойцами наблюдал, покрикивая на них, еще один человек. В основном он вскрикивал от эмоций, подбадривая бойцов или показывая свое разочарование, как зритель перед экраном телевизора во время футбольного матча.

– Да! Да! – взревел он. И тут же: – Твою ж мать, ты что ему позволяешь? Шевелись!

Анден подошел к мужчине, тот заметил его и быстро окинул недружелюбным взглядом, но не отвернулся от ринга. Анден отметил, что ему не больше двадцати пяти и он привлекателен, как бывает привлекателен боец – острые плечи и локти, темные губы и крепкий лоб. На нем были выцветшие джинсы и черная футболка навыпуск. По обеим рукам вились замысловатые татуировки. Анден не видел нефрита, поскольку эспенские кеконцы не носят его на показ, но сразу понял – перед ним Зеленая кость, не только потому, что ему об этом говорили, но и потому, что даже без собственного нефрита, стоя рядом с незнакомцем, Анден чувствовал края его ауры, яркой и колючей.

Прозвучал громкий звонок, вероятно, показывая, что состязание окончено. Тяжело дыша и вытирая пот со лба, два бойца прекратили драться, пожали друг другу руки в центре ринга и погрузились в собственный разговор. Тогда Анден заговорил с незнакомцем:

– Джон Реми?

– А кто спрашивает? – отозвался тот, изучая Андена.

Анден прикоснулся ко лбу в традиционном приветствии.

– Эмери Анден из Равнинного клана, – ответил он по-кеконски. – Колосс передает свои приветствия из Жанлуна. Как и Даук Лосун из Порт-Масси.

Лицо Реми Жонцзунина, больше известного как Джон Реми, не стало более приветливым, но он повернулся к Андену и сказал уже чуть дружелюбнее:

– Так, значит, тебя послали Коулы. Я о тебе слышал. Ты ведь когда-то дружил с Роном Торо?

– Да узнают его боги, – добавил Анден.

– Я не был с ним знаком, – пожал плечами Реми, снова переключившись на эспенский. – Тогда я был еще мальчишкой, а Порт-Масси так далеко от Ресвиля. Но я слышал о нем, он был кем-то вроде городской легенды. Самый Зеленый в стране, так о нем говорили. Но все паршиво закончилось. Будь прокляты Бригады.

– Это верно, он был самым Зеленым в стране, – согласился Анден.

– И какживает старина Даук? – поинтересовался Реми. – До сих пор играет в догонялки со смертью?

Пусть Даук Лосун и не был полноценным Колоссом, Анден не привык, чтобы кто-либо говорил в таком небрежном тоне о стареющем лидере Зеленых костей, самом влиятельном в Порт-Масси, да и во всей Эспении. Как сказали Андenu, Джон Реми был союзником Дауков, именно с ним следовало обсуждать в Ресвиле проблемы Зеленых костей. Эспенцы всегда общаются по-простому, а Реми вырос в этой стране, так что, возможно, он и не собирался выказывать неуважения. И все же Анден теперь был настороже и по примеру Реми перешел на эспенский, явно более привычный для собеседника.

– Во время этой поездки у меня не было возможности повидаться с Дауком-цзеном, но, как я слышал, у него все хорошо, родился пятый внук, мальчик.

– Отлично, отлично, – рассеянно произнес Реми. Зеленые кости на огороженном ринге опустили сетку и перебирались через нее. – Видишь того парня с длинными волосами? – спросил Реми, сменив тему и указывая на бойцов. – Дэнни! – рявкнул он. – Да ты ж просто зверь с нефритом, ты даже на пробах всех перебьешь! – Дэнни помахал рукой в знак признательности, и Реми гордо заявил: – Это Дэнни Синцзо, он два года выступал на соревнованиях в Маркукуо, записывался в студии, а теперь пробуетея на роль гангстера в шотарской киностудии. Когда через пару лет увидишь его на большом экране, вспомни, что встречался с ним в Ресвиле еще до того, как он стал знаменитым, вот здесь, в клубе Джона Реми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.